

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», президент — Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд “Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда — Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор — Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Форттов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 10-ти томах

Том 8
ВЫЗОВЫ
И АЛЬТЕРНАТИВЫ
МНОГОПОЛЯРНОГО
МИРА:
РОЛЬ РОССИИ

Москва
2016

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре Ассоциации исследователей
русского общества (НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *Л.С. Гагазова*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-91022-326-8.

В данном томе собраны лекции, доклады, интервью, выступления, а также статьи Е.М. Примакова, публиковавшиеся в различных изданиях и на страницах прессы. В них рассматривается широкий круг внутренних и внешнеполитических проблем, в первую очередь, вызовы, стоящие перед российской экономикой, социальные и культурные аспекты модернизационных процессов. В центре внимания автора – также актуальные внешнеполитические сюжеты, связанные с наиболее острыми проблемами сегодняшнего мира (Сирия, Ирак, Ближний Восток и др.).

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

© Примакова И.Б., 2016

© ТПП РФ, 2016

© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016

© Издательство Московского университета, 2016

ISBN 978-5-91022-326-8

© Рабочая группа проекта, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
Часть первая	
ЛЕКЦИИ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА	
I. Глобальный кризис: вызовы и шансы для России	14
II. В чем постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с жизнью?	35
III. Пределы либерализма для России.....	46
IV. Государство как главный источник инновационного развития	64
Часть вторая	
РОССИЯ: «ДЕЛА НАСУЩНЫЕ»	
I. Конституция как основа политического и экономического развития России (к 20 летию Конституции).....	80
II. Роль и место Совета Федерации в решении задач развития страны	84
III. Модернизация экономики – с этого нужно начинать	88
IV. Модернизация России: чего следует избежать и от чего нельзя абстрагироваться	96
V. Необходимость противодействовать политике неолибералов.....	105
VI. Проблема выбора локомотивов экономического роста в условиях западных санкций.....	120
VII. Нужна ли нам иммиграция рабочей силы? Проблемы миграционной политики	124

VIII. О необходимости изменения структуры российской экономики	127
IX. Проблемы развития Дальнего Востока и Восточной Сибири	133
X. Возрастание роли регионов в экономическом развитии страны.....	136
XI. Возрастающая роль государства в условиях внутреннего и мирового кризиса	140
Постиндустриализация или реиндустриализация?	140
Наследство девяностых?	143
Основное зло.....	144
Опять о роли государства.....	146
От выборов до выборов	149
Мир, в котором мы живем	154
Часть третья	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ	
I. Россия в начале XXI века	159
Проблемы, переданные XXI веку.....	160
Экономические задачи внешней политики.....	161
Задача – борьба против сепаратизма	164
Опасность «ливийского эксперимента».....	165
За стабильность и безопасность в мире.....	168
II. Внешняя политика России: задачи и перспективы	168
III. О перспективах интеграционных процессов на постсоветском пространстве	177
IV. Гуманитарная основа интеграционных процессов на постсоветском пространстве.....	181
V. Вступительное слово на заседании «Меркурий-клуба»	184
VI. Значение российско-американского сотрудничества не может быть второстепенным	188
VII. Национальные интересы России в Арктике	192

VIII. Конкурентоспособность российского бизнеса на международных рынках	195
IX. О месте Балкан в создании нового миропорядка	198
X. Ближневосточный курс России: исторические этапы	206
XI. Беседа обозревателя «Российской газеты» с Е.М.Примаковым.....	222
XII. Выступление на пресс-конференции «Lenta.RU».....	233
XIII. «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций	241
XIV. Что делать туркам с курдами? Вопросы без однозначных ответов.....	246
В стеклянном доме нельзя бросаться камнями.....	249
Удар по Ирану?	249
Фронт против Сирии	252
XV. Пакистан – от диктатуры к демократии?	258
XVI. Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра	265
Как это было?.....	265
Крым: последовательность событий.....	269
США и Россия: противоположные позиции	272
XVII. Политология – инструмент реализации национальных интересов страны	278
ПРИЛОЖЕНИЯ	281
Примечания	283
Именной комментарий.....	293
Именной указатель	306
Географический указатель.....	309
Список сокращений.....	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том Собрания сочинений Е.М. Примакова включены его лекции, доклады, интервью, выступления, вышедшие отдельным изданием в 2014 г. Книга «Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России» была подготовлена к 85-летию академика Е.М. Примакова на факультете политологии МГУ (ответственные редакторы П.А. Цыганков и И.И. Кузнецов) и опубликована издательством Московского государственного университета тиражом в 1000 экземпляров. Она открывается приветственным словом ректора МГУ В.А. Садовничего, отметившего не только многочисленные заслуги Е.М. Примакова перед обществом и государством, но и особо подчеркнувшего его уникальную способность и умение стабилизировать ситуацию в моменты сложных, кризисных ситуаций, находясь на самых ответственных позициях в государстве. Ректор МГУ обратил внимание и на редкое для политика сочетание качеств государственного деятеля и ученого, востоковеда-арабиста, на протяжении многих лет изучающего и скрупулезно анализирующего политические, экономические, культурные аспекты истории Ближнего Востока и его сегодняшних проблем. Впрочем, как известно, интересы Евгения Максимовича отнюдь не ограничивались ближневосточной тематикой: он относится к типу политиков и государственных деятелей, умеющих мыслить масштабно, охватывать глобальные, общемировые процессы, предвидеть и их созидательные, и их деструктивные

последствия. Место традиционного предисловия в книге занимает статья декана факультета политологии МГУ, доктора исторических наук А.Ю. Шутова о Е.М. Примакове «Высшие приоритеты – сильное государство и национальные интересы», само название которой в полной мере раскрывает жизненное кредо Евгения Максимовича, посвятившего свою профессиональную деятельность отстаиванию национальных интересов России и созиданию сильного государства.

Составители Собрания сочинений сочли целесообразным сохранить в настоящем издании прежнюю структуру книги, руководствуясь рядом соображений: во-первых, она была разработана при участии самого Е.М. Примакова, во-вторых, данная структура адекватно отражает содержание тома. Она поделена на три части. В первую часть включены четыре лекции, прочитанные Е.М. Примаковым перед студентами факультета политологии МГУ в 2009, 2011, 2012, 2014 гг. Содержание лекций охватывает широкий спектр проблем: от критического разбора постулатов марксизма-ленинизма до детального анализа факторов глобального экономического и финансового кризиса, переживаемого миром в последние годы. Отдельные лекции публиковались в разделе «Политические науки» «Вестника Московского университета» в 2011–2014 гг.

Вторую и третью части составили выступления Евгения Максимовича последних лет (2010–2014) на различных заседаниях, доклады на конференциях, статьи и интервью в прессе. Они публиковались в разных изданиях и на страницах газет. Значительный комплекс текстов представляют выступления Евгения Максимовича в созданном при его участии «Меркурий-клубе». Этот клуб начал действовать в 2002 г., в бытность Е.М. Примакова главой Торгово-промышленной палаты РФ в качестве дискуссионной площадки для обмена мнениями между представителями власти, ученого сообщества и бизнеса.

Е.М. Примаков не только председательствовал в «Меркурий-клубе», но и был одним из наиболее активных его участников, регулярно выносившим на обсуждение перед российскими министрами, губернаторами, депутатами Федерального собрания, учеными, предпринимателями наиболее актуальные проблемы текущей политической жизни. Поскольку Евгений Максимович часто выступал перед самыми разными аудиториями на одни и те же темы, в его текстах есть неизбежные в подобных случаях повторы, хотя большинство сюжетов варьируется и подается в разных контекстах, вследствие чего было решено оставить их без каких-либо купюр или изъятий.

Во второй части сосредоточены сюжеты, касающиеся внутренних проблем России, преимущественно, экономических – связанных с текущими проблемами российской экономики, перспективами ее развития и задачами модернизации. Третья часть включает сюжеты внешнеполитического характера, освещающие наиболее острые мировые проблемы (Сирия, Ирак, Ближний Восток и т. д.). Е.М. Примаков не только обсуждает ситуацию в «горячих» регионах мира, но и ищет пути выхода из кризисных ситуаций. Он также уделяет большое внимание внешнеполитическим проблемам России, ее месту внутри международного сообщества, раздираемого геополитическими притязаниями различных государств с их разнонаправленными интересами.

Все три части тома взаимосвязаны и дают целостное, объемное представление о проблемах, занимавших мысли Евгения Максимовича и волновавших его в последние годы его жизни.

Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

Часть первая

ЛЕКЦИИ В МГУ ИМЕНИ

М.В. ЛОМОНОСОВА

I. Глобальный кризис: вызовы и шансы для России*

Я посвящу свое выступление видению экономического кризиса. Экономический кризис и Россия. Если вы не против, я остановлюсь на этой теме подробнее, а затем отвечу на ваши вопросы.

Сначала о несбывшихся идеях, выводах, прогнозах, которые делались, в том числе с высоких трибун. Первое. Говорили, что мы будем островом спокойствия, нас не затронет кризис, волны кризиса пройдут мимо и не захлестнут наш остров, который будет стабилен. Этого не произошло. Не произошло по вполне понятной причине: потому, что мы широко и глубоко интегрировались в мировую экономику. Достаточно сказать, что в докризисный период, например, темпы роста иностранных прямых вложений в нашу экономику превосходили темпы роста инвестиций в целом. Это показатель очень важный. Другой показатель: более триллиона было вложено нами, я имею в виду и частные, и государственные вложения экономического характера в зарубежных странах. Поэтому мировой кризис распространился и на нас.

* Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 3–17.

Приведу вам самые последние данные: на 10 % сократился за первое полугодие российский ВВП, на 18 % сократились инвестиции.

Второй, не выдержавший соприкосновения с жизнью, вывод заключался в том, что кризис у нас только потому и возник, что мы находимся в мировом хозяйстве, что причина кризиса лежит исключительно вне России. Это неправильное представление. Да, кризис, безусловно, пришел к нам извне, но в то же самое время этот кризис получил у нас специфические черты именно в результате того, что он развивается в России. Нужно сказать, что мы вошли в кризис с двумя главными дисбалансами. Первый: у нас 40 % ВВП создается за счет экспорта сырья, и естественно, что этот кризис больнейшим образом ударил по нам. Кто-то из вас, кто хорошо знает китайскую практику, может сказать, что в Китае половина ВВП тоже создается за счет экспорта, но – экспорта готовой продукции. А у нас – экспорт сырья. Поэтому когда Китай столкнулся с кризисом, темпы роста китайского ВВП сократились всего на 2 % – было 10, стало 8 %, т. е. дело ограничилось лишь небольшим снижением темпов роста, а у нас произошло физическое сокращение ВВП. Так вот, Китай осуществил следующий маневр: поскольку в результате мирового кризиса спрос на значительную часть экспортируемой продукции упал, они направили ее на внутренний рынок и увеличили платежеспособность населения. В результате при сокращении объема внешней торговли был увеличен объем торговли внутренней, и это позволило сохранить высокие темпы роста экономики: 8–8,7 %. У нас такого маневра нет, мы этого сделать не можем, потому что у нас 40 % ВВП создается за счет экспорта сырья. Это один дисбаланс.

Второй дисбаланс заключается в том, что, получая до кризиса действительно огромные средства за счет высоких экспортных цен на нефть, на газ, мы не вкладывали эти средства с целью диверсификации российской эко-

номики на развитие банковской системы. Очень хорошо, что мы за счет полученных средств смогли сократить те внешние долги, которые были у СССР и у России, на 90 млрд долларов, но вместе с тем вырос корпоративный долг, который составил 500 млрд долларов. Вот с ним мы и вошли в кризис. Это огромная сумма. Она на тот момент была равна золотовалютным запасам страны. Этот огромный корпоративный долг, который, в общем, можно считать государственным долгом, так как многие предприятия или даже большинство должников были государственными структурами, либо государство гарантировало покрытие их долга.

Почему это произошло? Потому что сама ориентация на вложение за рубежом огромных доходов от нефти, сама ориентация на то, чтобы вкладывать их в ценные бумаги США и ни в коем случае не тратить внутри нашей страны, привела к тому, что в России так и не образовалась система долгосрочного кредитования. наших предпринимателей практически выталкивали за рубеж для получения «длинных» денег или долгосрочных кредитов. Вот так сложилась ситуация. И эти два дисбаланса очень напрягают, сковывают, дают о себе знать в негативном плане.

Нужно сказать, что альтернатива, безусловно, существовала в виде вложений внутри страны, и к этомузывала реальная действительность. Смотрите сами, инфраструктура, дороги, например, у нас около 50 тысяч населенных пунктов, которые не связаны с магистральными дорогами. Вы представляете, что это такое? Как можно говорить о конкурентоспособной экономике в таких условиях?

Тем, кто настаивал на вложениях внутри страны, отвечали, что это приведет к инфляционному взрыву. Но почему вложения в дорожную инфраструктуру могут привести к серьезной инфляции? Это огромный вопрос. Кстати говоря, я вспоминаю, что когда премьер-минист-

ром был Зубков, в самом начале 2008 года состоялось у него совещание с участием министра финансов Кудрина. И на этом совещании я тогда сказал: смотрите, над нами нависает огромный корпоративный долг. Мне министр отвечал в течение получаса – он вообще очень долго говорит, объясняя свою позицию. Кончилось его выступление тем, что он, по сути, обвинил меня в желании закрыть возможность для наших предпринимателей получать кредиты из-за рубежа. А ведь я говорил совсем о другом.

В результате того, что в развитие собственной экономики средства не вкладывались, накапливалась отсталость России. Например, в машиностроении. Нового машинного оборудования у нас производится в 82 раза меньше, чем в Японии, в 30 раз меньше, чем в Германии, и в 31 раз меньше, чем в Китае. Это – факты.

Теперь следующий вывод, который не соответствовал реальной действительности и который, тем не менее, имеет хождение и поныне. Недавно я читал о призыве Чубайса низко поклониться Министерству финансов, потому что у нас есть «подушка безопасности». Стабфонд действительно помог, и этого нельзя отрицать, как нельзя отрицать и того, что поступили правильно, разделив его на Резервный фонд и на Фонд благосостояния населения. Но недавно Кудрин сказал, что Резервный фонд будет исчерпан уже в будущем году. Ну, пусть через два года, его наличие, в общем, не предполагает выхода из ситуации. Даже если мы начнем выходить из кризиса, оттолкнемся от дна, начнем всплывать, все равно потребуются несколько лет для того, чтобы мы смогли твердо встать на ноги. И в этих условиях совершенно ясно, что дефицит нашего бюджета не может постоянно ликвидироваться за счет этого фонда, который, как нам говорили, является «надежной подушкой безопасности».

Следующий вывод, который мало соответствует действительности, заключается в том, что мировой финансо-

вый кризис, который действительно имеет структурный характер, означает начало конца капитализма. Читали, наверно, об этом. Это далеко не так. Это, безусловно, кризис той модели капитализма, которая развивалась в Соединенных Штатах и была им свойственна. Это кризис капиталистической модели, отвечающей не марксистской формуле «деньги – товар – деньги», а формуле «деньги – ценные бумаги – деньги». Это кризис, возникший, в том числе, и по причине невмешательства государства в экономику и предоставления рынка самому себе. Это кризис, возникший из-за спекулятивных операций, часто осуществляемых теми организациями и компаниями, чьи активы были меньше тех средств, которые они пускали на спекулятивные операции. Это кризис оттого что никто не контролировал объемы и масштабы займов. Но это не кризис капитализма как такового. Более того, сейчас выходят из кризиса, применяя методы, отнюдь не свойственные либеральному капитализму, но, тем не менее, не отвергаемые, как утверждают некоторые, капитализмом.

Имеются в виду методы государственного регулирования. На определенных этапах капитализм допускает методы государственного вмешательства и, более того, не может без их применения развиваться. И сейчас эти методы осуществляются очень широко. В тех же Соединенных Штатах, например, принят закон, по которому вводится государственный контроль над банками, фондами и другими кредитными структурами. Закон этот, как считали многие, не пройдет через Конгресс. Прошел. О каком конце капитализма можно в таких условиях говорить? Можно говорить о том, что структурный кризис повлияет на капитализм, безусловно, но вывод, что капитализм закончился или начинается его конец, несостоятелен.

Еще один несостоятельный вывод заключается в том, что доллар абсолютно исчерпал себя как резервная ва-

люта, что он упадет и вместо него появятся другие валюты, а среди них резервной валютой станет рубль. Конечно, кризис показал, что однополярного мироустройства не существует, что руководить мировой финансовой системой из одного центра не удастся. Кризис показал, что роль региональных и национальных валют будет расти. Вы знаете, сейчас достаточно прочно утверждается евро, но надежды на то, что в ближайшее время рубль наряду с евро станет резервной валютой, просто неосуществимы. Не надо забывать, что наш ВВП составляет 2,5 % мирового. В этих условиях рассчитывать на рубль как на резервную валюту просто не приходится.

Ну, а теперь об антикризисных мерах в России. Все началось с поддержки банковской системы. Правильно это было или неправильно? Правильно. Если бы рухнула банковская система, это привело бы не только к крушению экономики, но и к социальному взрыву в стране. Я хорошо помню события десятилетней давности, когда были заблокированы практически все вложения населения в банки, и это привело к очень серьезным социальным последствиям. А сейчас это могло бы привести к еще более негативным социальным последствиям, поэтому правильно сделали, что дали средства в банковскую систему.

Но когда направляли средства в банки, была поставлена и вторая задача: через банки дать кредиты реальному сектору экономики. Вот этого не произошло. Банки, стремясь увеличить свою капитализацию, переводили деньги в валюту, вывозили ее за границу. В реальный сектор экономики это не пошло. Так, с одной стороны, была выполнена функция сохранения банковской системы и некоторого ее укрепления, а с другой стороны, в реальный сектор экономики кредиты не пошли. Почему? Потому что ясно надо было дать понять коммерческим банкам, что в деле использования тех средств, которые дает государство, в жестких рамках именно этой функ-

ции банки теряют коммерческий характер и фактически выступают как агенты правительства. Это не было доведено до банков, им не были продиктованы условия. Потом кое-что было сделано в этом отношении, даже было принято решение послать из Центрального банка во все коммерческие банки комиссаров, но оказалось, что необходимое для этого число хороших и честных специалистов найти трудно.

Наряду с финансовыми переводами в банки в самом реальном секторе экономики, по словам Владимира Владимировича Путина, открывается второй фронт. Этот второй фронт – непосредственное государственное кредитование, госзаказы, такие рычаги, как налоговая политика и так далее. Это нужно осуществлять, но это делается со скрипом. Возьмем, например, госзаказы. Вы читаете газеты, где буквально каждый день сообщают о том, что существующая схема госзакупок себя не оправдывает, потому что когда объявляется тендер, очень часто получает заказ тот, с кем заранее договорились. К сожалению, в полной мере сказывается коррупция.

И почему реальный сектор экономики не получает достаточного импульса для развития? Парадоксальная картина – правительство направило почти 1 трлн рублей в рамках антикризисных мер, но сотни миллиардов рублей, предусмотренные в бюджете 2009 года на национальные проекты и федеральные целевые программы, остались невостребованными. И дело не только в том, что Министерство финансов запаздывает их давать. Дело в том, что их не выбирают министерства и ведомства, которым они предназначены. И в результате возникает несомненное противоречие: значительные бюджетные ресурсы, столь необходимые для поддержки экономики, не работают, они исключаются из оборота. Это уже сугубо управленческая ошибка.

Какова формула выхода из кризиса? Мне кажется, что эта формула должна предусматривать решение триеди-

ной задачи. Первая задача – это, безусловно, минимизация негативных явлений и результатов кризиса, которые ухудшают положение в экономической и социальной сферах. Вторая задача – это поиск точек роста, причем выстраивание их иерархии, для того чтобы выйти из кризиса. И, наконец, третья задача – это создание новой модели экономики. Мы не можем возвратиться к докризисной экономике, это совершенно ясно. Но что в этой связи настораживает сегодня? Все больше и больше говорят о необходимости заимствования за рубежом и даже высказывают на этот счет определенные намерения.

Вот недавно был спор на заседании правительства, мы читали об этом в газетах. Практически полемика велась между председателем правительства и министром финансов. Председатель правительства считал, что не нужно брать у МВФ около 8 млрд долларов, которые фонд нам предлагает. Кудрин вел разговор вокруг да около, но, в конце концов, вынужден был согласиться с этим. Однако одновременно Кудрин, и здесь ему никто не возразил, сообщил, что в будущем году он допускает возможность займа за рубежом 17,8 млрд долларов на рыночной основе. И если мы дополнительно возьмем у МВФ еще 8 млрд, появляется угроза, что мы пойдем по тому же пути, по которому шли в докризисный период.

Это очень опасно. Почему это опасно? Нам говорят, смотрите, уже началась рецессия, уже оттолкнулись от дна и поднимаются Соединенные Штаты, Япония, Германия, Франция – эти две страны являются локомотивом в Европейском союзе. Все они действительно поднимаются – обозначилась такая динамика.

Таким образом, опять будет спрос на нефть, на газ. Будут высокие цены, и мы опять заживем счастливо. В этих условиях ряд правительственных финансистов предлагает поддержать наш нефтяной сектор, наши крупные компании. Однако это тупиковая ситуация.

Во-первых, таким путем мы не решаем утяжеленные кризисом социальные задачи. Я хочу привести пример

Газпрома. Недавно Газпром опубликовал полугодовой отчет, и, согласно этому отчету, его выручка в первой половине 2009 года превзошла на 9 % выручку первой половины 2008 года, докризисную. Каким образом Газпром уже в кризисное время увеличил выручку? Ведь экспорт газа сокращается и по объемам, и по цене. Дополнительная выручка получена за счет расширения сбыта газа на внутреннем рынке при ежеквартальном увеличении тарифов. А это значит, что источниками возросшей выручки Газпрома в кризисный период становятся промышленность и население.

Газпром действительно несет «золотые яйца» в бюджет, и никто не должен удивляться государственной поддержке Газпрома, но эта поддержка должна быть дозированной. Иначе рост доходов бюджета будет напрямую связан, с одной стороны, с ухудшением социальной ситуации, а с другой – с замедлением промышленного роста. Причем за эти полгода у Газпрома наряду с увеличением выручки упала прибыль. А падение чистой прибыли – это показатель неэффективности. А откуда быть эффективным Газпрому, в котором работают 300 тысяч человек, а занятых в норвежской Statoil, которая по продажам равна Газпрому, – 30 тысяч, т. е. в 10 раз меньше.

Не преуспеем мы в переводе экономики на инновационные рельсы, если будем ставить эту задачу только на словах, а не на деле. У нас лишь 10 % предприятий занимаются инновациями. На мировом рынке наукоемкой продукции 37 % принадлежит США, Китаю – около 7 %, а нам 0,5 %. Многие из вас знают Кондратьева, выдающегося русского экономиста, который кончил свою жизнь в 1938-м, к сожалению, как и многие другие люди науки, в тюрьме. Вошли в жизнь «длинные волны» Кондратьева. Изучив ретроспективно историю, он показал, что каждые 40–50 лет сменяют друг друга восходящие волны в рыночном хозяйстве и нисходящие волны. Причем каждая восходящая волна означает переход на новый техни-

ко-технологический уровень. Ныне к этому готовятся очень многие. В этом году США на науку, например, прибавили 3,2 % бюджета. Представляете абсолютное выражение этих 3,2 % бюджета? Это огромные средства. У нас формально на науку чуть-чуть прибавилось из бюджета, но если это соотнести с инфляцией, то, в общем, прибавка не состоялась. Между тем, по данным Института проблем развития науки РАН, затраты на гражданские научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в процентах к ВВП в России в 2 раза ниже, чем в Чехии, в 3 раза ниже, чем в Германии, в 4 раза ниже, чем в Южной Корее и Японии. Вот здесь нужно решать вопрос радикальным образом.

Правительство предпринимает ряд мер, чтобы улучшить обстановку, и мимо этого проходить нельзя. В первую очередь к этим мерам можно отнести облегчение на ввоз высокотехнологичного оборудования, которое у нас не производится. Это – обнуление таможенной пошлины, снятие НДС. Торгово-промышленная палата была у истоков этих решений – мы аккумулировали мнения очень многих наших бизнесменов и ставили этот вопрос неоднократно. В конце концов, состоялись решения, и это увеличило приток новой техники. Но новыми технологиями, по нашим оценкам, интересуются и приобретают их только 13,5 % предприятий и только 8 % предприятий проявляют интерес к покупке прав на лицензии и патенты.

Хотел бы отметить особую роль вузов в связи с кризисом. И не только в деле подготовки специалистов, необходимых для того, чтобы действительно грамотно выйти из кризиса, но и сделать все для того, чтобы был инновационный рост, инновационный подъем. Принят закон, по которому вузам разрешается создавать коммерческие структуры, и эти коммерческие структуры призваны, и уверен, что так и будет, сдвинуть с места процесс создания и развития венчурного производства.

Давным-давно, еще до того как на американский Запад было перенесено наукоемкое производство, мне довелось быть в Бостоне. Дорога вокруг Бостона была очень знаменитой. На ней были сосредоточены отделения компаний США, производящих наукоемкую продукцию. От каждого такого отделения полчаса автомобильной езды до Массачусетского технологического института или до Гарварда¹. Именно из этих двух крупнейших вузов приглашались профессора, часто со своими аспирантами. Под это «научное ядро» создавались малые венчурные компании. Как правило, их создавали американские крупные компании, чего у нас нет.

Мы пойдем, как говорится, другим путем. Очевидно, у нас такие компании будут создаваться в университетах, главным образом в таких, как МГУ, Бауманский университет и другие. Я хотел бы сказать, что это очень перспективное дело. Массачусетский технологический институт за счет коммерциализации своих открытий получает ежегодно 300 млн долларов, и значительная часть этой суммы остается изобретателям, тем, которые разрабатывают новые технологии. Закон наш пока не готов к действию, к нему нужны определенные нормативные акты. И сейчас большая надежда на то, что в первую очередь МГУ, а также Совет ректоров будут делать все для того, чтобы люди, которые непосредственно участвуют в создании новых технологий, получали бы за это свои «авторские». У нас на государственных предприятиях до сегодняшнего дня этот вопрос не решен.

Если уже заканчивать свое выступление (потом я скажу еще несколько слов по тем вопросам, которые получил), то не хотел бы, чтобы у вас осталось пессимистическое впечатление от того, что услышали от меня. Я хотел быть объективным в оценке нынешней обстановки. Но, в то же время, я вижу, как многое изменяется, как много делается сейчас для того, чтобы решить ряд вопросов, и я думаю, что они будут решены. И это не дежурная фраза, которой необходимо снабдить конец выступления.

– *Каков формирующийся мировой порядок?*

– Действительно, сейчас уже очень мало осталось тех, кто отрицает тот факт, что мы движемся к многополярному мироустройству. Причем это объективный процесс. Приведу ряд статистических данных. В 1990 году наиболее развитые страны и регионы того времени, США, Европа и Япония, контролировали 64 % мирового ВВП. В настоящее время, т. е. через 18 лет, они контролируют лишь 55 %. А МВФ прогнозирует, что в 2014 году развитые страны будут производить меньше 50 % мирового валового внутреннего продукта. В предкризисный период по годовым темпам прироста национального ВВП Китай обходил США в 6 раз, Индия – в 4 раза, Европейский Союз – в 1,5 раза. Вот вам неравномерность развития, которая объективно обуславливает создание многополярного мироустройства.

Исторически мы с вами наблюдали две модели мироустройства – многополярную перед Первой и Второй мировыми войнами и двуполярную, которая была во время холодной войны. Она строилась на идеологической основе и была размыта после окончания холодной войны. После этого осуществляется переход к многополярности.

Если говорить об однополярном мироустройстве – я не хотел бы, чтобы меня заподозрили в том, что ставлю знак равенства между гитлеровской Германией и Советским Союзом, думаю, никто меня в этом не заподозрит, зная мои настроения, – надо сказать, что стремились к однополярному мироустройству и Советский Союз, и Германия. Но стремились на разной основе. СССР – на идеологической, а Гитлер стремился завоевать весь мир, подчинить его господствующей арийской нации. Однако никогда еще в истории не было однополярного мира. Такая модель оставалась гипотетической, только гипотетической.

Что касается сегодняшней многополярности, то она отличается от той, что была перед мировыми войнами.

Во-первых, сегодня многополярность развивается в условиях глобализации, и это изменяет ее характер: сама по себе многополярность не порождает войн. Она, несомненно, содержит в себе кризисный элемент, но глобализация в целом противодействует столкновению различных центров силы. Это отнюдь не препятствует возможности вооруженных столкновений, но, как правило, не на глобальном уровне. Вместе с тем, создание многополярной системы отнюдь не исключает тот факт, что на нынешнем историческом отрезке времени самой сильной в экономическом отношении, самой сильной в военном отношении и по своему политическому влиянию страной являются Соединенные Штаты. Отсюда необходимость в нашей внешней политике делать все возможное, чтобы, защищая свои национальные интересы, вести дело к меньшему количеству коллизий с Соединенными Штатами и с другими странами.

– Как Вы оцениваете проблемы национального суверенитета в условиях глобальных политических тенденций?

– Очень хороший вопрос. Видите ли, государственный суверенитет как ценность остается, безусловно. Но то, что он изменяется, то, что некоторые его функции переходят на наднациональный уровень, мы это видим уже по имеющимся в мире примерам. Об этом свидетельствует, в частности, и ЕС, и АСЕАН. Определенные функции передаются на наднациональный уровень. К сожалению, этого не произошло у нас в СНГ, и мы очень многое теряем именно поэтому. Хотя Россия настаивает на создании единого экономического пространства стран СНГ, что подразумевает наличие наднациональных надстроек, пока, к сожалению, у нас этого нет. Согласие же на таможенный союз дали пока только три страны – Россия, Казахстан и Белоруссия.

Вопрос суверенитета связан также с «несостоявшимися государствами». Термин этот ооновский. Я входил

в группу высокого уровня, созданную генсеком ООН Кофи Аннаном, которая получила название «группа мудрецов». И вот мы ломали голову над тем, как нам в докладе осветить возможность действовать в тех странах, которые представляют собой угрозу либо для своих соседей, либо для мира в целом. Это такие «несостоявшиеся государства», которые допускают геноцид с огромными человеческими жертвами. Мы пришли к выводу, что вмешательство в дело таких стран может осуществляться, но только по решению Совета Безопасности, где, как вы знаете, Россия, как и другие постоянные члены СБ, обладает правом вето. Но все-таки сама возможность такого вмешательства наряду с делегированием ряда функций государства на наднациональный уровень свидетельствует о том, что абсолютного значения государственный суверенитет сегодня не имеет. Именно абсолютного значения, как это было в прошлом. Но это не означает, что он не сохраняется. Неужели можно считать, что государственный суверенитет потеряла, например, Франция или Германия? Конечно, нет, но ряд функций они передали на наднациональный уровень.

– Каковы механизмы формирования современной внешней политики России?

– Ну, трудный вопрос, конечно. Министерство иностранных дел должно предлагать решения тех или иных внешнеполитических проблем. Согласно этим рекомендациям принимает решение руководство – Совет Безопасности, президент, премьер-министр.

Осуществляют принятые решения исполнительные органы, в первую очередь Министерство иностранных дел. Это – общая модель, она действует и у нас. Но мне кажется, что мы уделяем недостаточно внимания ситуационному анализу, который дает возможность рассмотреть варианты решения вопроса. У нас, как мне представляется, нет вариантов решения актуальных вопросов –

по Грузии, по Украине. Нет вариантов: иногда мы предпринимаем контрдействия, отвечаем на то, что идет оттуда, даже вынужденно действуем, но продуманности здесь и, если хотите, инициативности в осуществлении тех или иных действий маловато.

Ситуационный анализ был развит достаточно серьезно в Советском Союзе. В ИМЭМО, где я работал, была создана рабочая группа, мы получили закрытую государственную премию за разработку методики ситуационного анализа. Это была мозговая атака, и мы приходили к очень интересным выводам, имевшим большое значение. За 11 месяцев мы предсказали, что будет война между Ираком и Ираном. За 4 месяца мы спрогнозировали, что американцы будут бомбить из Вьетнама Камбоджу. По энергетическому кризису мы давали интересные соображения и варианты. Метод ситуационного анализа сейчас в учебных целях используется МГИМО, да и у вас. Но, к сожалению, такого государственного центра, который, безусловно, должен существовать, нет. Его постоянный состав должен быть небольшой. По каждой анализируемой проблеме следует набирать экспертов отовсюду – из всех ведомств и организаций, которые занимаются этими вопросами. Каждый эксперт должен выступать от своего имени и в то же время быть обезличенным, поскольку в окончательном документе нет никаких привязок тех или иных выводов к участникам обсуждения. Проведение ситуационных анализов на государственном уровне – очень важная тема, которая, как представляется, найдет свое решение.

– Как Вы охарактеризуете соотношение между экономикой и политикой?

– Многие из нас выросли на положении, которое было выдвинуто классиками марксизма: политика есть концентрированное выражение экономики. Жизнь учит, что это не совсем так или совсем не так. Часто политика бы-

вает абсолютно оторванной от экономики. Посудите сами – когда мы вынужденно участвовали в гонке вооружений и хотели добиться стратегического паритета с США, было ли это вызвано экономическими соображениями? Отнюдь нет. Это была политика, мобилизующая все ресурсы, и экономика при этом приносилась в жертву. А иногда экономика существует совершенно отдельно от политики. Часто бывает, что политика действительно выражает экономические интересы. Но рассматривать политику всегда как нечто производное из экономики, на мой взгляд, было бы абсолютно неправильно.

– Как Вы оцениваете основные угрозы безопасности современной России: внутренние и внешние?

– На одно из первых, если не на самое первое место, я бы поставил терроризм на Северном Кавказе. Думаю, что борьба с терроризмом – в конечном счете, борьба с сепаратизмом за единство территории России, если хотите, самая главная для нас.

Из внутренних угроз я бы выделил также коррупцию, сращивание чиновничества с крупным бизнесом.

Если говорить о внешних угрозах безопасности, то не последняя из них – распространение ядерного оружия. Вы знаете, что пять стран, постоянных членов Совета Безопасности являются членами ядерного клуба. Есть неофициальные ядерные государства – это Индия, Пакистан, Израиль. И есть пороговые и предпороговые страны. Что касается нынешней ситуации, то наибольшая опасность – выход на ядерное оружие Северной Кореи и Ирана. Причем по Ирану, мне кажется, я даже уверен, пока нет политического решения на создание ядерного оружия. Однако иранское руководство хочет, очевидно, действовать по «японской модели»: после того как будут сформированы все необходимые технические предпосылки, принять решение о создании ядерного оружия в тот момент, когда им представится, что это не-

обходимо по международным обстоятельствам. По Ирану такая картина.

Да, и еще хочу сказать, что страны, которые стремятся получить ядерное оружие, подчас ссылаются на то, что ядерные державы сами нарушают Договор о нераспространении ядерного оружия, 6-я статья которого гласит о необходимости общего участия в сокращении ядерного оружия и, в конечном счете, – ядерного разоружения². Этот процесс не происходит и часто пользуются этим. Индия, например, прямо заявила, что она выходит на обладание ядерным оружием, потому что не осуществляется разоружение теми странами, кто уже им владеет. В этом отношении еще большее значение приобретает выход на договоренность с США по новому договору СНВ-1³. Идут переговоры, и, судя по всему, они внушают оптимизм.

Но есть еще нерешенные вопросы. Один из них – о связи сокращения стратегических наступательных сил с ПРО⁴, а связь эта существует. США, как известно, вышли из договора по ПРО, нарушив тем самым устойчивость процесса возможного сокращения стратегических наступательных сил. Вышли они на том основании, что, дескать, техника развивается, договор устарел и т. д. Это не аргумент. Когда я был министром иностранных дел, у нас были переговоры с американцами в Хельсинки. Мадлен Олбрайт возглавляла американскую сторону. Мне довелось возглавить нашу делегацию, куда входили и дипломаты и военные. Обе стороны тогда пришли к выводу, что если обозначается технический прорыв, давайте встречаться и консультироваться. Этим мы тогда спасли договор по ПРО. И сейчас хорошо было бы, если бы он существовал. Но Буш-младший – время его президентства было самым страшным периодом в истории США – совершал ошибку за ошибкой. За политику, которую проводил Буш-младший, в частности за выход США из договора по ПРО, ответственность наряду с ним несут и окружавшие его неоконсерваторы.

– Как Вы относитесь к предложению Бжезинского обменять союз Америки с ОДКБ⁵ и ШОС⁶ на укрепление безопасности Евразии от России?

– Автор записки спрашивает мое мнение. Здесь предлагается так называемое «пакетное решение». Это не всегда полезно. Особенно, когда предлагаются увязки общего плана. Укрепление безопасности Евразии от России, например. Под это можно все что угодно подвести! Все что угодно! Я бы не стал серьезно относиться к таким предложениям.

– Как Вы относитесь к политике Барака Обамы? Продолжение ли это политики неоконсерваторов с новой риторикой?

– Мое мнение, что это не так. Вы знаете, у нас некоторые сразу же восприняли Обаму как человека, который будет продолжать давно известный, изученный и отвергнутый нами курс США. Сразу же появились такие комментарии. Ну, Обама, прежде всего, не взял в свое окружение ни одного из неоконсерваторов, о которых говорится в записке и которые в свое время тесным кольцом окружали Буша-младшего и продиктовали ему доктрину унилатерализма⁷.

Чем отличается Обама от Буша-младшего? Хотя он явно считает США ведущей силой в мировой политике, но понимает, что одни они, в одиночку, решить существенные проблемы международной политики не могут. Поэтому у него гораздо более гибкая позиция в отношении и европейских союзников, и в отношении нас. Этим нужно пользоваться. Потом, он более взвешенный политик, с ним можно, как мне кажется, договариваться. Он показал себя достаточно решительным по многим вопросам. У США, несомненно, сохраняются империалистические идеи, заложенные во внешнем курсе. Но разные лидеры, стоящие во главе США, действуют по-разному. Одни понимают свои ограниченные возможности, другие считают их неограниченными. Исходя именно из

этого, нам нужно выбирать партнеров и строить свою политику с ними.

– Существует мнение, что главный субъект, определяющий ход кризиса, это не государства, а транснациональная элита. Ее стратегия – управляемый хаос, и это наиболее губительно скажется на России, поскольку речь идет об умышленном сбросе цен на нефть ради спасения доллара. Как Вы представляете себе эту элиту?

– Я не представляю, что миром руководит и командует всем и вся какая-то группа, существующая на многонациональной основе, а события развиваются по мановению жезла или дирижерской палочки этой группы. Транснациональный характер, собственно говоря, приобретает большинство крупных компаний в мире. Ведь чем отличается сегодня мировая экономика? С одной стороны, это интеграционные процессы, которые происходят на государственном уровне, а с другой— транснационализация бизнеса, транснационализация предпринимательской активности. При этом не существует единой транснациональной элиты. Ее попросту нет. А транснациональный капитал как таковой не заинтересован ни в кризисе мировой экономической системы, ни тем более в хаосе.

– Кризис показал, что усилия Путина по ограничению олигархии в России были полезны, но недостаточны. Сегодня наблюдается определенное движение в обратном направлении. Какими могли бы быть меры по перестройке нашей политической системы, которые гарантировали бы свободу от развития олигархов?

– Я согласен с автором записки в том, что Путиным были предприняты меры против олигархов. Не считал и не считаю правильным арест Ходорковского до суда – я об этом говорил публично. В то же самое время тогда была необходима какая-то точечная операция, которая

предотвратила бы захват власти олигархическими структурами. Я помню выступление Ходорковского на одной из конференций в ТПП⁸. Он заявил во всеуслышание, что самая главная задача крупных предпринимателей – иметь лоббирующие группы во всех структурах и ветвях власти. Повсюду – и в законодательной, и в исполнительной, и в судебной власти создавать лоббирующие структуры. Тогда перед Путиным практически стояла дилемма: ударить по всей олигархической структуре, возникшей после преступной приватизации, или резко затормозить, может быть, даже нейтрализовать процесс прихода олигархов к власти.

Первый вариант привел бы к изменениям в собственности, дестабилизировал бы обстановку в стране. Путин на это не пошел и правильно сделал. Был, очевидно, выбран другой путь. Я думаю, он заключался в соглашении, не положенном на бумагу, по которому олигархи могли оставаться крупными предпринимателями, честно платить налоги, но не создавать свои структуры политического порядка, которые рвутся к власти, не расставлять кадры и т. д. и т. п. В 2003-м стало ясно, что соглашение не работает. И тогда решили «точечно» поступить. И «точечно» поступили. Что касается сегодняшнего дня, то мне кажется, что Владимир Владимирович понимает необходимость и сегодня «поприжать» крупный бизнес. Кстати, это показывает и высказанное им требование, чтобы крупные, в том числе вновь созданные государственные структуры сами выплачивали свои долги. И ничего страшного, что часть их активов перейдет в руки частных собственников, в том числе иностранных. Речь, конечно, не идет о стратегических структурах. Путин понимает, что олигархические структуры сейчас живут не со своим народом. Об этом свидетельствуют очень многие факты. Другое дело, что со многими крупными компаниями сросся чиновничий аппарат на среднем, да и на высоком уровне и продолжает лоббировать их интересы.

– *Ряд консерваторов, либералов, коммунистов считает неминуемым второй виток кризиса. И это сильнее всего ударит по России, поскольку она – самое слабое звено в мировом сообществе по причине коррупции, износа основных фондов промышленности и т. д.*

– Знаете, не берусь предсказывать, когда закончится кризис. Действительно, некоторые рисуют выход из кризиса как латинскую букву W. Понимаете, сначала дно, потом подъем, потом опять дно, потом опять подъем. Второе дно – поскольку очень много тех, кто не может выплатить свою задолженность банковской сфере. На этой основе предрекают крах многих банков. Думаю, что такого не произойдет. Что касается времени выхода из кризиса, знаете, очень трудно гадать на кофейной гуще. Мне кажется, в этом году выхода из кризиса мы не почувствуем, вот что я могу сказать.

– *Нужно или не нужно сейчас заниматься такими проектами, как Сочи-2014⁹, остров Русский¹⁰?*

– Мне кажется, что надо взвешивать все. Здесь как раз политология является той сферой, где можно и нужно взвешивать различные результаты и эффекты от того или иного решения. Ведь наше решение об отказе, допустим, от проведения зимней олимпиады в Сочи больно ударит по имиджу России. А сколько мы можем потерять на этом отказе в иностранных инвестициях, вложенных в нашу экономику в целом? Да и политические потери неминуемы. Нужно все учитывать. Кажется, очень просто – решить и все, пустить деньги в другое русло. Но нужно считать, что мы потеряем и как потеряем и поможет ли это выходу из кризиса. Это сложная материя, очень сложная.

– *В разное время Россию называли то востоком Европы, то западом Азии, то средним миром, при этом многие века вектор нашей внешней политики был ориентирован на Европу. Есть ли альтернатива такой еврофилии?*

– Я считаю, что политика должна быть диверсифицированной. Политика не должна иметь только один вектор. Особенно сейчас, когда есть такие феномены, какими являются Китай и Индия. Нужно быть гибче. В свое время мной была выдвинута идея треугольника: Россия – Китай – Индия. Тогда я объяснял эту идею тем, что это не союз и тем более не военный союз, а конфигурация, которая поможет улучшению отношений между углами треугольника, и сближение между ними стабилизирует ситуацию в большом регионе. Думаю, что эта идея своевременна и сейчас. С Китаем нужно продолжать вести дела, с Индией нужно укреплять отношения, но и не забывать при этом Европейский Союз и США. У нас должна быть многовекторная политика. Все взаимосвязано. Я долго занимался Ближним Востоком, еще со студенческих времен. Если США, например, почувствуют, что и без России они решат жгучие проблемы на Ближнем Востоке – это произойдет, если мы откажемся от активной ближневосточной политики – то тем самым ослабнет заинтересованность тех же США развивать отношения с нами. Все взаимосвязано, все взаимозависимо, действовать нужно по всем направлениям. Спасибо, я исчерпал все вопросы.

II. В чем постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с жизнью?*

1. Мое выступление посвящено теме: в чем постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с реальностью, с жизнью. Это отнюдь не означает необходимости отказа от марксистской науки. Она серьезно по-

* Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 2. С. 3–10.

влияла на развитие человечества. Марксистской науке принадлежит огромная заслуга в экономическом объяснении основных явлений и процессов общественной жизни, исторической динамики. Под непосредственным влиянием марксизма возникло организованное рабочее движение. В свою очередь, воздействие массового революционного движения стало одним из факторов, обусловивших эволюцию капитализма. Но относиться к марксизму как к религии все же не стоит.

2. В период до XX съезда КПСС марксизм-ленинизм считался единственной научной теорией общественного развития. Постулаты этой теории объявлялись незыблемыми на все времена. В сталинский период наши общественные науки исходили из того, что все происходящее в стране отвечает духу и букве марксизма-ленинизма.

3. После XX съезда КПСС и особенно в годы горбачевской перестройки у нас в стране (я хочу подчеркнуть, что ограничивались в данном случае рассмотрением критических замечаний не за рубежом, а только у нас) зазвучала критика не в адрес марксистско-ленинской теории, а ее объектом стало применение этой теории в СССР. Причем, такая критика, по сути, ограничивалась утверждением, что Сталин отступил от ленинского понимания марксизма. Приведу два примера. Первый – справедливое обвинение в том, что в теории и практике социалистического строительства и во внешней политике СССР приоритет был полностью отдан классовым интересам при игнорировании общечеловеческих интересов. Для доказательства того, что это противоречило ленинскому наследству, цитировали раннего Ленина, который писал: «Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата»*.

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 4. С. 220.

Второй пример: тоже справедливая, как мне представляется, критика в адрес Сталина за то, что он через два года после смерти Ленина практически покончил с новой экономической политикой, с НЭПом. Остановлюсь на этом подробнее, так как считаю, что в данном случае (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном. «По сравнению с прежним, революционным, это – подход реформистский не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше»)* действительно был допущен отход от ленинского курса. Весной 1921 года был провозглашен переход к НЭПу – хочу подчеркнуть, что Ленин характеризовал его как реформистский этап. По словам Ленина, НЭП вводился «надолго и всерьез». Важно иметь в виду, что под этим понималось соединение социализма с рыночной экономикой. Очевидно, такой переход не был конъюнктурной мерой, а намечал стратегический путь социального обновления общества в России.

К сожалению, тяжелая болезнь Ленина и его кончина в 1924 году не позволяют полностью, с высокой степенью достоверности, проследить эволюцию его взглядов – от безоговорочного признания насильственных функций диктатуры пролетариата в виде единственно возможной власти в России после Октябрьской революции («Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»**) до вывода о том, что «на место этого (революционного, по определению Ленина. – *Е.П.*) подхода, плана, метода, системы действий ставим совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства,

* Там же. Т. 44. С. 222.

** Там же. Т. 12. С. 320.

капитализма». Ленин призывал к оживлению всего этого, подвергая лишь в меру их оживления государственному регулированию*. Такая эволюция взглядов не свидетельствует об отказе Ленина от диктатуры пролетариата – этого не было. Но, по сути, провозглашалась необходимость ослабления насильственной функции власти, сосуществования социализма с капитализмом в России.

Конечно, Ленин был революционером-практиком. И он остро почувствовал, что политика продрозверстки круто разворачивала крестьянство против Октябрьской революции. Кронштадтский мятеж¹¹, серия крестьянских восстаний свидетельствовали об этом. Он не мог также не видеть, что надежды на быструю революцию в европейских странах оказались иллюзией – в результате Россия оставалась в плотном капиталистическом окружении. Однако ориентация на реформы, как представляется, не ограничивалась сиюминутной потребностью. Она не могла не иметь теоретическое значение, упор на которое делал один из руководящих деятелей партии большевиков Бухарин. Преодолев свои леваческие взгляды времен «военного коммунизма», он стал после смерти Ленина активным защитником НЭПа. Бухарин категорически возражал против утверждений о кратковременности НЭПа. Он писал, что страна будет «многие десятки лет медленно вращаться в социализм»**. Более того, Бухарин считал, что отход от НЭПа не будет способствовать укреплению союза пролетариата с крестьянством, чреват опасностью гиперцентрализации управления экономикой в СССР и превращением значительного слоя администраторов в новый класс эксплуататоров «без частной собственности».

Сталин смотрел на НЭП абсолютно с других позиций. Не высказывая публично критику в адрес новой экономической политики, он сводил ее значение к небольшому

* Там же. Т. 44. С. 222.

** Правда. 1923. 30 июня.

по времени этапу. По его словам, задача состояла в том, чтобы в ходе соревнования «укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов»*.

Эти слова были произнесены в Докладе о новой Конституции в 1936 году, т. е. уже тогда, когда произошел отказ от возможности оживить экономику страны, используя рыночные отношения. 15 марта 1938 года Н.И. Бухарин был расстрелян.

4. Однако критическое отношение к марксистско-ленинской теории не могло и не может ограничиваться лишь констатацией пагубности совершенных от нее отходов. Следует, очевидно, сказать и о том, что ряд постулатов марксизма-ленинизма сам по себе не выдержал столкновения с жизнью. Одна из главных проблем – вывод этой теории о неизбежности всемирной революции.

Основоположники марксизма, как известно, выводили такую неизбежность из утверждения об абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме. Не только относительно, но и абсолютном, постоянно усиливающемся, прогрессирующем обнищании. Один из лидеров германской социал-демократии Эдуард Бернштейн был объявлен Лениным и Плехановым злейшим врагом марксизма именно потому, что он уже в конце XIX века отрицал закон постоянного обнищания рабочего класса.

Сегодня нет необходимости приводить статистические показатели, свидетельствующие о том, что в развитых странах – Соединенных Штатах, Канаде, странах Западной Европы – достигнут высокий уровень жизни населения. Из этой общей картины не выпадает и рабочий класс: изменился характер рабочей силы – уменьшается число «синих воротничков», увеличивается образовательный ценз рабочего, растет заработная плата, наблюдается прогресс в здравоохранении, образовании, в облас-

* *Сталин И.В.* Доклад о проекте конституции Союза ССР. – М.: Госполитиздат, 1951. С. 15, 16.

ти социальной защиты. Конечно, это общая тенденция. Происходят и спады, и отступления, да и уровень социального развития не одинаков в разных капиталистических странах. Но, так или иначе, следует признать, что в общем и целом пик уровня жизни, достигнутый в свое время при социализме, значительно ниже того, который имеет место в капиталистических странах с развитой экономикой. Но было бы неправильно сводить отказ от вывода Маркса лишь к позиции последователей Бернштейна, который, кстати, был другом и душеприказчиком Энгельса. Сколь это ни парадоксально, В.И. Ленин практически отошел от признания в развитии капитализма закономерности о прогрессирующем обнищании рабочего класса (будучи в Швейцарии, он воочию видел, что рабочие день ото дня отнюдь не беднеют). Показательно в этом плане несогласие В.И. Ленина с положениями Маркса о неизбежности социалистической революции в развитых капиталистических странах и невозможности союза пролетариата с крестьянством. Отвергая эти марксовы положения, он создает теорию победы социалистической революции «в слабейшем звене империалистической цепи», в России – в крестьянской стране, да к тому же без помощи и поддержки пролетариата извне, так как мировая революция не состоялась, делая ставку на союз пролетариата и крестьянства.

Но не во всем действительность заставила Ленина вносить коррективы в первоначальные представления о марксистских постулатах. Одним из незыблемых для него положений марксизма было положение, утверждающее, что для строительства социализма неизбежна государственная власть в виде диктатуры пролетариата. Ленин подчеркивал ее насильственную миссию: не только ликвидировать эксплуататорские классы, но и воспрепятствовать попыткам реставрации власти буржуазии. Ленин писал, что диктатура пролетариата нужна «в целях окончательного создания и упрочения социа-

лизма»*. Этими задачами была обусловлена длительность существования государства диктатуры пролетариата.

После смерти Ленина победа социализма в Советском Союзе определялась двумя понятиями – полная и окончательная. На Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде Советов СССР, который принял Конституцию СССР 1936 года, констатировалась полная победа социализма в нашей стране, так как социалистическая система победила во всех сферах народного хозяйства (согласно официальной статистике, социалистический уклад в валовой продукции промышленности составлял 99,8 %, сельского хозяйства (включая личное подсобное хозяйство колхозников) – 98,5 %, в розничной торговле – 100 %) и ликвидированы все эксплуататорские классы.

Прекращение диктатуры пролетариата даже не ставилось в повестку дня, так как оно могло произойти, по Ленину, лишь при отсутствии опасности насильственного восстановления капитализма**, а такая опасность просматривалась. Более того, Сталин в свою очередь сделал вывод не только о необходимости сохранения диктатуры пролетариата чуть ли не навечно – ведь социализм одержал победу в отдельно взятой стране, находящейся в капиталистическом окружении, – но и утверждал, что классовая борьба в СССР нарастает по мере развития социалистических отношений, и отсюда возникает необходимость усиления диктатуры пролетариата. Этот теоретический вывод дорого обошелся советскому народу – вслед за принятием «Конституции победившего социализма» начались неслыханные репрессии, жертвами которых стали сотни тысяч, если не миллионы людей.

Лишь после XX съезда КПСС¹² в новой Программе партии был сделан вывод о переходе диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство. Однако при этом отсутствовал критический анализ теории

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 29. С. 351.

** Там же. Т. 33. С. 75.

диктатуры пролетариата как системы насилия, универсальной для стран, выбравших социалистический путь развития, пока не разрушится мировой капитализм. Без такого анализа очень трудно было полемизировать с представителями компартий тех капиталистических стран, которые к тому времени, стремясь расширить поддержку в обществе, отказывались от теории, провозглашавшей необходимость применения насилия при строительстве социализма.

5. Еще одним постулатом, не выдержавшим соприкосновения с жизнью, был вывод о том, что капиталистическая система стала оковами для прогресса производительных сил и поэтому изжила себя. Как писал Энгельс в «Анти-Дюринге», «приближающийся крах этого способа производства можно, так сказать, осязать руками»*. Жизнь внесла коррективы в такое утверждение. Крах капитализма не состоялся, так как он видоизменился по сравнению с тем периодом, который наблюдали Маркс и Энгельс.

Не произошло краха капитализма как способа производства и в империалистическую эпоху. Ленин исследовал перерастание капитализма в монополистическую стадию и определил ее как высшую, за которой непосредственно следует социалистическая революция.

По оценке Ленина, опирающегося на большой исследовательский материал, господствующее положение на империалистической стадии приобретают монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; промышленный капитал сливается с банковским и возникает новый вид капитала – финансовый; экспорт капитала в отличие от экспорта товаров приобретает особое значение; начался экономический раздел мира международными монополистическими союзами; крупнейшие капиталистические державы делят его территориально.

* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 279.

Выводы, изложенные в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», вполне справедливо приобрели название «ленинская теория империализма». Выявленные черты монополистического капитализма действительно развились в первой половине XX века. Но они тоже не привели капитализм к предсказанному логическому концу. Капитализм сохранил и сохраняет эволюционный потенциал, поэтому правильный вывод о монополистической стадии не идентичен выводу о том, что эта стадия – умирающего капитализма.

Ленин, несомненно, учитывал, что монополии при капитализме, переросшем в империалистическую стадию, не могут охватить все – сохраняются и немонополизированные предприятия. Однако главное, по Ленину, все-таки в том, что монополии, захватывающие рынки, однозначно противостоят свободной конкуренции, и в результате происходит задержка технического прогресса, застой, загнивание. Все это имело место в ленинское время.

Это просматривается и в наши дни, но только в виде тенденции. Современный капитализм осуществляет действительные государственные шаги, направленные против стремления крупных компаний и их объединений – трестов, картелей, концернов – монополизировать рынки товаров и услуг. Реализацию такого стремления резко ограничивает государственное регулирование через анти-трестовские законы и административные меры.

Концентрация капитала в тех или иных формах не прекращается, но она сопровождается действиями со стороны государства против злоупотреблений, которые становятся возможными при происходящей концентрации. Нужно признать, что антимонопольная политика в развитых капиталистических странах все больше служит интересам их населения, особенно той его части, которая способствует устойчивости системы, – среднему классу. И отнюдь не случайно, что в таких странах больше поло-

вины ВВП ныне создается малыми предприятиями. При сохраняющейся конкуренции к технико-технологическому прогрессу тяготеют и крупные предприятия.

Мы порой задумываемся, почему сегодняшняя Россия отстает от развитых капиталистических стран в финансировании инноваций. По государственной линии у нас в научно-технические разработки и их внедрение вкладываются немалые суммы, особенно в последнее время, но по суммарному финансированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) мы далеко позади, так как главный, основной источник такого финансирования в США, Японии, Канаде, странах ЕС, Южной Корее – частные предпринимательские структуры. Толкает к такому феномену конкуренция, стремление обеспечить прибыль.

Отсутствие конкуренции или ее крайне слабая развитость в нашей экономике не создает стимула для предпринимателей стремиться к инновациям. Траты на НИОКР наших крупных компаний ничтожны: в 2009 году они составили 800 млн долларов. Одна только General Motors вложила в научные разработки и внедрение в 2009 году (год кризиса!) 8 млрд, что в 10 раз больше вложений в НИОКР всего российского крупного бизнеса. По оценкам Минэкономразвития, в России в 2008 году технологические инновации разрабатывали и внедряли 9,6 % предприятий, тогда как в Германии – 73 %, Бельгии – 58, Эстонии – 47, Чехии – 41 %. «Бюджетное финансирование исследований растет, – заключает в одном из своих отчетов министерство, – а сами компании (российские. – *Е.П.*) тратят на них все меньшую долю своих средств»*.

Изменения происходят и в глобальном контексте, в котором развивается современный капитализм. По темпам экономического роста за последние несколько де-

* Российская газета. 2010. 8 апр.

сятков лет развивающиеся страны превосходят развитый капиталистический мир. Их доля в мировом ВВП увеличивается и не только за счет перемещения ряда производств в развивающиеся страны, отличающиеся значительно более низкой стоимостью и ценой рабочей силы. Поднимает голову и собственный капитализм, сражающийся с той или иной формой власти. Молодые теснят традиционных участников глобального рыночного процесса. Появился довольно интенсивный поток не только товаров, но и капитала из развивающихся стран в страны развитые.

Такая закономерность присуща не всему развивающемуся миру – ряд стран, особенно расположенных на африканском континенте, продолжает погружаться на дно мировой экономики. Однако общая картина для большинства бывших колониальных и зависимых стран такова, что определяющим для их развития стали внутренние факторы.

К причинам очевидных изменений, происшедших и происходящих в современном капитализме, относится борьба трудящихся, которая приводит капиталистическое общество к серьезному смягчению социальных условий существования. Следует сказать и о том, что само развитие производства в этих странах и принципы распределения зависят от роста покупательной способности широких масс. Во всяком случае, и в глобальном, и во внутристрановом плане современный капитализм развивается не на «суженной основе».

6. Закончу свое выступление перед вами воспоминанием об имевшем место случае.

Профессор (в будущем академик) Алексей Матвеевич Румянцев – убежденный марксист и очень порядочный человек, был автором положения о том, что появление мирового рынка социализма еще более (после краха колониальной системы) сузило поле развития мирового капитализма. Румянцев впоследствии отказался от этой

идеи. Он рассказал мне и о том, что с ней было связано. Оказывается, в 1951 году, во время дискуссии о проблемах социализма в СССР, Сталин слушал выступления, находясь в наушниках в своем кремлевском кабинете. Ему настолько понравилась высказанная Румянцевым идея, что Алексей Матвеевич, в то время директор Института экономики в Харькове, был назначен заведующим Отделом экономических и исторических наук ЦК ВКП(б). Первоначальный отказ Румянцева занять должность заместителя заведующего Отделом науки не остановил вождя, Сталин отреагировал в присущей ему манере: «Не хочет идти заместителем, разделите Отдел науки и назначьте его одним из заведующих». Это и произошло в июле 1952 года.

Сегодня такие курьезы уже не могут иметь место. Ситуация полностью отличается от прошлого. Поэтому никто не ждет вознаграждения за выдвижение «свежих» идей, импонирующих существующим у нас властным структурам. Но это, надеюсь, не остановит всех нас, в том числе, конечно, и молодых политологов, в стремлении осмысливать научные теории с реальной точки зрения.

III. Пределы либерализма для России*

Политология – междисциплинарная наука. Она развивается на стыке философии, экономики, социологии. Одними из главных объектов изучения политологии являются философские и идейно-теоретические основания политики, свойственные тому или иному периоду жизни страны. Я попытаюсь через эту призму рассмотреть нынешнее положение в России.

* Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 6. С. 3–15.

Сначала о некоторых методологических подходах. Либерализм, консерватизм и социализм – три самые значительные идеологии современности, которые испытывают взаимовлияние, даже взаимопроникновение. Это не означает, что каждая из этих трех идеологий наряду с элементами конвергенции полностью утрачивает характеризующие ее основные черты. Для понимания модели развития экономики сегодняшней России – это относится и к другим странам – необходимо исходить из переплетения идеологий. Определяющим при этом является соотношение между частями идеологической модели.

Вместе с тем политика лиц или группы лиц, причисляющих себя к той или иной идеологии, далеко не всегда соответствовала и соответствует ее сути. Примером могут служить и так называемые либералы девяностых годов, взявшие в свои руки после краха Советского Союза штурвал экономики Российской Федерации. Много написано и сказано об их экономической политике, конечно же, нелегкой в период перехода страны от командно-административной системы к рынку. Но как мыслился этот переход и что было основным для таких «либералов»?

Научный редактор русского издания книги лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» Б.З. Мильнер рассказывал о своей встрече в марте 1996 года с автором этой книги – основоположником широко распространенной теории институционализма. По словам Мильнера, говоря об экономической ситуации в России, Норт свел ее к решению трех задач: освоить перемены и новые механизмы, преодолеть негативные последствия перемен и ошибок и сохранять ценное из наследия прошлого. Эта триада не была положена в основу определяемой так называемыми либералами экономической политики России. Многие из тех, кто во время горбачевской перестройки пропагандировал «социализм с человеческим лицом», иными словами,

возможность демократизировать социализм, теперь во главу угла поставили ликвидацию всего того, что было при СССР.

Отвергалось буквально все – не только то, что подлежало отторжению, но и ряд механизмов научно-технических и экономических достижений, позволивших мобилизовать ресурсы для решения многих задач модернизации. В начале девяностых годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Псевдолибералы сделали все от них зависящее для создания появившейся «ниоткуда» группы крупных предпринимателей, претендовавших на власть в России. Они вели дело к обогащению «олигархов», получивших в результате антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал. По мнению псевдолибералов, это было необходимо для внедрения рыночного хозяйства в России.

Бывший экономический советник Президента России Андрей Илларионов пишет об экономических руководителях нашей страны в 90-е годы: «Потребовалось время, чтобы понять, что позиция, идеология их кумиров не являются ни либеральными, ни демократическими. Люди, провозглашавшие отделение собственности от власти, на практике захватывали госкомпании, государственные здания, получали госфинасирование, добивались вначале пониженных ставок арендной платы, а затем и полного освобождения от платежей государству. Такие действия дискредитировали не только конкретных людей, но и идеи, с которыми они ассоциировались в общественном сознании». Напомню, что Андрей Илларионов отнюдь не принадлежит к критикам либерализма или к тем, кто идеологически и политически обслуживает властные структуры в России.

Политика псевдолибералов потерпела полный провал – им принадлежало авторство дефолта в 1998 году, переросшего в экономический кризис, чуть не обрушивший Россию в пропасть. Политическим провалом псевдоли-

бералов можно считать расстрел танками российского парламента в 1993 году.

Может быть, не стоило останавливаться на уже пережитом Россией прошлом, если бы не одно «но»: неолибералы в современной России за редким исключением не только не выступают с критикой псевдолибералов 90-х, но напротив, превозносят их.

После экономического краха псевдолибералов в России установилась линия на развитие рыночного хозяйства с широким участием государства в экономике. В 1998 году было сформировано левоцентристское правительство. При нем не были принесены в жертву истинно либерально-рыночные ценности: отвергнуты призывы к тотальной национализации, отмене конвертируемости рубля, возвращению к государственной монополии внешней торговли. Но к этому решительно добавились интересы государства: прекращение антинародной приватизации, усиление роли государства как регулятора экономики, отказ от «любимчиков» бизнесменов, начало борьбы с экономическими преступлениями и так далее. Следующие правительства в целом продолжили эту линию, которая в начале XXI века оформилась в идее государственно-частного партнерства.

Была подчеркнута роль государства не только как регулятора экономики наряду с рынком, но и как собственника средств производства. Государство было владельцем или акционером целого ряда предприятий, крупных банков. Одновременно провозглашалось, что госсобственность постепенно будет приватизироваться, за исключением небольшого числа стратегических предприятий, связанных главным образом с обороной и безопасностью. Делались многочисленные заявления, что это не госкапитализм, так как постепенно перевес получит частный сектор.

Однако первоначальная оценка государственно-частного партнерства заключалась в том, что государству в

нем отводилась определяющая роль. Такая роль определялась насущной необходимостью. К середине нулевых годов нашего столетия проявились сложности государственно-частного партнерства. Не во всех случаях и далеко не по всем проектам его негосударственная часть готова была выполнить свои функции или просто смогла сдерживать свои обязательства. Все большее значение приобретало бюджетное финансирование проектов, но его оказалось недостаточно для остро нуждающихся в инвестициях инновационных производств и крайне необходимых проектов в области образования, здравоохранения. Эти трудности усугубились кризисом 2008–2009 годов.

В это время наблюдается усиление в России позиций тех, кто придерживается монетаристских принципов, которые уже пошатнулись на Западе – практика выявила недостатки монетаризма. Заслуживает внимания оценка применения теории монетаризма выдающегося экономиста Джона Гэлбрейта: «Чудо, которое мы открыли – монетаризм... Оставьте все на усмотрение центрального банка, фиксируйте денежную массу в обращении, меняйте ее объем только соответственно росту экономики – и проблема решена... В последние годы мы узнали, что такое чудо помогает лишь постольку, поскольку порождает огромную безработицу и огромные бездействующие производственные мощности. Вот так работает монетаризм. Он действительно останавливает инфляцию, но мы, однако, обнаружили, что такое лекарство гораздо опаснее болезни, которую им стараются вылечить».

В правительстве России сложились два центра с несовпадающими и зачастую противоположными взглядами не только по тактическим бюджетным вопросам, но и стратегическим проблемам: Министерство экономического развития и Министерство финансов. Став после выборов президента Д.А. Медведева руководителем правительства, В.В. Путин пытался извлечь полезное из позиции обоих центров. Не всегда это удавалось, так как

экономисты из администрации президента и начинавшие солидаризироваться с ними некоторые научные учреждения (имеются в виду не институты РАН), были расположены к безудержному принятию неолиберальных идей.

При этом основным критерием была западная практика. Однако отношение к практическому осуществлению неолиберализма в России не отражало то, что в это время уже происходило на Западе.

Выдающемуся русскому философу Н.А. Бердяеву принадлежит высказывание, которое совершенно справедливо можно распространить на нашу современность: «То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения».

В этой связи уместно рассмотреть западные экономические теории во второй половине XX века. Можно, очевидно, отметить некоторые тенденции этого теоретического процесса. После Второй мировой войны до середины 70-х годов господствующее положение принадлежало идеям Джона Кейнса – и в теоретическом плане, и в экономической политике. Согласно этим идеям, регулятором экономики наряду с рынком, ограниченными законами и институтами контроля, должно стать государство. В этом Кейнс видел средство стабильного развития экономики при капитализме.

Однако в 70-е годы начала все больше проявляться экономическая неустойчивость на Западе. Нефтяной, валютно-финансовый кризисы и особенно галопирующая инфляция привели к снижению темпов роста производства. Кейнсианские идеи были подвергнуты острой критике и на первый план вышли неолиберальная, монетаристская и более радикальная неоконсервативная концепции. Странников этих концепций объединило

общее стремление создать такую экономическую модель, которая могла бы обеспечить неограниченную свободную конкуренцию, а роль государства свести к созданию необходимых для этого условий.

Жизнь потребовала изменения идей Кейнса, но главное направление кейнсианства – необходимость вмешательства государства в экономику – оставалось непреложным во всех экономических теориях. Жизнь снова и снова возвращала к роли государства в рыночной экономике. Причем не к роли эпизодической во времена кризисных потрясений, а роли постоянной. Созданная при Ф. Рузвельте антикризисная система государственного вмешательства в экономику не перестала существовать после того, как Соединенные Штаты вышли из кризиса в конце тридцатых годов. Государственное регулирование в США достаточно развито по сей день. С этой целью создано множество федеральных служб. Важная роль отводится борьбе с монополизмом, поддержке малого бизнеса, соблюдению трудового законодательства, охране окружающей среды. Осуществляются государственные меры по регулированию банковской сферы.

Сохранение роли государства диктовалось не только экономическими соображениями. Опора в XX и XXI веках на любую из западных экономических теорий без государственного вмешательства не могла бы обеспечить социально-политическую стабильность в развитых капиталистических странах.

Характерно, что мировой экономический кризис 2008–2009 годов заставил многих на Западе вернуться к кейнсианским идеям государственного вмешательства в экономику. Тенденция отхода от чистого неоллиберализма четко проявилась в США: президент Б. Обама внес радикальные изменения в налоговый кодекс, предложил меры борьбы с кризисом жилищного рынка, реорганизацию системы здравоохранения в интересах, главным образом, среднего класса и неимущих. Еще в 2009 году

Сенат США одобрил план чрезвычайных антикризисных мер, который содержал положения о прямых государственных инвестициях в отрасли здравоохранения, образования, энергетики. Характерно заявление президента Обамы: «Я не вернусь к дням, когда Уолл-стрит было позволено играть по им же установленным правилам».

В России в середине первого десятилетия XXI века наблюдается определенное оживление либеральных идей. Ряд требований – независимого суда, решительной борьбы с вседозволенностью чиновничьего аппарата, с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения Закону всех сверху донизу – выдвигаются и поддерживаются в России широкой общественностью, всеми политическими партиями, придерживающимися различных взглядов.

Более заметна, чем прежде, определенная акцентировка принципов либерализма в выступлениях и действиях российского руководства. Но это не свидетельствует – хочу особо отметить – о переходе В.В. Путина на позиции неолиберализма. Российские неолибералы – и в этом, пожалуй, их основная ошибка – исходят из универсальности западных экономических теорий, игнорируют их эволюцию и, главное, не считаются с особенностями и степенью развития рыночных отношений в нашей стране. Видный представитель неолиберализма австрийский ученый Ф. Хайек отмечал, что свобода в экономической деятельности создает главное условие быстрого экономического роста и его сбалансированного характера, а свободная конкуренция призвана обеспечить открытие новых продуктов и технологий. Но можно ли считать, что в современной России сам рыночный механизм уже способен обеспечить рост и сбалансированность экономики, а низкий уровень конкуренции достаточен для достижения технико-технологического прогресса? Дело в том, что в России без государственного вмешательства в экономику невозможно усовершенствовать рыночный

механизм и достичь необходимого для научно-технического прогресса уровня конкуренции.

Один из начальных принципов неолиберализма и неоконсерватизма заключается в том, что социальная справедливость достигается за счет свободной игры экономических сил, а не государственного планирования. Однако этот вывод не выдержал столкновений с действительностью в капиталистических странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран.

Нельзя абстрагироваться и от того, что сферой острых противоречий с неолибералами остаются взаимоотношения между отдельной личностью и обществом. Неолибералы, как и их предшественники, псевдолибералы, по сути, отрицают, что свобода, демократия совместимы с определенными самоограничениями в пользу общественных интересов. Естественно, границы этих самоограничений должны определяться в каждом конкретном случае в законодательном порядке.

В связи со всем вышеперечисленным возникает вопрос: где все-таки пролегают границы востребованности либерализма в России?

Неолибералы, вопреки сдерживающей позиции Путина, выступают за резкое сокращение роли государства как собственника в экономике. Они поставили своей задачей провести новую масштабную приватизацию государственной собственности в России, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших для страны стратегических предприятий. В их число входят «Роснефть», ВТБ, «Русгидро», «Аэрофлот», частичная приватизация предусматривается в отношении РЖД, «Транс-

нефти» и др. Конечно, в деятельности целого ряда госкомпаний есть минусы, которые следует устранить. Но что означает их перевод в частную собственность, сопровождаемую раздроблением. Приватизацию крупных госкомпаний нужно осуществлять постепенно, и что главное, без ущерба для процесса концентрации и централизации производства. Однако нынешнее правительство не ставит решение этой задачи во главу угла. Характерен в этом плане пример с государственным холдингом «Роснефтегаз», который стремится взять под свой контроль два осколка компании РАО «ЕЭС» – «Русгидро» и «ИНТЕР РАО ЕЭС». Это позволило бы создать один из самых крупных в мире энергетических гигантов. Кстати, ныне позиции сверхгиганта в мире принадлежат государственной канадской компании Hydro-Quebec.

Правительство выступило против расширения «Роснефтегаза». Премьер-министр на заседании правительства, обобщив высказанные позиции, назвал «абсолютно неправильным, когда государство в лице контролируемой им структуры приобретает профильные и непрофильные активы».

Ставка неолибералами сделана и на распространение частнособственнической инициативы вширь – на здравоохранение, образовательные учреждения, на коммерциализацию науки с тем, чтобы она самофинансировалась. Разгосударствление во всех этих областях рассматривается как магистральное направление развития России.

С появлением бюджетного дефицита в годы кризиса неолибералы еще более ужесточили свои позиции по вопросам госинвестирования, государственного субсидирования, особенно из средств, образующихся за счет высоких мировых цен на нефть, газ, металлы. Даже в то время, когда цена на нефть перевалила далеко за 100 долларов за баррель, они настаивают на том, чтобы держать все государственные «сверхприбыли» в резерве, точнее в иностранных ценных бумагах, а не вкладывать в российскую экономику.

Сначала это мотивировалось опасением разгула инфляции. Когда стало ясно, что вложения в экономику не приводят к инфляционному взлету – инфляция, которая, не имея монетарного характера в России, шла на убыль, – неолибералы изменили тактику.

Отказ от широкого инвестирования нефтяных прибылей в дорожную инфраструктуру (не говоря уже о производстве, сфере услуг) они аргументировали, как правило, необходимостью сберечь на случай резкого падения цены на нефть, и не менее важной, с их точки зрения, необходимостью скорейшего покрытия бюджетного дефицита, в том числе за счет снижения социальных расходов.

Конечно, в центре внимания остаются динамика мировых цен на нефть и образовавшийся дефицит бюджета. Мировая цена на нефть действительно понизилась, но далеко не рухнула. Что касается дефицита бюджета, то он небольшой в России, и существует практика успешного развития стран при бюджетном дефиците гораздо большем, чем у нас. Но российские неолибералы обходят эту реальность и продолжают гнуть свою линию.

В отношениях с неолибералами четко прослеживаются «красные линии», которые нельзя пересекать. Речь идет в первую очередь об отказе от сокращений социальных расходов, от расширения бюджетного финансирования образования, медицины, армии. Допуская увеличение списка предприятий, подлежащих приватизации, нельзя отказываться от государственной собственности на те объекты промышленности, которые крайне необходимы не только для безопасности, но и жизнедеятельности России.

Переходить «красную линию» нельзя также по вопросам необходимости государственного, а не рыночного управления в решении двух наиболее актуальных для сегодняшней России экономических задач: изменения структуры экономики и перевода ее на инновационные рельсы. Уже сегодня ясно, что сам рынок в России этих задач не решает. Пока, однако, активного государственного вмешательства в их решение не наблюдается.

Категорически несовместимо с необходимостью демократизировать наше общество и отождествление политической свободы с ограничением государственной власти. Такой позиции придерживаются российские правые. Необходимость перевода ряда государственных функций на общественный уровень очевидна. Но этот процесс не может и не должен ассоциироваться с ослаблением властных структур. Если такое произойдет, то процесс демократизации в нашей стране захлебнется, перерастая в неуправляемую стихию.

Не думаю, что В.В. Путин готов переступить эти ограничительные линии в угоду российским правым.

– Как Вы оцениваете события в Ливии и Сирии, а также феномен «арабской весны» в целом?

– В Ливии нас просто обманули, попросили принять резолюцию Совета Безопасности ООН, необходимую якобы только для «закрытия неба», что необходимо для защиты мирного населения. Это было накануне продвижения войск Каддафи к Бенгази. Россия и Китай не наложили вето на эту резолюцию, а в результате – налеты натовской авиации, а как может выясниться, и участие спецназа (я имею в виду и британский, и французский спецназ) – все это было направлено на свержение режима. Сначала это отрицалось, потом было практически признано – ну, а что получилось из этого, все видели: хаос, отсутствие стабильности, то же, что в Ираке после американской операции. Мы в Сирии извлекли из этого уроки и придерживаемся (я говорю мы, хоть и не имею прямого отношения к нашей политике) позиции, что дело сирийского народа – самому определиться с правящим режимом. Я, кстати говоря, не раз встречался с Башаром Асадом, беседовал с ним, – он далеко не самый агрессивный человек и политик.

Что происходит? Конечно, утверждать, что Асад непременно останется на своем посту, я бы не стал, но в то же время считаю, что мы проводили и проводим пра-

вильную политику. У нас нет никакой иной возможности действовать по-другому, поскольку в основе нашей политики лежит стремление к тому, чтобы сирийцы сами решили свои проблемы, без иностранного вмешательства – а оно, к сожалению, происходит. Да, не в такой форме, как было в Ливии, но в форме снабжения оружием повстанцев, переброски их из Турции и других стран.

Еще один аспект я бы хотел отметить: сейчас многие думают, почему Саудовская Аравия и Катар поддерживают оппозиционные силы и хотят свержения Асада? Видите ли, после американской операции в Ираке резко обострились отношения между суннитами и шиитами, двумя основными направлениями в исламе. В Ираке, где при Хусейне шииты не были адекватно представлены в руководящих органах, теперь сформировано шиитское правительство, в котором не представлены сунниты. В этой связи государства с большинством суннитского населения, а это все арабские страны кроме Ирака и Бахрейна, опасаются образования «шиитского пояса» из Ирана, Ирака, Сирии и Ливана, где шиитское население показывает все большее стремление к власти. Сунниты во что бы то ни стало, хотят выбить из этого пояса Сирию, отстранив от власти алавитское руководство, близкое шиитам. Вот такие происходят сейчас события.

– На посту министра иностранных дел России Вы активно продвигали интеграционные идеи, в том числе идею создания «стратегического треугольника Россия – Китай – Индия». Как Вы считаете, насколько эти планы были реализованы, каковы их возможные будущие перспективы?

– Действительно, родилась идея такого сближения России, Китая, Индии. Думаю, все понимают – речь идет о сближении не ради создания военного союза, а ради сохранения стабильности в регионе, а может, и во всем мире.

Китай развивается бурно – вторая экономика в мире, которая, очевидно, через несколько лет будет первой. Индия. Уже многие не знают, что Индия – одно из самых передовых в технологическом плане государств. Нам очень важно иметь хорошие отношения с этими государствами. Важно отметить также, что когда провозглашалась идея треугольника, было ясно, что в таком вот треугольнике самая слабая сторона – это отношения между Индией и Китаем. Россия начала работать и над тем, чтобы отвести две страны от опасного рубежа. Консультации между тремя сторонами, включая первостепенной важности вопросы стабилизации положения и в регионе и в мире, продолжатся. Это ответ на Ваш вопрос.

– Разрушит ли вступление в ВТО Российскую Федерацию?

– Друзья мои, вначале я хочу сказать, что вступление в ВТО для России неизбежно. Извините, нельзя остаться полубеременной после того, как Россия открыла свою экономику, превратила ее в часть мировой. А будучи частью мирового хозяйства, она не может игнорировать организацию, через страны которой осуществляется 95 % мировой торговли. Она не может игнорировать организацию, которая устанавливает правила игры на мировых рынках. Так что вступление в ВТО было обязательным, и мало кто может сказать, что мы в наших условиях и в условиях глобальных процессов, которые происходят, должны возвращаться к изоляционизму.

В то же время, конечно, возникает много вопросов. Достаточно ли было сделано во время переговоров о вступлении? Я внимательно следил за этим процессом и считаю, что сделано очень многое. 18 лет мы вели переговоры, 18 лет! Я попросил наших переговорщиков сделать для меня сравнение позиций наших оппонентов на момент начала переговоров и после их окончания. Это абсолютно разные позиции – мы добились очень многого. Не стану детализировать, но, поверьте, это так.

Многие считают, что вступление в ВТО положит конец всем нашим надеждам на развитие экономики, потому что мы не выдержим конкуренции. Но я хочу сказать, что Китай за 11 лет нахождения в ВТО в четыре раза увеличил внутренний валовой продукт и в семь раз увеличил внешнюю торговлю. Вот вам показатели того, что ВТО сама по себе не затрудняет подобный рывок.

Некоторые считают, что вступление ударит по отдельным нашим отраслям. Действительно, если понизятся таможенные пошлины (хотя у нас есть срок в 7 лет, 7 лет мы еще можем адаптироваться), тогда пострадают отдельные отрасли нашей промышленности. Угроза такая существует. И мы должны уже сейчас думать о том, каким путем ее преодолеть. Посмотрите, как у нас развивается экономика, я имею в виду главным образом частное предпринимательство – как правило, развитие идет за счет лоббирования своих интересов в руководстве страны. А где рост производительности труда? Где забота о сокращении издержек? Где стремление к конкуренции? Примеров подобных очень мало – нужно переходить на новую основу по многим позициям. И делать это нужно уже сейчас.

– Как Вы относитесь к приватизации в современной России?

– Она неизбежна и будет развиваться. Но это не означает, что следует незамедлительно приватизировать важные для жизнедеятельности страны объекты. И думать о том, что это приведет к модернизации производства. Бесспорно, реиндустриализация на основе новой техники, на основе новых технологий нам необходима. Но может ли обеспечить ее главным образом широкая неотложная приватизация? Приведу пример. Когда я работал президентом Торгово-промышленной палаты России, к нам неоднократно обращались бизнесмены с требованием ставить вопрос об «обнулении» таможенных пошлин на ввоз высокотехнологичного оборудования, не произ-

водимого в нашей стране. В конце концов нам пошли навстречу – просили ведь об этом не только ТПП, но и многие другие. Однако вскоре мы выяснили, что только 13 % – на тот период, но, думаю, положение не изменилось и сегодня – ввозили оборудование сегодняшнего и завтрашнего дня. Остальные ввозили то, от чего уже избавлялись на Западе – это было, естественно, дешевле и даже лучше, чем у нас, но недостаточно, чтобы идти вровень с Западом. Поэтому остро стоит вопрос о вмешательстве государства в реиндустриализацию – особенно нужно модернизировать высокими темпами машиностроение.

– Что бы Вы могли сказать о развитии российско-грузинских отношений?

– Ничего не могу сказать. Хотел бы, чтобы они развивались, но многое зависит, конечно, от нынешнего грузинского руководства. Кстати, назначили там Зураба Абашидзе представителем для переговоров с нами. Он был послом у нас в Москве, знаю его хорошо. Он мне кажется очень порядочным человеком.

– Способствует ли смена власти в Грузии решению территориального конфликта и улучшению отношений?

– Я думаю, что под «территориальным конфликтом» имеются в виду Абхазия и Южная Осетия, но этот вопрос почти тупиковый. Нужно постараться решить сегодня многие другие проблемы. Что касается реформ нового правительства, то, безусловно, хуже Саакашвили ничего не будет. Так что новое правительство – это хорошо, конечно.

– Не могли бы Вы дать совет по изучению арабского языка студентам первого курса?

– Что могу сказать. Я сам себя ругаю за то, что, хотя и изучал арабский язык в Московском институте востоко-

ведения, а потом 5 лет работал корреспондентом «Правды» в арабских странах, но знаю арабский язык далеко не идеально. Я считаю все эти годы потерянными для изучения арабского языка. Не теряйте времени.

– В течение прошлого года мы наблюдали всплеск оппозиционных настроений. Как Вы думаете, какое будущее у несистемной оппозиции в России?

– Ну, смотря, что Вы имеете в виду под «несистемной оппозицией». Те, кто вышел на Болотную площадь в Москве, состояли из различных групп и элементов. Да, там были люди, которые боролись за демократию еще в 90-х, но были и фашиствующие элементы. Там были люди, вышедшие с ксенофобскими лозунгами, были и провокаторы. Так что сплоченной несистемной оппозицией я бы это не называл.

– К чему может привести миграционная политика в России?

– Вы знаете, очень тяжелый вопрос. Экономически нам необходима иммиграция, необходима, но, в то же время, перед нами стоят трудно решаемые задачи. Возьмите Францию. Попытались ассимилировать мигрантов – не получилось, попытались на мультикультурной основе решить вопрос – не получилось. Я думаю, что, в общем, нам необходимы дифференциальные подходы – мигранты ведь зачастую являются русскоговорящими, имеют образование. Русскоговорящих мигрантов нужно привлекать в первую очередь. Нужно, чтобы была целенаправленная политика в сфере миграции, чтобы не было недавно обнаруженных случаев, когда люди не находят достойных занятий и достойного места в жизни.

– Каковы, на Ваш взгляд, перспективы Европейского союза в связи с греческими событиями?

– Вы знаете, когда началась катавасия с кризисом ЕС, а он же начался раньше, чем кризис еврозоны как ва-

лютного пространства, мне довелось в Гамбурге беседовать с Гельмутом Шмидтом. Ему сейчас далеко за 90, но он мыслит очень трезво; он сказал, что происходящие события приведут к тому (и это более перспективный вариант), что несколько крупных стран ЕС объединятся и смогут навязывать свое мнение остальным или просто выделиться, проводя углубленную интеграцию, при формальном сохранении ЕС.

Посмотрите, сейчас действительно так и происходит – уже формируются институты, наднациональные структуры, которые должны будут воздействовать на бюджетную политику всего ЕС. Это уже ново. А как пойдет дальше – посмотрим, я не думаю, что Греция станет барьером для всей Европы. Будут ей помогать, искать какие-то формы, которые не приведут к ее исключению или выходу из ЕС.

– Почему сегодня Вы разделили современных неолибералов и тех, что действовали в 90-е годы? Ведь политика девяностых идеально соответствует идеалам неолиберализма.

– Не совсем. Я разделил их потому, что неолибералы отличаются от псевдолибералов девяностых.

– Как Вы считаете, является ли развитие сельского хозяйства в регионах России актуальным? Каким образом государство может этому поспособствовать?

– Способствует сейчас и будет способствовать. Конечно, сельское хозяйство очень актуально – мы можем стать одним из главных экспортеров зерна и будем наращивать свои возможности. Кроме того, я против того, например, что нужно прекратить импорт продуктов питания и питаться продуктами только отечественными. Это, несомненно, ударит по качеству, как происходит при отсутствии конкуренции, но, в то же самое время неправильно, когда больше половины всех потребляемых населением продуктов приходит из-за рубежа.

– *Какие страны станут лидерами XXI века?*

– Если говорить об экономике, то темпы роста Китая чрезвычайно высоки. Индия достаточно перспективна. Мы выделяем страны АТР – туда сейчас перемещается центр экономического развития, особенно когда в Европе происходят такие процессы. Все это свидетельствует об образовании многоцентристского мира с неравномерно развивающейся экономикой. Что касается политики, то у России существуют реальные перспективы быть в числе лидеров XXI века. Однако для этого следует приложить немалые усилия.

IV. Государство как главный источник инновационного развития*

В совокупности закономерностей и тенденций развития общества, государства и власти в России особая роль принадлежит состоянию экономики. Я не отношусь к тем, кто с бездумным оптимизмом рассматривает итоги ее нынешнего развития. Можно говорить об успехах в отдельных отраслях или, во всяком случае, о том, что удастся преодолевать отдельные риски, но экономическая картина в целом не располагает ни к оптимизму, ни к стремлению отгородиться от решительных изменений. Темпы роста российской экономики понизились с 3,4 % в 2012 году до 1,3 % в 2013 году. Это, как считают некоторые, отнюдь не общая мировая тенденция. Темпы роста нашей экономики в 2013 году были в два с лишним раза ниже общемировых.

* Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 3.

В настоящее время мы не только не исправили эту опасную тенденцию, но подошли к грани рецессии. Напомню, что ее показателем считается снижение роста валового внутреннего продукта (ВВП) подряд в течение двух кварталов. В первом квартале 2014 года уже произошло снижение роста ВВП на 0,5 %. Минфин полагает, что и во втором квартале рост будет отрицательным. Глава Минэкономразвития, в свою очередь, связывал возможность сползания российской экономики в рецессию с увеличением общего оттока капитала до 150 млрд долларов. Отток капитала в этом году уже превзошел 60 млрд долларов.

Радикальных экономических перемен требует и нарастающее социально-экономическое расслоение нашего общества. Естественно, что реальным достижением в последние годы стало сокращение числа тех, кто находится за чертой прожиточного минимума. Но одновременно – и на это нельзя закрывать глаза – 110 наших миллиардеров контролируют 35 % всех активов. Чувствуя опасность такого разрыва в доходах и для политической стабильности, и для экономики, развитые и многие развивающиеся страны ввели прогрессивную шкалу подоходного налога на своих граждан. У нас, несмотря на все требования такого рода, звучащие, в том числе, и в Федеральном Собрании, подобная практика не вводится. А ведь речь идет даже не об изъятии 60 % доходов богатеев и более, как в ряде скандинавских стран с высоким уровнем жизни, а хотя бы о прогрессивной шкале подоходного налога от 13 до 20 %.

Не способствует стабильному улучшению материального положения населения – это, кстати, тоже понимают в большинстве развитых стран – наблюдаемое у нас стремление неолиберальной части правительства расширить коммерциализацию здравоохранения, образовательных учреждений, науки.

Сохранение нынешней экономической ситуации в России в целом может рассматриваться в виде угрозы про-

возглашенному социальному характеру нашей экономики. Путем мелких косметических мер мы не сможем осуществить заложенную в майских указах президента В.В. Путина социальную программу, от которой зависит будущее России. Все громче звучат голоса тех, кто видит выход из тяжелой экономической ситуации в том, чтобы отказаться или, во всяком случае, подвергнуть серьезной корректировке эту социальную программу. По сути, вопрос упирается в то, какими темпами будет развиваться наша экономика. Для исполнения путинской социальной программы необходимы темпы экономического роста не менее 5 % в год. Но без внесения радикальных изменений в хозяйственную практику нашей страны добиться таких темпов невозможно.

Общая экономическая картина будет далеко не полной, если не учитывать эскалацию санкций США и их европейских союзников в отношении России, защитившей свои интересы во время кризиса на Украине. Произошло, как вы знаете, воссоединение Крыма, Севастополя с Россией. Хотел бы подчеркнуть, что это была не заранее продуманная заготовка на случай развития политического кризиса в соседней стране. Скорее, это была ответная реакция на развитие кризиса, во многом сдирожированного извне. В условиях государственного переворота в Киеве преобладающее большинство крымчан потянулось к России, потребовало проведения референдума о присоединении к нашему государству. Именно на этом этапе Россия, руководимая президентом Путиным, предприняла меры, чтобы обезопасить население Крыма во время голосования от вылазок и провокаций майда-новских радикалов.

Решение о присоединении Крыма и Севастополя к Российской Федерации в качестве ее двух полноправных субъектов получило широкую массовую поддержку россиян – в этом нет никакого сомнения. Такого взрывного подъема патриотизма в нашей стране не наблюдалось со

времен победы над фашистской Германией и полета Ю.А. Гагарина в космос. Но празднование справедливой победы должно перерасти в деятельность, направленную на защиту от сопутствовавших этой победе угроз для России. Речь идет не только о мерах по снижению ущерба от экономических санкций. Они скажутся негативно, но не приведут к краху нашей экономики. Изоляционизм в современном глобализирующемся мире России не угрожает. Уже десятилетия она является частью мировой экономики. Сегодня, например, еще в более положительном плане сказывается членство России в ВТО, что способствует заинтересованности многих наших партнеров в продолжении и развитии экономических связей с Россией. Однако новые факторы, возникшие в мировой экономической обстановке в результате кризиса на Украине, не могут не стать дополнительным стимулом для преодоления тех серьезных трудностей, которые уже проявились в нашей экономике.

Речь идет, естественно, не о возвращении к командно-административной системе, не об отказе от рыночного характера экономики, от участия России в международном разделении труда. Возврата к этому нет. Но обстановка подталкивает Россию к необходимости сосредоточиться на решении проблем экономического роста и его качества. В частности, возрастает значение реиндустриализации, особенно в машиностроении, где мы катастрофически отстали, а теперь уже и большего акцента на импортозамещении. Это, конечно, должно осуществляться при сохранении курса на расширение внешнеэкономической деятельности.

Не хотел бы, и нет для этого оснований, отрицать то, что уже было сделано для решения усложняющихся экономических задач. Но при этом следует подчеркнуть, что позитивные сдвиги связаны с ограничениями, введенными президентом Путиным и его администрацией, и укреплением ими структур на пути тех, кто хотел бы за-

хлестнуть российскую экономику неолиберальными идеями. Удалось сократить их приватизационные аппетиты, заставить отказаться от запрета государственным или контролируемым государством компаниям приобретать непрофильные и даже профильные активы. Это могло вообще вывести госсектор из инвестиционного поля. Удалось привести дело к согласию приверженцев неолиберальных идей с необходимостью затратить на строительство транспортной инфраструктуры части Фонда народного благосостояния, признать, что инфляцию в России во многом создают немонетарные факторы, например рост тарифов естественных монополий, нежелание подключиться к антиофшорным усилиям.

Есть еще один важный итог, не относящийся к экономике, но который хотел бы отметить: неолибералам не удалось провести идею о демократизации нашего общества за счет ограничения государственной власти. Необходимость перевода ряда государственных функций на общественный уровень очевидна. Но этот процесс не может и не должен ассоциироваться с ослаблением властных структур. Если такое произойдет, то процесс демократизации в нашей стране захлебнется, перерастая в неуправляемую стихию. Такая постановка абсолютно не противоречит расширению гражданской активности в регионах, в муниципалитетах, широкой общественной дискуссии с тем, чтобы общественные инициативы становились частью государственной политики, а общество контролировало бы их исполнение.

В создавшихся условиях особую остроту приобретает выбор из двух альтернатив, на чем сделать упор – на финансовой консолидации или экономическом росте. Этот выбор из теоретического, разделившего экономистов на два лагеря, стал остро значимым в практическом плане. Казалось бы, выбор уже сделан. О нем твердо заявил президент Путин. По его словам, необходимо однозначно сделать акцент на экономическом росте, добиться через

рост развития нашей экономики, сохранения ее социальной ориентации. Такой точки зрения придерживаются также академические и не только академические экономисты.

Однако этот вывод предопределяет переориентацию макроэкономики на создание условий для экономического роста. Финансовая консолидация должна служить этому. Но в действительности никакой заметной переориентации политики нашего правительственного финансового блока не наблюдается. Это, во всяком случае, следует из того, что, несмотря на неоднократную постановку вопроса, снижения ставки рефинансирования не происходит, а в результате кредиты банков достигают заоблачных высот. Можно ли в таких условиях рассчитывать на ускоренный экономический рост? Тем более что экономические санкции против России неизбежно приведут к ухудшению условий кредитования американскими и европейскими банками наших отечественных производителей.

В создавшихся условиях еще большее значение приобретает проблема выбора «локомотивов» экономического роста в России. Безосновательны расчеты на то, что такую роль в нашей нынешней действительности может сыграть малый бизнес. Конечно, его развитие остается важной задачей, так как малый бизнес – серьезный источник увеличения занятости, производства комплектующих, а также товаров и услуг, необходимых населению. В нашей стране на долю малых и средних предприятий приходится более 20 % российского ВВП, по сравнению с 50 % в Европе и Китае. Естественно, следует предпринять необходимые усилия, чтобы поднять долю малого и среднего бизнеса в российском ВВП. Однако было бы абсолютно необоснованно уповать на то, что такой необходимый, но долговременный и затруднительный подъем станет чуть ли не главным звеном в системе мер по ускорению темпов роста российской эко-

номики. Между тем именно на это рассчитывают сторонники неолиберальных идей. На это подталкивают нас и многие западные авторитеты, утверждающие, что на данном этапе необходим именно такой ход, а не поддержка крупных предприятий.

Прорыв в экономическом росте может состояться только при осуществлении мегапроектов. Об одном из таких весьма важных проектов, который позволит России использовать ее уникальное географическое положение, недавно доложил на заседании Президиума Российской академии наук (РАН) В.И. Якунин. Предлагается системное строительство железнодорожной инфраструктуры с Востока на Запад и с выходом на Север, которое включает в себя придорожное освоение территорий.

Большое внимание следует уделять и развитию оборонно-промышленного комплекса, где сосредоточены значительные интеллектуальные возможности. В нынешней ситуации еще более важно взаимодействие ОПК с гражданскими отраслями промышленности. Мы много говорим об этом, но до сих пор в исполнительной структуре власти нет центра, занимающегося этой важнейшей проблемой наподобие существовавшего в советский период Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ). Это решило бы много проблем.

Безусловно, экономический рост России должен происходить на инновационной основе. Но давайте и об этом говорить прямо: главным источником инновационного развития является у нас не частный бизнес, а государство. Отсутствие развитой конкуренции сказывается в том, что частнопредпринимательский сектор не проявляет должной заинтересованности в технико-технологическом прогрессе. Отсюда и тот факт, что на научно-исследовательские работы и конструкторские разработки российские компании тратят в четыре раза меньше израильских и южно-корейских, в три с лишним раза меньше японских и финских компаний.

Роль государства не может быть просто провозглашена. Необходимо неотложно выработать и принять проект государственного участия в технико-технологическом прогрессе нашей страны. Приведу в этой связи такие цифры. По общему объему финансирования науки Россия уступает Германии более чем в 2 раза, Японии почти в 4 раза, Китаю в 6 раз, а Соединенным Штатам в 11 раз. Таким образом, речь идет не о процентах, а о порядковых числах в отставании.

За последние годы возросли бюджетные ассигнования на науку, но общую тенденцию это пока не меняет. Более того, за общими цифрами до сих пор часто скрываются вопиющие недоработки в финансировании даже тех организаций, которые по своим достижениям сопоставимы с зарубежными аналогами. Недавно я присутствовал на встрече с выдающимся нейрохирургом академиком А.Н. Коноваловым в так называемой гостиной «Меркурий – клуба». Директор Научно-исследовательского института нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, превзошедшего числом сложнейших операций головного мозга многие другие мировые клиники, привел обескураживающий факт. Он отметил, что после проведения академической реформы и слияния РАН и РАМН произошло сокращение бюджетного финансирования его института (см. табл. 1). А это означает уменьшение количества квот для больных людей и закупок необходимого оборудования.

Более чем очевидна необходимость кардинального улучшения организационно-управленческих мер в обеспечении экономического роста. Не пойму, например, почему правительственные финансисты не могут равномерно в течение года финансировать Федеральные целевые программы – в первом квартале задействованные в этих программах компании получают лишь 10–11 %, в первой половине года – лишь 25 % от годового финансирования. Это приводит, по меньшей мере, к рез-

кому возрастанию корпоративного долга, не говоря уже о том, что огромные суммы лежат мертвым грузом.

Или факт, выявленный кадастровой переписью: 40 % владельцев всех земель неизвестны. Это оборачивается недополучением больших налоговых сумм, от чего страдают главным образом региональные бюджеты. А незавершенка, фиктивные акты о приемке, так затянувшаяся до воплощения в жизнь антиофшорная практика? И так далее и тому подобное.

Таблица 1

Финансирование Научно-исследовательского института нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко в 2013–2014 годах (в руб.)

Направления	2013 год	2014 год	Разница
Наука	148 836 000,00	124 969 400,00	–16 %
Клиника	506 844 000,00	307 933 400,00	–39 %
Высокотехнологическая медицинская помощь	980 240 000,00	742 140 000,00	–25 %
Капитальный ремонт и техническое обслуживание	315 393 801,73	0,00	–100 %
Итого	1 951 313 801,73	1 175 042 800,00	–40 %

Не последнее место в этом списке занимает проникающая во все поры нашей экономической жизни коррупция. Несмотря на принятые законы, 40 % крупных государственных закупок продолжают осуществляться в «серой зоне» через близкие к чиновникам компании, нередко через фирмы-однодневки. Красноречивые примеры коррупции затрагивают деятельность в России и крупных иностранных фирм. За выплату взяток представителям российских телекоммуникационных компаний, включая дочек «Связьинвеста», суд Мюнхена оштрафовал компанию Siemens на 201 млн долларов. В конце 2009 года Всемирный банк отстранил дочернюю компа-

нию Siemens'a в России от тендеров из-за дачи взяток в 3 млн долларов в ходе проекта «Развитие транспортной инфраструктуры в Москве». В феврале 2010 года шведская ИКЕА уволила двух высших менеджеров за дачу взятки «Ленэнерго» с целью ускорить подключение торгового центра к электросетям. Компания Hewlett-Packard недавно уплатила штраф в 108 млн долларов, чтобы не доводить дело до суда, признав, что давала «откаты» российским посредникам для получения крупного контракта поставки техники Генпрокуратуре. Все эти факты опубликованы в СМИ.

Очень многое предстоит сделать для корректировки соотношений между различными частями консолидированного бюджета. У большинства регионов нет средств для обеспечения перелажаемых на них задач в социальной области. Так, исполнение части функций социальной программы президента Путина было поручено субъектам федерации без адекватного финансирования из центра. В результате складывается плачевное финансовое состояние многих регионов и муниципалитетов. Они погружаются в пучину растущей кредитной задолженности. Такой рост долгов отнюдь не отражает развитие регионов, как представляют некоторые в центре. Полученные кредиты идут не на инвестиции, а, как правило, за счет инвестиций на покрытие обязательств, спущенных из правительства.

Необходимость оптимизации экономических отношений между центром и субъектами Российской Федерации диктуется тем, что от этого во многом зависят успехи реиндустриализации, изменения структуры нашей экономики, развития аграрно-промышленного комплекса. При этом необходимо не растерять политические, экономические, административные функции российского центра, скрепляющие страну в единое целое. Движение в направлении оптимизации отношений между центром и регионами обозначилось. Однако общегражданским ин-

тересам противоречит медлительность в выработке комплексного подхода на основе продуманных, выверенных соотношений.

В связи с новой обстановкой возрастает значение проекта развития Дальнего Востока и Восточной Сибири. Этот проект невозможно осуществить без участия стран Азиатско-Тихоокеанского региона, не поддерживавших санкций. Даже Япония на прошедшем недавно форуме высказалась за расширение экономических связей с Россией. Президент Путин назвал развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири основным проектом XXI века. Но до сих пор нет комплексного, – хочу это подчеркнуть, – комплексного плана решения этой поистине исторической задачи. Мы свидетели того, как вопрос переключается из одного министерства в другое, а по сути, предлагаются частичные меры.

Хотелось бы остановить ваше внимание и на том, что часто решения по жизненно важным вопросам принимаются без соответствующего обсуждения в экспертном сообществе. Характерен в этом отношении не только пример с реформированием РАН. Очевидна необходимость, например, сбалансировать размеры нашей действительной потребности в подушке финансовой безопасности с необходимостью вкладывать заработанные на экспорте нефти и газа средства в экономическое и социальное развитие. Известно, что размер Фонда безопасности – 7 % от ВВП. Но кто рассчитал эту цифру? Некоторые весьма опытные экономисты предлагают понизить планку до 5 %, а остальные средства отдать на экономический рост. Или неуставленный баланс между фиксацией, не позволяющей взвинчивать тарифы, и сохранением у нефтяных и газовых монополий необходимых средств для их технико-технологического развития. Или отсутствие обсуждений на высоком экспертном уровне проблем бездефицитного бюджета, таргетирования инфляции, создания неприкасаемых резервов в иностран-

ных ценных бумагах. Нуждаются в серьезном обсуждении и проблемы определения границ, которые нельзя пересекать в приватизации в области здравоохранения, образования, культуры.

Всем этим, конечно, не исчерпывается список вопросов, подлежащих решению. Однако они заслуживают, как мне представляется, внимания.

– Возможен ли сейчас сценарий, при котором на волне поднявшихся рейтингов после Крыма правительство начнет проводить необходимые, но крайне непопулярные реформы?

– Я думаю, что необходимо проводить реформы в экономической области. И, безусловно, поднявшийся рейтинг создает условия для проведения этих мер. А санкции, которые применяются против нас, стимулируют необходимость проведения этих мер в экономике.

– Считаете ли Вы, что госсекретарь США Джон Керри недавно повторил Ваш знаменитый «разворот над Атлантикой»? И можно ли сейчас говорить о начале новой эпохи в международных отношениях?

– Я не думаю, что его поворот самолета и возвращение в Европу можно сравнивать в какой-то степени с нашим решением развернуть самолет над Атлантикой, когда у нас возникла необходимость продемонстрировать, что мы не поддерживаем наметившуюся бомбардировку Югославии.

Что касается начала новой эпохи международных отношений, я бы осторожно подходил к этому вопросу. Это не новая эпоха, которая означает отказ от всего уже произошедшего. Но эта эпоха, безусловно, включает новые элементы.

Для нас сохраняется важность развития отношений с нашими партнерами, даже с теми, кто применяет против нас санкции. Сегодня по радио, например, Владимир

Владимирович Путин справедливо сказал, что мы не будем отвечать на санкции. В то же время для нас имеют большое значение сферы совпадения интересов с США и ЕС. Мы, например, многое сделали для того, чтобы отойти от опаснейшей черты американского удара по Сирии, многое было сделано для начала химического разоружения. Мы вместе многое делаем для того, чтобы подойти к решению вопроса использования ядерных возможностей. Мы делаем многое для борьбы с терроризмом. Я думаю, что возвращение к обмену информацией по этому поводу будет необходимо, и оно будет происходить. Все эти элементы современного периода остаются.

Но дело в том, что в любом случае Россия должна защищать свои национальные интересы, не отказываться от этого, не приносить их в жертву, а искать необходимые компромиссы для решения важнейших для всего мирового сообщества вопросов. Именно на этом, я бы сказал, усилился акцент.

– Возможны ли сейчас санкции со стороны Саудовской Аравии путем увеличения добычи нефти и последующего понижения цен на нефть, что увеличит бюджетный дефицит России?

– Я не думаю, что Саудовская Аравия будет участвовать в санкциях. У нее сейчас усложнились отношения с США. И я не думаю, что в попытках исправить ситуацию Саудовская Аравия пойдет на радикальные меры, которые могут ударить по России.

– Чем можно обосновать отказ России от ввода войск в Украину с экономической точки зрения?

– Я думаю, что это одностороннее освещение вопроса. Дело не в экономике, а в том, что мы принимаем решения в зависимости от развития событий, которые могут затрагивать наши непосредственные военно-политические интересы. С другой стороны, есть и моральная сто-

рона этого вопроса: русскоязычная часть населения Украины нам близка, поэтому здесь дело не в экономике.

– Недавно президент Обама совершил свой второй тур по «антикитайской оси»: Япония, Малайзия, Филиппины. В связи с этим вопрос: насколько актуален для России диалог с Китаем, какова его реакция на последние события?

– Реакция Китая на нашу позицию в отношении кризиса на Украине нас вполне устраивает. Китай не занимает враждебную позицию. Он не афиширует свою поддержку, как и многие наши союзники, но в то же самое время не предпринимает никаких действий, которые могут осложнить наше положение. Например, при голосовании в Совете Безопасности ООН мы наложили вето, Китай воздержался.

В то же самое время наши отношения с Китаем имеют критическое значение не только в этой ситуации, но и для развития России. Речь не идет об установлении военного союза с Китаем против США или против других стран. Этого не надо. Нам не надо занимать чью-то сторону в возможном обострении отношений между Китаем и США. Хотя, конечно, в то же время нужно придерживаться определенных позиций.

Рассмотрим, к примеру, нефть. Если по нефти будет какая-то необходимость переориентации, то она произойдет за счет расширения нашего рынка в этих регионах, в Китае в первую очередь. Мы не можем не принимать во внимание, что китайская экономика уже стала второй в мире, а в ближайшие 10 лет может стать и первой. Но это не значит, что Китай уже стал лидером научно-технического прогресса. Они преуспевают в этом деле, сокращая расстояние между собой и развитыми странами. Но в течение долгого периода времени на лидирующей позиции в этой области будут находиться США.

– Ветераны Афганистана считают необходимым пересмотреть негативную оценку Афганской войны, данную народными депутатами в 1989 году. Также депутаты требуют судить М.С. Горбачева за причастность к развалу СССР. Стоит ли подвергать переоценке советское прошлое?

– Определенные моменты нашей жизни следует подвергать переоценке. Нельзя по-прежнему сдержанно относиться к массовым репрессиям. Нельзя сдержанно относиться ко многим другим проявлениям, которые были в советский период. Но ввод войск в Афганистан, с одной стороны, был необходимой геополитической мерой. У нас была очень большая граница с Афганистаном, куда могли войти наши противники периода холодной войны, приблизившись тем самым к нашей границе с той стороны. Поэтому причина для ввода войск, конечно, была.

Но если идет разговор о помощи так называемой «афганской революции», то, по моему мнению, никакой революции там не было. Ленин был прав, когда говорил, что революция – это когда низы не могут жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому. В Афганистане ни одного из этих элементов не было. Когда там, например, проводили аграрную реформу, в значительной части случаев крестьяне возвращали землю руководителю племени, говоря, что эта земля принадлежит Аллаху.

Так что такое особое отношение к вводу войск может существовать. Но оно не должно затрагивать тех людей, которые выполняли приказ, страдали, гибли и проявляли героизм. Они не должны быть ответчиками за элементы неправильной политики.

– Как, по Вашему мнению, следует бороться с коррупцией в России? Есть ли у Вас нестандартные идеи решения данного вопроса?

– Трудно ответить на этот вопрос. Я бы сказал кратко – необходимо бороться и не отходить от этой борьбы, когда дело касается определенных слоев чиновничества, которые достаточно высоко расположены.

– Если Восточная Украина попросит помощи у России, в том числе и военной, каковы будут действия России?

– Я хочу подчеркнуть, что уже не участвую в принятии решений. Я уже давно высказываю только свою точку зрения, не отражающую точку зрения правительственных кругов. Давно прошло время, когда я был председателем правительства, а до этого министром иностранных дел или руководителем службы внешней разведки, все это в прошлом. В этом году мне исполняется 85 лет, но, как видите, я хочу быть активным. Однако это время жизни не для принятия решений на высшем уровне.

Часть вторая

РОССИЯ: «ДЕЛА НАСУЩНЫЕ»

I. Конституция как основа политического и экономического развития России (к 20-летию Конституции)*

Прежде всего, вспомним ту ситуацию, в которой родилась Конституция 1993 года. После распада СССР все республики, появившиеся на месте автономных областей РСФСР, приняли декларации о своем государственном суверенитете. При этом республики обозначили свои противоречия с федеральным центром. В конституциях девятнадцати республик из двадцати одной содержались положения, наделявшие их правами суверенных государств. Ряд республик провозгласил право приостанавливать действие общегосударственных законов, если они противоречат местному законодательству.

Новая Конституция 1993 года должна была в таких условиях стать базой стабилизации российского государства и российского общества. Служили и продолжают служить этой цели: провозглашение демократического ха-

* Выступление на II научно-практической конференции «20 лет Конституции России: институты правового государства, гражданское общество и законотворческий процесс» 26 сентября 2013 г. (Москва, Президент-отель).

рактера государства, основных прав и свобод личности, федеративное устройство России, образование и роль Федерального собрания. В этих направлениях должна развиваться Россия, но это – не констатация уже достигнутых результатов. После принятия конституции пришлось сделать немало, чтобы претворить в жизнь провозглашенные ею принципы.

Принятие конституции при слабом федеральном центре, а в то время он был именно таким, еще не создавало преграды на пути сепаратистских тенденций в федерации. Лишь последующими немалыми усилиями удалось добиться серьезных результатов на пути укрепления России как единого государства. Необходимость оптимизации отношений между центром и субъектами Российской Федерации диктуется и новыми обстоятельствами. Сегодня, когда достаточно остро стоит вопрос о реиндустриализации России, об изменении структуры нашей экономики, регионы должны серьезно усилить свою роль в экономическом плане. При этом существует острая необходимость не растерять политические, экономические, административные функции российского центра, скрепляющие страну в единое целое.

Важнейшей частью государственной региональной политики являются межбюджетные отношения. По свидетельству министерства финансов России, раздел налоговых доходов между центром и регионами на середину 2013 года составлял 52 % на 48 %. Ряд экспертов считает, что разброс большой. По утверждению первого заместителя председателя Комитета Госдумы по бюджету и налогам Оксаны Дмитриевой, доля субъектов федерации в консолидированном бюджете с 2000 года по 2013 год снизилась до 35–34 %. Между тем в Бюджетном кодексе 1998 года был определен раздел консолидированного бюджета между федеральным центром и субъектами федерации – 50 % на 50 %. Но эта норма постоянно нарушается в ущерб субъектам федерации.

Широко известно, что проведение социальных реформ – насущная необходимость для сохранения магистрального направления социально-экономического развития России. Первоочередной задачей является претворение в жизнь планов, намеченных в предвыборных статьях президента В.В. Путина, включая увеличение зарплат бюджетникам – учителям, врачам, работникам культуры. Правительство решило практически переложить выполнение этой задачи на субъекты федерации без адекватного финансирования из федерального бюджета и без учета реальных возможностей преобладающего большинства регионов. Помимо всего прочего, это самым негативным образом влияет на динамику инвестиций с целью экономического развития регионов.

А теперь о некоторых аспектах демократизации федеративных отношений в России. Главный вопрос для России в том, разовьется ли тенденция перехода от этнического принципа построения федерации к территориальному федерализму. Ряд политиков и экспертов связывают с таким переходом демократизацию российского федерализма, ссылаясь при этом на государственную модель США. Однако федерация в США совершенно другого рода, чем в России – население штатов состоит в основном из нескольких поколений иммигрантов, а не людей, предки которых сотни, тысячи лет обитали на этой земле.

Каковы особенности национального аспекта демократизации российского федерализма на данном этапе его развития? Во-первых, отказ от этно-территориальной системы, включение всех субъектов в административно-государственное устройство фактически означали бы конец федерализма в многонациональной России. Во-вторых, существуют предпосылки для рассмотрения целесообразности присоединения отдельных национальных образований к субъектам федерации, созданным на административно-территориальной основе.

Кандидатами на вхождение в административно-территориальные субъекты могли бы быть отнесены исключительно те национальные объединения, в которых «титовская» нация не только малочисленна, но составляет крайне небольшой процент населения. Но их объединение с другими субъектами федерации ни в коем случае нельзя рассматривать как процесс отказа от этнических особенностей того или иного народа.

Смешанный национально-государственный и административно-государственный характер федеративного устройства российского государства отнюдь не противоречит формированию общероссийского гражданского общества, общероссийской идентичности. В этой связи приобретает особое значение разграничение между двумя понятиями: национализмом и патриотизмом. Национализм не ограничивается защитой культурно-исторических особенностей данной нации. Это было бы приемлемо, если бы суть национализма не заключалась в противопоставлении другим нациям, на которых националисты обычно смотрят «свысока». Такое отношение свойственно не только крупным, но и малочисленным нациям. Без продвижения патриотических идей по всей территории России невозможно создание российской идентичности.

Особое значение имеет сказанное президентом Путиным на Валдайском форуме¹³: «Всему обществу предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога со злобой, а то и с ненавистью отвергая любую другую точку зрения». Это относится не только к дискуссии с партийно-политической оппозицией. Не меньшее значение имеет обсуждение в такой тональности и проблем движения межнациональных и межконфессиональных составляющих российского государства в русле общероссийской идентификации.

Нельзя обойти вниманием наличие значительного числа мусульман в России, что не может не сказываться на перспективах российского федерализма. Наибольший размах сепаратизм получил в Чечне, но при Дудаеве в Чечне проявлялся не религиозный, а «светский» сепаратизм. Однако со временем в местностях, населенных мусульманами, в основном на Северном Кавказе, сепаратизм все больше окрашивается в цвета ислама. В то же время число экстремистов в мусульманском населении России мизерно. Преобладающее большинство мусульман отвергают сепаратизм и являются законопослушными российскими гражданами.

Как известно, Конституция 1993 года провозгласила равенство всех жителей России в исповедании их религии. Вместе с тем остается проблема, чтобы при такой бесспорно необходимой религиозной свободе не возникали экстремистские силы, что несовместимо с формированием общероссийской идентичности.

Таковы некоторые идеи, которыми хотел бы поделиться с участниками нашего обсуждения.

II. Роль и место Совета Федерации в решении задач развития страны*

Готовясь к рассмотрению на сегодняшнем заседании роли и места Совета Федерации в решении задач политического, социального и экономического развития России,

* Выступление на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Современные задачи политического, социального и экономического развития Российского государства. Роль и место Совета Федерации» 24 апреля 2012 г. (Москва).

я прочел на сайте Совета Федерации Обращение Валентины Ивановны Матвиенко. Хотел бы процитировать несколько положений из этого обращения:

Первое: «Совет Федерации – “фильтр”, выявляющий и задерживающий недостаточно проработанные законы». Второе: «Любые новации, любые реформы только тогда дают отдачу, когда они понятны людям». Третье: залогом успеха является «включение граждан в сам процесс подготовки реформ через открытое, гласное обсуждение».

Эти три принципа представляются чрезвычайно важными, особенно сегодня, когда В.В. Путин возвращается в Кремль как всенародно избранный президент. Причем он возвращается в то время, когда резко возрос динамизм общественной и внутриполитической жизни в России, когда стал официально признанным такой феномен, как разрешенные массовые демонстрации и митинги протеста. В таких условиях особое значение приобретает отмежевание Путина (пусть не сразу, пусть через некоторый, но недолгий период времени) от крайне непопулярных, непродуманных идей, которые в последнее время стремятся поскорее претворить в жизнь.

В этой связи остановлюсь на идее расширения Москвы с целью перемещения в бывшую Московскую область десятков административных зданий – Федерального Собрания, Правительства, министерств и ведомств. Так, дескать, решило руководство. При этом нет ответа на ряд вопросов – решение принимается без их широкого обсуждения. Первый вопрос – во сколько обойдется строительство и переезд всей громадной структуры администрации из Москвы на новое место. Второй – что будет с теми зданиями, откуда выезжают административные организации? Нам, правда, сказали, что в них расположатся музеи или они будут переделаны в отели и жилые дома. Неужели удастся превратить в музей, гостиницу или

жилой дом огромное административное здание, бывшее здание ЦК КПСС на Старой площади, или Дом правительства, или Белый дом и т. д.? Конечно, можно себе представить квартиры, выходящие в один коридор с общим пользованием, как в былые времена, санузлами. Я разговаривал с профессиональными строителями, которые сказали, что дешевле разрушить непригодные к новым функциям здания и на их месте построить новые. Неужели дело ведется к тому, чтобы сначала продать эти здания частным лицам, а затем понаблюдать, как их разрушат и на их месте, скорее всего, появятся новые торговые и развлекательные центры?

Следующий вопрос, даже не вопрос, а констатация: переброска за пределы нынешней Москвы всей федеральной административной структуры не может дать свободное дыхание транспорту. Более того, следует ожидать появления новых транспортных пробок. Естественно, эти здания на новом месте не будут безлюдны, не перестанут быть учреждениями, в которые обращаются москвичи или приезжие из других районов, но опять преимущественно через Москву. Нас уверяют также, что при новых административных зданиях будет развернуто строительство жилья для служащих. Если речь идет о строительстве служебного жилья, то транспортная ситуация в Москве еще более ухудшится. Трудно рассчитывать на то, что служащие, которым будут предоставлены квартиры по новому месту работы, откажутся от нынешней московской жилплощади. А как быть, когда настанет время ротации кадров, а нам обещают, что оно не за горами? Неужели мы так беспредельно богаты, что без продумывания всех этих вопросов можем позволить решать такие важнейшие и высокочатратные, если не сказать больше, проблемы.

Не скрою, в народе распространено мнение, что такое переселение нужно в первую очередь тем, кто владеет

землей, на которой будут возникать новые административные центры. Кстати, многие чиновники официально декларируют, что либо они, либо их жены владеют обширными земельными участками – не сотками, а многими гектарами земли. Для чего? Что, там ведется сельскохозяйственное производство? И где находятся эти участки?

А что теперь будет со «Сколково»¹⁴, куда уже вложены большие деньги? Было объявлено, что «Сколково» войдет в состав Москвы, но как быть с его особым статусом. В той же Москве, как известно, расположен, например, важнейший научный центр в Зеленограде. Одни в одном городе будут центрами одного класса, другие – другого?

В последнее время важные для всей страны решения у нас принимаются без обсуждения. Чего стоит в этом плане административная реформа милиции, переименованной в полицию? Коррупционная составляющая в полиции не сократилась, а министр внутренних дел, который несколько месяцев назад рапортовал о завершении реформы, недавно нас успокоил словами, что «реформа лишь началась» (это-то после завершения массовой переаттестации сотрудников МВД!).

Уважаемые коллеги, наш Совет может и должен сыграть важную роль в государственной политической системе современной России. Хотел бы всячески поддержать в предложенном плане работы Совета такую его функцию, как «оценка и прогнозирование последствий принятия (отклонения) наиболее социально значимых законов и иных нормативно-правовых актов». Уверен, что совет состоится, если мы не будем обходить острые углы, если будем откровенно обсуждать в первую очередь больные вопросы нашего бытия. Уверенность эта базируется на том, что всех нас объединяет стремление сделать жизнь в России лучше.

III. Модернизация экономики – с этого нужно начинать*

Я знаю, перед кем выступаю, – вы знатоки выставочного дела и вы заслушали доклад Владислава Леонидовича Малькевича, в котором он остановился на современном этапе развития выставочного дела, и дискуссия пошла в этом направлении. Я хотел бы поделиться некоторыми мыслями и идеями по поводу экономической ситуации, сложившейся сейчас у нас в стране.

Я только что вернулся из Пекина – там проходила конференция «XXI век. Надежды и перспективы», в ней участвовало много бывших руководителей правительств и государств. Мы были приняты премьер-министром Китая, прошло все очень хорошо, но все озабочены кризисом.

Если говорить о кризисе, вспомните: российские чиновники, банкиры и бизнесмены говорили, что России нечего бояться, что Россия – единственный островок стабильности, волны кризиса нас не накроют, дескать, все будет в порядке. Но получилось не так, кризис нас задел, и очень серьезно. И это естественно, потому что мы уже глубоко интегрировались в мировое хозяйство, о чем свидетельствует следующий факт: темпы роста зарубежных капиталовложений в нашу страну были выше темпов роста ВВП. Конечно, кризис в России имеет свои специфические черты, обусловленные серьезнейшими диспропорциями в экономике.

Первая диспропорция состоит в том, что 40 % ВВП у нас создается за счет экспорта сырья. Вы сами понимаете, что это такое, если экспорт сырья создает 40 % ва-

* Выступление на заседании ЭКСПОКЛУБА 8 сентября 2010 г. (КНР, Шанхай).

лового внутреннего продукта. Это значит, что если сырье не находит сбыта, то кризис неминуем, если цены на сырье падают, то кризис нарастает. Причем кто-то может сказать или подумать: а вот в Китае, допустим, значительную часть ВВП составляет тоже экспорт. Но это экспорт готовой продукции, а не сырья. И поэтому у них был такой маневр, которого у нас не было. Они развернули экспортную продукцию на внутренний рынок, увеличили платежеспособность населения, влили в экономику значительные средства и вышли на уровень, который недостижим практически ни для одной страны с большим потенциалом. Китай ведь не вышел на минусовую отметку по ВВП, как все страны, в том числе и Россия; он просто несколько уменьшил темпы роста ВВП с 14,2 % в 2007 году до 9,6 % в 2008 году. Представляете! Девять процентов с десятками долями они сохранили во время кризиса! У нас такого маневра не было.

Что сделали мы? Сразу влили значительные деньги в кредитно-банковскую систему. Было ли это правильно? Было. У нас многие говорят, что, может быть, не так нужно было делать. Я считаю, очень важно было сделать именно так, потому что если бы рухнула кредитно-банковская система, то не только рухнула бы экономика, но до предела накалилась бы и социально-политическая ситуация в стране. Я хорошо помню то время, когда я был в правительстве, и помню, когда банки заморозили все депозиты, когда население не могло взять свои средства, которые находились в банках. Сейчас, если бы повторилась такая ситуация, это угрожало бы политической дестабилизацией. Я просто в этом уверен. Так что сделали правильно. Но банки, стремясь главным образом увеличить свою капитализацию, полученные из бюджета средства переводили в валюту и вывозили ее за пределы страны, в реальный сектор экономики попал мизер. Говорили о необходимости послать от Центрального банка комиссаров во все крупные банки, но не

послали, считаю это ошибкой. Кроме того, кредиты в реальный сектор экономики надо было сделать целевыми, «окрашенными». Но, как говорится, задним умом все крепки!

В целом антикризисные меры сыграли свою положительную роль. Мы сохранили кредитно-банковскую систему; реальный сектор экономики, сейчас, во всяком случае, пережил самый острый момент кризиса. Хотя многие говорят, что кризис уже закончился, я так не считаю. Я думаю, что кризис еще не закончился, но мы уже достигли дна и идем по дну, но пока не всплываем. Сейчас у нашей страны далеко не худшее положение, и нужно сказать, что с острым периодом кризиса справились.

В то же время опубликовали недавно такие официальные цифры (впервые в апреле этого года их привел Росстат). За период 1992–2008 годов население России сократилось на 6 млн человек, а число государственных чиновников выросло на 17 %; Россия окончательно села на сырьевую иглу. Наряду с ростом уровня жизни всего населения резко усилилось его расслоение по доходам. Для оценки дифференциации доходов используется децильный коэффициент, который определяет, во сколько раз доходы 10 % наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10 % наименее обеспеченного населения. Его нормальное значение во многих развитых странах 7, ну 8 раз, а у нас официально – 17 раз! А если говорить о неофициальной статистике, которую приводят некоторые средства массовой информации, то это гораздо больше.

С 1992 по 2008 год на 40 % сократилось число организаций, выполняющих научные исследования. Число научных сотрудников в них сократилось на 50 %, в то же время число защищаемых диссертаций возросло в 3 раза. Понимаете, это очень показательно, я не буду даже комментировать, но это показательно. Почти в 2 раза сокра-

тилось число дошкольных учреждений, в 1,5 раза – число детей в них, в 2 раза выросло число матерей-одиночек и т. д.

Почему я привел эти цифры. Сейчас выдвигается лозунг модернизации. Но ведь модернизация – это лозунг не только политический, нужный какой-то группе людей или отдельным людям. Если приведенные цифры соответствуют действительности (а я привожу официальные цифры), то модернизация крайне необходима, в первую очередь нашей экономике.

Говорю об этом потому, что у нас есть группы людей, которые считают, что можно вернуться к докризисной модели экономического развития. Аргументация у них такая: нефть продается по достаточно высокой цене, а бюджет мы рассчитываем, исходя из более низкой, чем мировая, цены на нефть. Сейчас многие импортеры нефти и газа выходят из кризиса, Китай, в частности, расширяет рынок сбыта. До кризиса в этих условиях мы увеличивали ВВП, причем его средний рост за последние десятилетия превышал мировой рост. Благополучие людей росло. Так давайте вернемся к предкризисной экономической модели и будем думать главным образом о демократизации общества.

Это очень опасная логика, с моей точки зрения. Видите ли, еще великий русский ученый-экономист Николай Кондратьев в свое время говорил о том, что все мировое рыночное хозяйство развивается волнами, длинными волнами. Это так называемые кондратьевские волны (большие – протяженностью в 40–50 лет – экономические циклы, для которых характерен определенный уровень развития производительных сил): восходящая волна сменяется нисходящей. Как правило, смена восходящей волны нисходящей заканчивается кризисом, затем вновь следует восходящая волна, на которой человечество переходит к новому технико-технологическому укладу. Сегодня речь идет, и на Западе пишут об этом, о переходе

на шестой технико-технологический уровень. Мы в основном находимся на четвертом*, и нам очень важно понять, что после кризиса нужен технический рывок и что во время кризиса он должен быть подготовлен. Многие страны это понимают, например, Обама дал огромные суммы на науку для того, чтобы помочь этому переходу. Если мы это делать не будем, если мы это не будем по-настоящему понимать, то мы отстанем, мы будем на задворках истории. Этого ни в коем случае нельзя допустить, и поэтому, когда мы говорим о необходимости инновационного рывка, о необходимости изменения структуры нашей экономики, мы исходим именно из того, что делать это нужно обязательно!

Хочу вас ознакомить еще с такими цифрами (я привожу только официальные данные Минэкономразвития): в 2008 (докризисном) году технологические инновации в России разрабатывали и внедряли 9,6 % предприятий, в Германии – 73, в Бельгии – 58, в Эстонии – 47,5 %. Ясно совершенно, что нам необходим инновационный рост, причем у нас это должно быть главным образом государственным делом и вот почему: государство тратит сейчас на инновации, на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) больше даже, чем в развитых капиталистических странах, но общий объем у них гораздо – в разы – больше чем у нас.

Напомню, компания «Дженерал Моторс» вложила в НИОКР в прошлом 2009 году в 10 раз больше финансов, чем все наши крупные предприниматели вместе взятые, вложившие 800 млн долларов США. Почему? Потому

* Доля технологий пятого уклада у нас пока составляет примерно 10 %, да и то только в наиболее развитых отраслях: в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической промышленности. Более 50 % технологий относится к четвертому уровню, а почти треть – и вовсе к третьему. Подробнее об этом см.: *Каблов Е.* Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>

что прибыль при развитых рыночных отношениях нельзя обеспечить без использования при разработке новой продукции или совершенствовании выпускаемой продукции передовых достижений научно-технического прогресса и выпуска принципиально новой продукции. Таким образом, у них бизнес заинтересован в постоянном проведении НИОКР и освоении их результатов. У нас же при наших рыночных отношениях и состоянии рынка (у нас нецивилизованный рынок, у нас конкуренции практически нет) платить приходится государству. Но у государства на это средств не хватает. Сейчас главный момент, который нужно активизировать, это, конечно, инновационные вложения со стороны бизнесменов и предпринимателей.

Необходимо обновление основного фонда наших предприятий, который очень устарел не только физически, но и морально. Торгово-промышленная палата много сделала для отмены таможенной пошлины на импорт высокотехнологичного оборудования, которое у нас в стране не производится. И таможенная пошлина, как нам обещал Владимир Владимирович Путин, будучи у нас в ТПП, была отменена. Более того, на ввозимое высокотехнологичное оборудование, аналоги которого не производятся отечественными производителями, отменили не только таможенную пошлину, но через некоторое время и НДС.

Недавно мы провели анализ. И что этот анализ показал? Только 13 % наших предпринимателей ввозят оборудование сегодняшнего и завтрашнего дня, а остальным дешевле купить то, которое уже морально устаревает или устарело, и они покупают такое в отсутствие конкуренции. Закладывается, таким образом, еще один виток отставания. В общем, очень многое нужно еще делать.

Предлагают также сначала провести демократизацию надстройки, а потом заниматься экономикой, а до той поры переждать время на базе нашей прошлой докри-

зисной модели. Нельзя этого делать. Китай показывает, каким образом можно буквально семимильными шагами двигаться вперед, уделяя при этом самое большое внимание как раз экономике. Модернизация экономики – с этого нужно начинать, этим нужно заниматься самым серьезнейшим образом.

Теперь несколько слов о том, какая сейчас политическая обстановка. Политическая обстановка в государстве стабильная, слава Богу. Тем не менее, она, имея в виду потребности развития экономики, далека от адекватной. Для экономики, например, очень важен плюрализм политический. Наряду с конкуренцией в экономике, важно, чтобы была партийная конкуренция. Когда явно доминирует одна партия, партия власти, и с ней не может соизмериться никакая другая, то, как мне кажется, здесь уже заложен какой-то недочет.

На Западе, как правило, существуют две сильные партии – одна правоцентристская, другая – левоцентристская. Правоцентристская приходит к власти и начинает снижать налоги, сокращать государственное вмешательство в экономику. Правоцентристская консервативная партия делает акцент не на социальных затратах, а на росте производства. Начинается недовольство людей. Тогда приходит к власти левоцентристская партия, которая сразу увеличивает налоги, социальные принимает меры, но производство немного падает, растет безработица. Опять недовольство людей. На следующих выборах избирают партию правоцентристскую, и все сначала. Вот такое чередование происходит, и, если вдуматься, этот механизм очень плодотворно работает. Я думаю, что в руководстве все эти вещи понимают и делают очень многое для того, чтобы действительно сдвинуть дело с мертвой точки.

Плюсом для решения очень многих вопросов является то, что у нас несколько улучшаются отношения на международной арене, сглаживаются противоречия с Соеди-

ненными Штатами. Дело не в том, что Обама, который пришел в Белый дом, не ратует за лидерство Штатов в сегодняшнем мире.

Конечно, он хочет этого лидерства, и, конечно, он опирается на тот факт, что Соединенные Штаты сейчас самое сильное и в экономическом отношении, и в военном отношении, и по политическому влиянию государство в мире. И никуда от этого не уйдешь. Но, в то же самое время, он понимает, что политика неоконсерваторов – неоконсерваторов, которые окружали его предшественника, тупиковая. Это показали и события в Ираке, показывают события в Афганистане. Эта политика базировалась на доктрине унилатерализма. Смысл этой доктрины в том, что при Буше-младшем Соединенные Штаты взяли на себя функцию определять страну, которая угрожает мировому сообществу, самим принимать решение об ударе, о силовых приемах против этой страны, игнорируя и Организацию Объединенных Наций, и международное общественное мнение, даже мнение очень многих своих союзников. Они решили, что самая сильная сегодня страна в мире формирует однополярную мировую систему. Но сегодня нет однополярной мировой системы, сегодня есть многополярный мир. Это показывает и Китай, и Индия, и Европейский союз, одним из полюсов этого многополярного мира будет Россия. Совершенно ясно, что идет развитие таким образом. Не в пример своему предшественнику, Обама, может быть, понимает это – мы уже можем договариваться по определенным вопросам.

Вот в таких условиях мы развиваемся. Хотим мы хороших отношений с другими государствами? Конечно, хотим. Хотим с Китаем иметь хорошие отношения? Конечно, хотим. Когда вчера во время встречи я сказал премьер-министру Китая, что у нас стратегические отношения не на словах, а на деле, это вызвало у него положительную реакцию. Я вспомнил, как рождалась

эта формула: я тогда был министром иностранных дел, и мы летели вместе с президентом Ельциным в Китай.

Ко мне подошел его адъютант и говорит, что меня просит президент. Ельцин сказал, что нужно найти какую-то особую формулу, чтобы выразить наши отношения с Китаем. И тогда родилась формула – стратегическое партнерство, обращенное в XXI век. Нужно отдать должное нашим китайским товарищам, которые тут же (мы еще летели на самолете) собрали Политбюро и решили, что принимают такую формулировку. И она существует до сегодняшнего дня и, мне кажется, что она себя очень оправдывает.

Вообще в многополярном мире нужна диверсификация внешней политики. Нельзя ориентироваться на какую-то одну страну или на одну группу стран, нужно обязательно иметь разветвленные отношения.

IV. Модернизация России: чего следует избежать и от чего нельзя абстрагироваться*

Уважаемые коллеги, выбор этой темы, моего выступления, связан с именем Николая Николаевича Иноземцева. Одной из самых ярких черт этого выдающегося ученого было то, что он комплексно изучал мировую экономику, международные отношения, экономическую модель современного капитализма, структуру социально-политически развитых стран. И не просто изучал, а организовывал исследование этих проблем для того,

* Выступление на Иноземцевских чтениях «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности России» 4 апреля 2011 г. (Москва, ИМЭМО).

чтобы все самое нужное переносить к нам и использовать в нашем экономическом, социальном и политическом строительстве.

В этом отношении то, что делал Николай Николаевич, отвечает духу модернизации, которая отражает стремление обновления, развития с учетом мировых достижений в экономике, политике, в общественном и государственном устройстве.

Не претендуя на определение стратегии и тактики модернизации России, ограничусь изложением своих взглядов по поводу того, чего следует избегать и от чего нельзя абстрагироваться. Предлагаемый набор антитезисов возник не на пустом месте. Он базируется на многих дискуссионных высказываниях в печати, на конференциях, круглых столах, в беседах. Не буду останавливаться на таких положениях, как невозможность осуществить модернизацию без победы над коррупцией, по меньшей мере, резкого ее ослабления, без того, чтобы по-настоящему не внедрить конкуренцию не только с помощью антимонополистических мер, но и путем отрыва чиновничества от бизнеса.

Все это общеизвестно. Я остановлюсь на ряде моментов, которые, как мне кажется, еще не нашли такого консенсусного восприятия.

Первый антитезис. История многих стран учит тому, что перевод экономики на инновационные рельсы – это сердцевина модернизации. Нельзя осуществить модернизацию без мощной конкурентоспособной промышленности. Мы часто говорим о необходимости перехода к постиндустриальному обществу. Эта задача не может быть решена путем прорыва на отдельных участках, там, где уже накоплен достаточный для этого потенциал. Конечно, прорывы на этих участках необходимы. Но наряду с этим обязательна реиндустриализация, иными словами, восстановление всей индустрии на сугубо современной основе.

Второй антитезис. Нельзя ограничивать процесс модернизации одной экономикой, как бы это ни было важно само по себе. Понятие модернизации значительно шире. Она должна осуществляться не только в экономике, но и в политике, в социальной и правовой сферах, культурной области. Но одновременно или последовательно? На этот вопрос отвечают по-разному. Я считаю, что в настоящее время упор следует сделать на модернизации в экономике. Но экономическая модернизация не может осуществляться изолированно без демократизации общественной жизни и государственного управления.

В нашей стране процесс демократизации развивается зигзагообразно. В своем блоге президент Медведев назвал нынешнюю российскую демократию несовершенной, подчеркнув, что мы в начале пути. И, действительно, до сих пор не обрела полной независимости судебная система. Законодательная власть, как правило, беспрекословно выполняет волю руководства даже в тех случаях, когда не очевидна правильность поступающих установок. На низком уровне находится политическая конкуренция. Слова, что Госдума не место для дискуссий, мы дружно осудили, но путь от осуждения до превращения наших законодательных органов всех уровней в места для серьезных политических дискуссий, которые способны оптимизировать законотворческий процесс, очень долгий.

Если достигнут ряд успехов в проведении федеральных, региональных и муниципальных выборов, то останется практика, когда «Единая Россия» открыто оценивает того или иного местного руководителя по проценту единороссов, прошедших в органы власти. Местные руководители знают, что их судьба в руках этой партии, которая предлагает кандидатов на должности губернаторов и мэров. Свобода слова, гарантированная Конституцией, распространяется на возможность публикаций в средствах массовой информации материалов, критикующих

руководство, но одновременно сохраняется руководящий жезл, особенно в отношении телевизионных каналов, позволяющий направлять их деятельность подчас в виде синхронных компаний.

Не играют той роли, которую призваны играть в демократическом обществе, общественные институты. В целом ряде принципиальных случаев игнорируется общественное мнение. Все перечисленное, а о многом в этом плане можно сказать больше, требует серьезных мер в области демократизации. Без таких мер прорыв в экономике затруднен, если вообще возможен. В этом не должно быть сомнений.

Третий антитезис. Правильный вывод, что модернизация экономики невозможна без демократизации, не должен интерпретироваться как заключение о необходимости провести сначала политическую модернизацию, воспользовавшись благоприятной конъюнктурой цен на нефть, и только затем приступить к модернизации экономики. А такие идеи существуют. Проблемы очередности мер модернизации приобретают даже острополитический характер. Некоторые в виде условия модернизации экономики выдвигают призыв к слову сложившихся властных структур. Такие призывы содержат угрозу разделить российское общество, создать ситуацию, когда вообще будет не до модернизации. Это отнюдь не означает, что следует заморозить демократизацию общественной жизни до того момента, пока не будут достигнуты ощутимые результаты в области экономики. На этапе экономической модернизации, очевидно, надо сосредоточиться на защите человека и его собственности от произвола, сосредоточиться на установлении верховенства закона, обязательного для всех, и независимости правосудия.

Четвертый антитезис. Демократия ни в коем случае не должна приводить к ослаблению государства. Сильное государство далеко не обязательно должно ассоции-

роваться с авторитарным или тоталитарным режимом. О соотношении модернизации и демократии говорят по-разному. Некоторые эксперты рассматривают эти два процесса даже в альтернативном плане. Ссылаются на то, что модернизация в ряде стран произошла или успешно происходит при авторитарных режимах. Действительно, это так. Но из этого не следует, что для модернизации необходим авторитарный режим. Порядок, настойчивость, стабильность, безопасность, безусловно, нужны. Ослабление силы закона противопоказано модернизации. Однако если перед страной стоит выбор: обеспечить лучшие условия для ее проведения через авторитарное управление, либо через демократизацию общества, следует выбрать демократию. Этот вывод имеет особое значение для сегодняшней России.

Иногда в пример нам ставят Китай, где успешная модернизация осуществляется в условиях просвещенного авторитаризма. В Китае не могло быть иначе. Тоталитарное правление, апогеем которого стала так называемая культурная революция, действительно переросло там в авторитарный режим. Это произошло не просто при сохранении ведущей роли коммунистической партии, а в процессе изменения ее идеологии, при сращивании марксизма с либерализмом. Такая динамика стала продвижением к демократизации. Отказ от авторитарного правления, «прыжок» в демократию мог бы в китайских условиях разрушить все необходимые государственные предпосылки модернизации.

В России положение иное. В советский период у нас не произошло конвергенции марксизма с либерализмом, хотя отдельные шаги в этом направлении обозначились во время перестройки. КПСС потеряла ведущие позиции, перестала существовать. Двадцатилетний период развития нового государства – Российской Федерации – при всех трудностях, сложностях, ошибках, нерешенных задачах был движением в сторону демократии, гласности

и политического плюрализма. Установление авторитарного режима было бы не продвижением вперед, как у Китая, а откатом назад.

Пятый антитезис. Обеспечить решение уникальных по масштабу и сложности задач модернизации российской экономики невозможно, закрыв глаза на существующую проблему кадровых ресурсов. Болевые точки нашего кадрового организма хорошо известны. Невысокое качество основной массы инженерных и управленческих кадров, острый дефицит работников низшего и среднего уровня производственной квалификации и одновременно избыток специалистов, на которых отсутствует спрос со стороны бизнеса, государственных и муниципальных учреждений.

В деле развития кадрового потенциала российского общества, как представляется, особое значение в нынешний период приобретают три взаимосвязанных проблемы. Первая – создание непрерывного потока подготовки кадров для покрытия потребностей рынков труда в специалистах разных уровней. Речь идет о создании кадровых потоков, выпускаемых учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования. Необходимость связи между этими ступенями очевидна. Ее, к сожалению, нет. Следовало бы продумать, как восстановить в рамках такой системы разрушенное в постсоветский период профтехобразование.

Вторая проблема связана с подготовкой управленческих кадров. Еще в позапрошлом веке немецкий канцлер Бисмарк произнес мудрую фразу: «Если в стране не будет хорошей системы управления и хороших управленцев, ей не помогут никакие законы».

Третья проблема – создание целостной системы подбора и выращивания одаренной молодежи. В странах Запада обычной становится практика, когда за установление патроната над талантливым школьником борются несколько специализированных фондов, существующих

при университетах, научных центрах, а также коммерческие фирмы. Сейчас такие фонды в Америке по инициативе президента Барака Обамы все в большей степени переориентируются на помощь одаренным детям из семей с низкими доходами. Разве такой подход не актуален для России?

Шестой антитезис. Модернизация в России немислима без выработки стратегии пространственного развития. От этого зависит судьба страны с гигантской территорией, огромными различиями в ее заселенности и серьезнейшей неоднородностью промышленно-хозяйственного строения. Диспропорции очевидны.

Пространственное развитие России имеет разное измерение: демографическое, социально-экономическое, политическое. Но все эти измерения взаимосвязаны. Если говорить о демографической стороне пространственного развития, то для России здесь главное – увеличение населения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сейчас происходит противоположный процесс. Эта задача не может быть решена без выравнивания социально-экономических условий на этих территориях с европейской частью России. А для того чтобы выровнять эти условия, необходима рабочая сила, которой там нет. В связи с этим возникает потребность в дозировании и контроле внешней миграции из Китая и Кореи в районы Сибири и Дальнего Востока. Мы не можем позволить себе игнорировать эту проблему.

Седьмой антитезис. Модернизация, которая ставит своей целью выведение России на уровень производительных сил и высших достижений общественного развития, свойственных нынешнему технико-технологическому укладу, не означает необходимость раствориться нашей стране в западном мире, который в целом достиг этого уклада. Существует также близкая к ней идея выбора Европейского союза в качестве единственного союзника в деле модернизации, что противопоставляется

всем иным направлениям, в частности, Китаю. Считаю, что многовекторная политика намного плодотворнее для модернизации России.

Восьмой антитезис. Невозможно проводить модернизацию, отгородившись от остального мира и углубившись в чисто российские реалии. На процесс модернизации в нашей стране должна, несомненно, воздействовать российская политическая культура. Но полагать, что она способна определять основные черты этого процесса, не приходится. В связи со сказанным возникает более широкая постановка вопроса для России о соотношении национального и общечеловеческого. Принижение общечеловеческих ценностей, даже их игнорирование, – это мы уже проходили, когда утверждали, что над всем превалирует классовый подход.

Неужели ныне плодотворно противопоставлять общечеловеческим уже не классовые, а национальные ценности. При всей значимости национальных культур, в том числе политических, они не могут и не приходят на смену отнюдь не аморфным общечеловеческим ценностям и интересам. Я говорю обо всем этом потому, что по этому вопросу существуют серьезные противоречия. Например, в «Независимой газете» один из политологов, причем, его считают достаточно известным, писал: «Силы национальной культуры, силы идеологии, образов и смыслов, трансформируемых нацией, вот что приходит на смену аморфным общечеловеческим интересам». Так что я спорю не с ветряными мельницами.

Историческое понятие культуры состоит из двух частей – духовной и материальной. Политическая культура относится к духовной части. Но на нее оказывает непосредственное влияние и материальная культура – техника, предметы потребления, одежда, все то, что в совокупности во многом определяет образ жизни. Между тем, достижения материальной культуры в значительно большей степени связаны не с национальными особен-

ностями, а с достижениями техники, технологии, организации производства, которые развиваются не в национальных рамках.

В то же время национальную культуру, менталитет, национальные традиции нельзя рассматривать в статике. Они меняются в связи с развитием общества.

Общечеловеческие критерии являются определяющими для такого понятия как демократия. Специфические условия каждого суверенного государства, каждого общества, каждой страны накладывают отпечаток на демократию. Но демократия – это состояние общества, при котором власть должна осуществлять и гарантировать равенство всех граждан, главенство Закона, наделение всех членов общества политическими и социальными правами и свободами, подчинение меньшинства большинству. Эти демократические принципы включают выборность основных органов государства, должностных лиц и подконтрольность и подотчетность избирателям не на бумаге, а на деле. Не все эти принципы соблюдаются во всех обществах. Но они являются общечеловеческими. И от этого абстрагироваться нельзя.

Девятый антитезис. Необходимая России модернизация не должна быть пристегнутой к одному политическому течению – либерализму или консерватизму. Не лучше, когда модернизацию относят исключительно к деятельности одного или другого политического лидера, каким бы способным он ни был.

Было бы крайне нежелательно, чтобы черно-белые представления получили свое развитие. Многим, очевидно, импонирует объяснение Владимира Владимировича Путина об отношениях, сложившихся в тандеме. Он говорил о единой команде. В ней могут проявляться разные взгляды, но, в конце концов, в спорах обретается истина, которая внедряется в жизнь. Хотелось бы, чтоб так и было.

V. Необходимость противодействовать политике неолибералов*

Президент Путин в своем послании Федеральному Собранию показал объективную картину сегодняшней России. Характерно, что он сделал упор не на экономических и иных достижениях, а на мерах по выходу из далеко не легкого положения, переживаемого страной. Чрезвычайно важен при этом вывод, что экономический спад в России в 2013 году обусловлен внутренними, а не внешними причинами.

В этой связи хотел бы остановиться на одной из серьезных проблем, которая характеризует ситуацию прошлого года в нашей стране. Речь идет о необходимости противодействия политике неолибералов в России.

Прежде всего, нужно отметить, что существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу. Эти либеральные идеи выдвигаются и поддерживаются в нашей стране широкой общественностью, политическими партиями различных взглядов. Однако без четкого определения грани между либеральными идеями и принципами неолибералов, без противодействия неолиберальной политике возникает угроза серьезных негативных последствий для России.

Если говорить о платформе российских неолибералов, то основная ее составляющая – уход государства из экономики. Наши неолибералы не только исходят из уни-

* Доклад «Итоги 2013 года» на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2014 г. (Москва, ЦМТ).

версальности западных экономических теорий, даже без учета их эволюции, но, главное, не считаются с особенностями и степенью развития рыночных отношений в России. Основоположник неолиберализма австрийский ученый Фридрих Хайек отмечал, что свобода в экономической деятельности создает главное условие быстрого экономического роста и его сбалансированного характера, а свободная конкуренция призвана обеспечить открытие новых продуктов и технологий. В абстрактной форме такая констатация не вызывает сомнений.

Но можно ли считать, что в современной России сам рыночный механизм без государственного участия уже способен обеспечить рост и сбалансированность экономики, а низкий уровень конкуренции достаточен для достижения технико-технологического прогресса? Безусловно, нет. Конечно, это не означает вечного доминирования государства в экономике. Но это необходимо в определенные исторические периоды, а я считаю, что сегодня мы находимся именно в таком периоде.

Помимо всего прочего, наши неолибералы вообще не учитывают уроки кризиса 2008–2009 годов. Известно, что в США и в странах Евросоюза во время кризиса было усилено влияние государства на экономику. Такой тренд сохраняется.

Еще один принцип неолиберализма в том, что свободная игра экономических сил, а не государственное планирование, обеспечивает социальную справедливость. Однако этот вывод не выдержал столкновений с действительностью и в капиталистических странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования экономического роста (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран.

А такое отставание, несомненно, существует. Имеет место и огромное неравенство в доходах. По данным, приведенным в исследовании Global Wealth Report 2013, опубликованном на сайте международной финансовой корпорации Credit Suisse Group, 110 российских миллиардеров контролируют 35 % всех активов. Эксперты этой международной корпорации заключили: «Во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советских времен. На практике получилась почти пародия».

Наши неолибералы, конечно, не выступают против подъема жизненного уровня населения. Однако они не согласны с необходимостью широкого маневра в экономической политике, чтобы сделать больший упор на решении социальных задач. Не способствуют этому и распространение частнособственнической инициативы вширь – на здравоохранение, образовательные учреждения, науку. Разгосударствление во всех этих областях рассматривается неолибералами как магистральное направление развития России.

Острые противоречия с российскими неолибералами сохраняются также в оценке взаимоотношений между отдельной личностью и обществом. Неолибералы, по сути, отрицают, что свобода, демократия совместимы с определенными самоограничениями в пользу общественных интересов. Естественно, границы этих самоограничений должны определяться в каждом конкретном случае в законодательном порядке.

Как все это отразилось на ситуации, сложившейся в России в 2013 году?

Стержень, вокруг которого раскручивались противоречия в области экономической политики России, это – выбор, на чем сделать акцент: на стимулировании эко-

номического роста или на финансовой консолидации. Конечно, стимулирование экономического роста и финансовая консолидация не должны исключать друг друга. Но найти оптимальное сочетание между ними в экономической политике и практике нашего государства необходимо. Особенно в условиях, когда в России резко снизились темпы экономического роста, да и не происходит ощутимого преодоления отставания в производительности труда, инновационном развитии.

Один из наиболее приближенных к жизни российских экономистов Андрей Клепач писал: «Для российской экономической политики, особенно в последние годы, характерно доминирование бухгалтерского финансового подхода над политикой развития, доминирование поддержки банковского сектора над поддержкой реального».

А теперь о конкретике, которая свидетельствует о том, что были предприняты усилия, подчас непоследовательные, но в целом немалые, чтобы не дать российской экономике в 2013 году соскользнуть в неолиберальную плоскость. Я далек от апологетики всего, что делалось в экономической политике России в 2013 году, от утверждений в безошибочности официальной линии, подчас отстраняющейся от решительных мер. Но полностью поддерживаю то, что было сделано с целью, чтобы не восторжествовали неолибералы в нашей экономике.

Выступая за резкое и незамедлительное сокращение роли государства в экономике, наши неолибералы поставили своей задачей провести новую масштабную приватизацию государственной собственности, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших для страны государственных предприятий. В качестве мотива выдвигается не только пополнение доходной части бюджета, но и недостатки в работе государственных компаний. Однако давайте говорить прямо: вместо того, чтобы сосредоточиться на действительной необходимости устранить серьезные недостатки в работе государст-

венных предприятий, сделать их более открытыми, неолибералы выдвигают курс на сплошную и быструю приватизацию. И что особенно важно подчеркнуть, до приватизации хотели бы вывести госпредприятия из процесса концентрации и централизации производства. На заседании правительства 25 октября 2012 года новый премьер-министр назвал «абсолютно неправильным, когда государство в лице контролируемых им структур приобретает профильные и непрофильные активы». Многими экспертами все это справедливо расценивались как реальные ограничители для инвестиционной активности государственных компаний. Правда, от политики полного сдерживания деятельности госкомпаний в инвестиционной сфере в 2013 году пришлось отойти, но не полностью.

Между тем в силу сложившихся обстоятельств крупные, как правило, государственные компании, имеющие больше возможностей для инвестиций, призваны сыграть основную роль в росте экономики. Речь идет в первую очередь об осуществлении мегапроектов, которые могут и должны подстегнуть экономический рост. Конечно, при этом нельзя оставить без должного внимания частные предприятия, но разве не ясно, что без государственных крупных компаний мегапроекты неосуществимы. Это отнюдь не означает, что выбор мегапроектов возможен без предварительного тщательного анализа их многосторонней значимости и их окупаемости. Ставка на крупный бизнес не должна приводить к ослаблению поддержки малых предприятий, которая весьма важна, особенно в решении задач инновационного развития, занятости, производства комплектующих изделий, товаров, необходимых населению. Но в условиях неразвитой свободной конкуренции не приходится рассчитывать на то, что малый и средний, а не крупный бизнес уже в настоящее время может стать локомотивом серьезного экономического роста в России.

Противоборство с неолибералами по вопросам безграничной приватизации иллюстрирует хотя бы такой факт. Правительство первоначально намечало приватизировать к 2016 году 100 % «Роснефти», «Русгидро», «Зарубежнефти», «Совкомфлота», ВТБ, «Росагролизинга», «Россельхозбанка», а «Объединенной зерновой компании» даже к 2014 году. Стало необходимым принятие 27 июня 2013 года уже другого решения правительства, содержащего коррективы, по сути, исключающие приватизационные аппетиты. Такое решение не было инициировано изнутри.

Одним из аргументов российских неолибералов против сосредоточения усилий на экономическом росте служат рассуждения о неизбежности в таком случае инфляционной волны в экономике. При этом игнорируется тот факт, что основные причины инфляции в России – в «немонетарных факторах». В первую очередь к ним относится монополизация, распространенная во всей экономической структуре России. Кстати, неолибералы, как правило, подчеркивают монополизм, свойственный естественным монополиям, но не обращают должного внимания на «олигархический» монополизм частного бизнеса, который, например, приводит через торговлю к росту цен на продовольствие и другие товары потребления населения. Вот где одна из прямых причин инфляции в России.

Опережающий рост тарифов также стал значимым фактором раскручивания инфляции, роста издержек и потери конкурентной способности наших производителей. Высокие и постоянно увеличивающиеся тарифы не только бьют по карману населения, особенно пенсионеров и низкооплачиваемых работников, но и являются серьезным препятствием для экономического роста.

Между тем позиция неолибералов заключалась в том, чтобы государство отказалось от фиксации уровня тарифов, предоставив эту функцию рыночному механизму.

В виде противодействия этому служит решение президента привязать рост тарифов к уровню инфляции.

Конечно, вопрос об уровне тарифов совсем непростой. Торможение их постоянного роста должно сочетаться с созданием условий для модернизации средств производства монополий, а в ряде случаев, особенно в отношении нефтяных, газовых компаний, РЖД, поощрением их развития и по вертикали, и по горизонтали.

Немаловажное значение для стимулирования экономического роста имеет смягчение кредитной политики финансовых властей, что призвано активизировать весь бизнес через повышение доступности кредитов, в том числе долгосрочных. Неолибералы часто распространяются на тему создания условий, благоприятствующих бизнесу. Может ли соответствовать этому стремлению позиция неолибералов, прозвучавшая на Гайдаровском форуме⁵ в Москве в январе 2013 года: «Снижение процентных ставок – контрпродуктивная мера, которая приведет вовсе не к ускорению экономического роста, а к дисбалансу и накоплению новых рисков в разных сегментах экономики».

Необходимость противоположных мер была высказана помощником президента Андреем Белоусовым, который задал отнюдь не риторический вопрос: «Почему у нас до кризиса процентные ставки были порядка 7 %, а сейчас по кредитам больше года – 11 % в среднем». Он подчеркнул, что высокие процентные ставки существенно тормозят инвестиционную активность в России.

В годы кризиса неолибералы еще более ужесточили свои позиции по вопросам инвестирования, особенно из средств, образующихся за счет высоких мировых цен на нефть и газ. Даже когда цена на нефть перевалила за 100 долларов за баррель, они настаивали на том, чтобы держать все государственные «сверхприбыли» в резерве, точнее в иностранных ценных бумагах, а не вкладывать в экономику. Однако в этом вопросе для неолибералов

намечается предел. В.В. Путин предложил часть средств Фонда национального благосостояния вкладывать в реализацию крупных инфраструктурных проектов – на реконструкцию Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, а также на строительство Центральной кольцевой автодороги в Московской области, на многостороннее развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири, что особенно важно.

Очевидно, надо вернуться и к масштабному проекту строительства высокоскоростной магистрали Москва–Казань. При всех его рисках, этот проект, о котором тоже говорил президент, сопоставим с реконструкцией Транссиба. Меняя логистику и скорость движения грузов и пассажиров, он может качественно изменить образ жизни центральных российских регионов.

Но все-таки есть ли у нас финансовые средства кроме Резервного фонда и Фонда национального благосостояния для задействования в целях экономического роста? Дело в том, что существуют крупные резервы, которые не используются, главным образом, из-за плохого администрирования. Приведу несколько примеров.

Бюджет традиционно характеризуется крайней неравномерностью выполнения в течение года. Обычно в первом квартале финансируется лишь около 10–11 % годового плана по Федеральным целевым программам (ФЦП), к середине года – 25 % и только к концу года выполнение плана достигает 95 и более процентов. В первую половину года бюджетные средства оказываются замороженными, а предприятия, исполнители программ, вынуждены обращаться за дорогими банковскими кредитами.

Не налажен в должной мере кадастровый учет объектов недвижимости. По информации Федеральной налоговой службы, в государственном кадастре недвижимости нет данных на владельцев примерно 40 % объектов. По подсчетам ряда экономистов, из-за неучтенных соб-

ственников только региональные бюджеты недополучают около 45 млрд рублей ежегодно.

О низкой эффективности управления инвестиционными проектами свидетельствует продолжающийся рост «незавершенки». В результате широко распространенной практики подписания фиктивных актов выполненных работ (особенно строительно-монтажных и ремонтно-строительных) бюджет теряет огромные суммы.

Выплата значительным числом работодателей заработной платы работникам в конвертах приводит к неуплате налога на доходы физических лиц (особенно страдают при этом региональные бюджеты).

Этим перечнем дело не ограничивается. Российские собственники выводят свои активы за рубеж, а затем возвращают часть из них, пользуясь офшорной юрисдикцией. В итоге этой схемы, – а она далеко не единственная, – вывод капиталов, которые должны работать в России. Прямые потери госбюджета страны. И далеко не малые. В послании Федеральному собранию в 2013 году президент привел такие данные: через офшоры или полуофшоры прошли российские товары общей стоимостью 111 млрд долларов, т. е. пятая часть всего нашего экспорта. Половина из 50 млрд долларов российских инвестиций в другие страны также пришлось на офшоры. При этом президент отметил, что результаты деофшоризации пока малозаметны. Предложения на этот счет весьма конкретные: компаниям, зарегистрированным в иностранной юрисдикции, нельзя будет пользоваться мерами государственной поддержки, включая кредиты ВЭБа и государственные гарантии. Этим компаниям также должен быть закрыт доступ к исполнению госконтрактов. Ряд российских компаний уже заявил о выходе из офшорных зон. А ведь не так просто. В этих зонах под видом местных остаются структуры, принадлежащие российским компаниям.

Серьезная проблема создается невыплатой налогов в полном объеме. В.В. Путин внес в Госдуму 11 октября

2013 года проект поправок в Уголовно-процессуальный кодекс, возвращающий следователям право самостоятельно возбуждать дела по налоговым преступлениям, т. е. возвращающий к тому порядку, который был отменен в 2011 году – тогда возбуждение дел было передано исключительно налоговой службе. Этот проект встретил сопротивление российских организаций, представляющих бизнес. Нужно сказать, что их позиция имеет свою логику.

Проблема пока обсуждается. Не исключено, что будет найдена формула, не передающая правоохранительным органам абсолютную власть при решении вопроса, призванного создать преграду для злостных неплательщиков налогов. В этом процессе должна быть активно задействована налоговая служба.

Но здравые проявления по защите бизнеса, очевидно, не следует связывать с позицией неолибералов, которые провели в 2011 году решение, по сути, об ограничении наказаний злостных неплательщиков налогов штрафом. Это не только не уменьшило число тех, кто обманывает государство в налоговой сфере, но и позволило им обойти штрафы – казна получила минимум из начисленных сумм.

Жесткое сокращение расходов бюджета – таково одно из основных правил, навязываемых неолибералами. Конечно, экономия средств, сосредоточение их на остро необходимых расходах, особенно в социальной области, действенный контроль исполнения бюджетных расходов – все это крайне необходимо. Но в неолиберальных схемах такая экономия выражается в том, чтобы любым путем сжать расходы бюджета.

Неолибералы, в частности, ратуют за сокращение бюджетных трат на военную промышленность. Не буду останавливаться на военно-политической стороне этого требования, которое игнорирует тот факт, что события на мировой арене далеко не располагают к пассивности в

деле наращивания обороноспособности России, как и ее роли в антикризисных, антитеррористических акциях, без чего она не может сохранить статус глобальной державы. Однако хотел бы подчеркнуть, что такие требования исходят от лиц, не придающих значения органичной технико-технологической связи оборонных и гражданских отраслей промышленности. В России эта связь имеет особый смысл, так как в военных отраслях сосредоточен солидный интеллектуальный потенциал. Развитие ОПК может и должно стать одним из важных источников экономического роста. Это не означает милитаризацию экономики, возвращение к тем временам, когда военные расходы резко ограничивали производство товаров и услуг, необходимых населению. Сегодня картина совершенно иная, хотя неолибералы, по сути, игнорируют необходимость восстановления в России разрушенных в 90-е годы отраслей промышленности, в первую очередь машиностроения.

Отказ от реиндустриализации ими нередко рассматривается в виде задачи вхождения России в постиндустриальную стадию. Между тем переход в постиндустриальную экономику в сегодняшней практике отнюдь не предполагает отхода от традиционных отраслей, которые в том числе решают и проблему занятости. Естественно, речь идет об их оснащении современной техникой. Именно на такой основе и должна решаться проблема занятости. Мы часто говорим о низкой безработице как о некоем достижении. Между тем в развитых странах более высокая, чем у нас безработица порождается главным образом инновационным развитием, внедрением технико-технологических достижений, сокращающих число занятых на производстве. Поэтому для России важно, чтобы низкая безработица была в условиях реиндустриализации страны. Хотелось бы, чтобы Минобрнауки сосредоточилось и на переподготовке уже сокращенных и подлежащих сокращению работников, а также на восстановлении системы профтехобразования.

Постиндустриальное общество – это не только хайтек и сфера услуг. В тех же постиндустриальных Соединенных Штатах сегодня существует тенденция восстановления для покрытия внутреннего спроса производств, ранее вытесненных в развивающиеся страны. Согласен с выводом председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко: «Страна, претендующая на лидерство и обеспечивающая собственную безопасность, не может специализироваться всего лишь на 2–3 высокотехнологичных отраслях. Поэтому перед нами стоит наисложнейшая задача – занять достойное место в новом технологическом укладе при одновременном инновационном восстановлении отраслей промышленности старого уклада».

Необходимость реиндустриализации диктуется также тем, что у нас постоянно растет доля торговли в ВВП. Это отражает рост потребления, которое в весьма значительной степени покрывается импортом, а не отечественной продукцией.

Каковы основные результаты противодействия неолиберальным идеям в российской экономике 2013 года?

Прослеживаются «красные линии», которые вопреки активности неолибералов не были пересечены в России в минувшем году. Не произошло отказа от государственной собственности на объекты промышленности, крайне необходимые не только для безопасности, но и для жизнедеятельности России.

Не произошел откат и от решения социальных вопросов, поставленных в майских указах президента, хотя не все так благополучно в этой области. В своем послании Федеральному Собранию в 2013 году президент подчеркнул необходимость не только увеличения бюджетного финансирования здравоохранения, образования, но и реформирования этих отраслей, а также ЖКХ. При этом было отмечено, что такие реформы не проводились должным образом. «То ли делается так, что это вызывает негативную реакцию в обществе, то ли вообще ничего не

делается. Конечно, при такой работе мы не достигнем поставленной цели», – заявил Путин.

Можно прийти к общему выводу: правительство в 2013 году не сосредоточилось на системе мер, необходимых для экономического роста.

Прочитую заявление помощника президента Андрея Белоусова от 17 декабря 2013 года: «Был принят целый комплекс мер по ускорению экономического роста. Пока мы ускорения экономического роста не видим. Возникает вопрос: что происходит?» По его словам, одной из площадок, на которой могут быть рассмотрены вопросы, связанные с неэффективностью ранее принимавшихся мер по стимулированию экономического роста и исправлению ситуации, является президиум Экономического совета при президенте РФ.

Произойдет ли перелом в 2014 году? Нужно сказать, что жизнь заставила ряд руководителей, придерживающихся нелиберальных взглядов, отступить от некоторых своих первоначальных представлений. Накануне нового 2014 года в газете «Ведомости» была опубликована статья министра финансов Антона Силуанова. Он подчеркнул, что, во-первых, дальнейшее сокращение государственных расходов может только усугублять кризисную ситуацию. Во-вторых, решение задачи стабильности государственных финансов «заключается в комбинировании мер среднесрочного и долгосрочного характера, обеспечивающих устойчивое развитие. В краткосрочном же периоде важно восстановление темпов экономического роста, поэтому фискальная консолидация, если она проводится, не должна быть слишком активной». Переход Министерства финансов на такую позицию, если он состоится, безусловно, внушает оптимизм.

Есть еще один важный итог 2013 года, не относящийся к экономике: не удалось провести идею о демократизации нашего общества за счет ограничения государственной власти. Необходимость перевода ряда государственных

функций на общественный уровень очевидна. Но этот процесс не может и не должен ассоциироваться с ослаблением властных структур. Если такое произойдет, то процесс демократизации в нашей стране захлебнется, перерастая в неуправляемую стихию.

Такая постановка абсолютно не противоречит, а напротив, подкрепляет те идеи, с которыми выступил президент Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию. Среди таких идей – проведение широких общественных дискуссий, с тем чтобы общественные инициативы становились частью государственной политики, а общество контролировало бы их исполнение.

Особое значение имеет предложение провести открытый разговор в обществе на тему межэтнических отношений. «Здесь, – сказал президент, – фокусируются многие наши проблемы, многие трудности социально-экономического и территориального развития, и коррупция, и изъяны в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике, что зачастую приводит к искаженному пониманию истинных причин межэтнического напряжения». Межэтнические конфликты провоцируют выходы из некоторых южных районов России и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые «крышуют» этническую мафию и «русские националисты», готовые бытовые трагедии сделать поводом для вандализма и кровавых разборок.

Уважаемые коллеги, я ознакомил вас с моим видением противоборства с неолиберальным уклоном, который несет в себе большие опасности для России. Надеюсь, что это противоборство будет нашим обществом, нашим государством выиграно!

Несколько слов о другой теме – о внешней политике России в минувшем году. Несомненно, нашим достижением является инициатива по выходу из опаснейшей ситуации, когда президент Обама заявил о неизбежности

военного удара по Сирии. Если бы это произошло, то последствия не могли бы ограничиться дестабилизацией в регионе, ростом терроризма во всем мире. Нужно, как мне представляется, прямо сказать, что в таком случае перестала бы существовать Организация Объединенных Наций, функции которой были бы в лучшем случае ограничены лишь областью социальных проблем. Как известно, постоянные члены Совета Безопасности ООН, в состав которого входят и Россия, и Китай, имеют право «вето» на применение военной силы, за исключением самообороны от внешней агрессии. А в любом другом случае применение военной силы по Уставу ООН возможно только при соответствующем решении Совета Безопасности. То, к чему готовились США, было вооруженное вмешательство в дела Сирии при полном игнорировании Совета Безопасности ООН. Российская инициатива по ликвидации сирийского химического оружия, политическим мерам по выходу из внутреннего кризиса в Сирии сорвала реальную опасность военного удара Соединенных Штатов по суверенному государству.

Другим не менее значимым достижением российской дипломатии стало важнейшее участие нашей страны в процессе переговоров с Ираном об его отказе от действий, которые могли бы быть связаны с обретением ядерного оружия. И, тем не менее, скажем, что два этих весьма серьезных результата на острых направлениях международной жизни еще не означают радикальных перемен к лучшему в двусторонних отношениях России и США, в международной политике. Опять стали заявлять о себе прямые и косвенные признаки того, что нам еще предстоит много поработать.

Однако можно констатировать, что в 2013 году Россия существенно укрепила свою роль великой державы, политика которой служит стабилизации обстановки в мире.

Не могу не сказать и о тех экономических мерах, которые предприняла Россия для выхода из опаснейшего

кризиса в нашей братской Украине. Здесь и снижение на 1/3 цены на поставляемый российский газ, и выделение 15 млрд долларов на скупку украинских ценных бумаг, и развитие кооперационных связей в промышленности, особенно в самолетостроении, атомной и космической областях. Считаю, что это абсолютно правильный отход от условия: либо Украина выбирает статус ассоциированного члена Евросоюза, либо она вступает в Таможенный Союз. Таких категоричных «либо-либо» не должно быть в отношениях между нашими странами, что и было продемонстрировано во время переговоров президентов России и Украины 17 декабря минувшего года. Это отнюдь не означает отхода от нашей оценки того, что происходит на Украине, как организованной и беспрецедентно поддерживаемой США и их европейскими союзниками акции, направленной на свержение режима, который, несмотря на ряд ошибок, законно представляет власть на Украине.

А теперь разрешите вас всех поздравить с наступившим 2014 годом, в котором я желаю всем нам здоровья, удачи, успехов, благополучия.

VI. Проблема выбора локомотивов экономического роста в условиях западных санкций*

Мы собрались здесь в то время, когда нашей стране США и Евросоюз угрожают экономическими санкциями в связи с воссоединением Крыма с Россией. Представляется,

* Выступление на Московском экономическом форуме 26 марта 2014 г. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова).

что в таких условиях важно сконцентрировать наше внимание на тех внутренних возможностях, которые позволят в случае введения санкций преодолеть внешние угрозы и укрепить российскую экономику.

Особую остроту приобретает выбор из двух альтернатив – на чем сделать упор в нынешних условиях, на финансовой консолидации или на экономическом росте. Этот выбор из теоретического, разделившего экономистов на два лагеря, стал острозначимым в практическом плане. Сегодня, казалось бы, выбор сделан. О нем твердо заявил президент Путин. По его словам, необходимо однозначно сделать акцент на экономическом росте, через такой рост добиться развития нашей экономики, сохранения ее социальной ориентации. Такой точки зрения придерживаются академические и не только академические экономисты.

Однако нужно прямо сказать, что этот вывод предопределяет переориентацию макроэкономики на создание условий для экономического роста. Финансовая консолидация должна служить этому. Но в действительности никакой заметной переориентации не наблюдается. Это, во всяком случае, следует из того, что, несмотря на неоднократную постановку вопроса, не происходит снижения ставки рефинансирования, в результате чего кредиты банков достигают заоблачных высот. Можно ли рассчитывать в таких условиях на ускоренный экономический рост? Тем более что в случае применения экономических санкций против нашей страны, они неизбежно приведут к ухудшению условий кредитования американскими и европейскими банками наших отечественных производителей.

В создавшихся условиях еще большее значение приобретает проблема выбора локомотивов экономического роста в России. Безосновательны расчеты на то, что такую роль в нашей нынешней действительности может сыграть малый бизнес. Конечно, его развитие остается важной задачей, так как малый бизнес серьезный источ-

ник увеличения занятости, производства комплектующих, а также товаров и услуг, необходимых населению. Но прорыв в экономическом росте может быть обеспечен только крупными компаниями, большинство из которых либо принадлежит, либо контролируется государством.

Этот прорыв может состояться только при осуществлении мегапроектов и, хочу это подчеркнуть, развития наряду с ними ОПК, где сосредоточены на сегодняшний день значительные интеллектуальные возможности. В нынешней ситуации еще большее значение приобретают связи ОПК с гражданскими отраслями промышленности. Мы много говорим, но до сих пор в исполнительной структуре власти нет центра, занимающегося этой важнейшей проблемой. Создан, например, Российский научный фонд. Но почему это фонд не может и не должен выполнять функции советского Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ)? Это сразу же решило бы много проблем.

Безусловно, экономический рост России должен происходить на инновационной основе. Но давайте и об этом говорить прямо: главным фактором инновационного развития является у нас государство. Отсутствие развитой конкуренции сказывается в том, что частнопредпринимательский сектор не проявляет должной заинтересованности в технико-технологическом прогрессе. Отсюда и несопоставимые с США, странами Евросоюза, Китаем и многими другими крайне незначительные вклады российских частных компаний в НИОКР. Роль государства не может быть просто провозглашена. Необходимо неотложно выработать и принять проект государственного участия в технико-технологическом прогрессе нашей экономики.

Очевидна также необходимость кардинального улучшения организационно-управленческих мер для обеспечения экономического роста. Правительство зачастую ставит вопрос о пополнении доходной части бюджета за счет сокращения социальных затрат. Однако куда боль-

шие суммы лежат на поверхности и не активизируются. Не пойму, например, почему правительственные финансисты не могут равномерно в течение года финансировать Федеральные целевые программы – в первом квартале задействованные в этих программах компании получают лишь 10–11 %, в первой половине года – лишь 25 % от годового финансирования. Не буду распространяться о последствиях этого. Или тот факт, выявленный кадастровой переписью, что неизвестны 40 % владельцев всех земель. Это оборачивается недополучением больших налоговых сумм, отчего страдают главным образом региональные бюджеты. А незавершенка, а фиктивные акты о приемке, а так затянувшаяся до воплощения в жизнь антиофшорная практика, и так далее и тому подобное.

В связи с новой обстановкой особого внимания заслуживает проект развития Дальнего Востока и Восточной Сибири. Этот проект невозможно осуществить без участия стран АТР, которые не примыкают к санкциям. Даже Япония на прошедшем на днях форуме высказалась за расширение экономических связей с Россией. Президент Путин назвал развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири основным проектом XXI века. Но до сих пор нет комплексного, хочу это подчеркнуть, комплексного плана решения этой задачи. Мы свидетели того, как вопрос перекалдывается из одного министерства в другое, и предлагаются лишь частичные меры. Обстановка требует положить конец такой административной волоките.

Хотелось бы остановить ваше внимание и на принимаемых решениях по жизненно важным балансам без соответствующего обсуждения в экспертном сообществе. Назову некоторые из них. Очевидна необходимость, например, сбалансировать размеры нашей действительной потребности в подушке финансовой безопасности с необходимостью вкладывать заработанные на экспорте нефти, газа средства в экономическое и социальное развитие. Известно, что размер Фонда безопасности 7 % от

ВВП, но кто рассчитал эту цифру? Некоторые весьма опытные экономисты предлагают понизить планку до 5 %, а остальные средства отдать на экономический рост. Или неустановленный баланс между необходимой для производства и населения фиксацией, не позволяющей взвинчивать тарифы, и сохранением необходимых средств у нефтяных и газовых монополий для их технико-технологического развития. Или определение границ, которые нельзя пересекать в приватизации в области здравоохранения, образования, культуры.

Уважаемые коллеги, хотел бы пожелать успеха нашему форуму, призванному, как представляется, дать серьезные рекомендации по выходу нашей страны из нынешнего нелегкого экономического положения.

VII. Нужна ли нам иммиграция рабочей силы? Проблемы миграционной политики*

Мы обсуждаем сегодня весьма важную проблему. В том случае, если иммиграция не будет заключена в достаточно жесткие законодательные и исполнительные рамки, это пагубно отразится и на экономике, и на международных отношениях, и на криминальной обстановке в России. Как показывает жизнь, засилье иммигрантов, особенно из стран Центральной Азии, бывших республик СССР, может привести даже к точечной дестабилизации положения в регионах нашей страны.

* Выступление на заседании «Меркурий-клуба», посвященном проблемам совершенствования и применения государственной политики в отношении иммиграции в России 12 марта 2014 г. (Москва, ЦМТ).

Вопрос: а нужна ли нам вообще иммиграция рабочей силы, тем более что при отсутствии селективной миграционной политики, мер, стимулирующих приток квалифицированных кадров, среди иммигрантов доминируют лишь те, кто способен выполнять неквалифицированный труд. Однако и такие работники востребованы – в строительстве, ЖКХ, сфере услуг, аграрном секторе, экономике в целом, которая испытывает нехватку кадров всех квалификаций. Самым негативным образом сказывается разрушенное в 90-ые годы техобразование. Непонятно, почему такое активное в других областях Минобрнауки не считает одной из своих важных задач восстановление системы трудовых резервов.

В России в настоящее время находится 12 млн 400 тысяч иммигрантов. Из них, по оценке Федеральной миграционной службы, 60 % нелегальных, давайте говорить прямо – неконтролируемых, в целом предоставленных самим себе. Нелегалы находят себе работу в ряде фирм, заинтересованных в привлечении поразительно дешевой рабочей силы при невыплате за нее налогов. Нелегалы вливаются в организационные преступные группы, построенные на этнической основе, и используются этими группами, зачастую сотрудничающими с полицией, для контроля над торговыми рынками. Создается впечатление, что МВД и местные власти уже согласились с тем, что большинство городских продуктовых рынков в стране под пятой иммигрантов. Не знаю, есть ли у МВД программа, восстанавливающая свободу торговли на этих рынках, что возможно, только если вышибить из них иммигрантские ОПГ. Так или иначе, но, как говорится, воз и ныне там.

В решении проблем, конечно, многое зависит от наших усилий по интеграции иммигрантов в условия нашей жизни. Но при этом, как представляется, необходимо жесткое деление иммигрантов на тех, кто уже имеет право на работу, и на так называемых нелегалов. Главная опасность не в первых, а во вторых. Недавно в прессе

появилось сообщение о том, что Федеральная миграционная служба предлагает создать сеть центров для социальной и культурной адаптации иммигрантов. Процесс обучения в центрах планируется на полгода и займет несколько часов в течение двух дней в неделю. Обучение будет добровольным, а успешно закончившим курсы будет выдаваться внеочередное разрешение на временное проживание. Получается, что адаптационные центры предполагается вводить не для тех, кто уже получил право на работу и временное проживание, а основной контингент составят иммигранты, еще не получившие ни того, ни другого. Не приведет ли это к тому, что им официально предлагается статус, который может быть использован в течение половины года на нелегальную деятельность?

Большое значение, несомненно, имело принятие Закона об ответственности региональных и муниципальных властей за межнациональные конфликты. К сожалению, меньше внимание уделяется мерам, определяющим ответственность работодателей. А это сегодня, как представляется, одно из главных направлений. Необходимо резко увеличить штрафы за прием на работу нелегальных иммигрантов, а в случае повторного приема лишать работодателей права вообще использовать иммигрантскую рабочую силу. Нужно законодательное решение, при котором работодатели обязаны предоставлять в ФМС копию документов принимаемого на работу иммигранта. Нельзя проходить мимо того, что работодатели, как правило, не выплачивают социальный налог на каждого нанимаемого на работу иммигранта. По данным аудиторско-консалтинговой группы «ФинЭкспертиза», совокупные потери казны от недополученных налогов за работу нелегальных иммигрантов составляют минимум 117 млрд рублей ежегодно. Наряду с этим следовало бы серьезно откорректировать систему квотирования, которая, особенно в нынешнем виде, предполагает формализм, непомерно долгое оформление, зачастую способ-

ствующее вымогательству чиновников. Нужно сказать, что такая ситуация подталкивает работодателя привлекать нелегальных иммигрантов.

Все это относится к нелегалам. Но миграционная политика, естественно, не замыкается на этой проблеме. Немаловажное значение имеет закрепление тех приезжающих в Россию, которые становятся законопослушными специалистами. Могут быть гарантированы и льготы, и преференции для этой категории. Недостаточно внимания мы уделяем и вовлечению молодежи из стран СНГ в обучение или стажировку в российских вузах.

Позволю себе сделать акцент и на морально-нравственной проблеме. Одна из главнейших задач состоит в том, чтобы люди, проработавшие в России, не только оставаясь в нашей стране, но и уезжая на родину, были нашими преданными, искренними друзьями. А что нужно для этого? Внимание работодателя, внимание людей, с которыми они каждый день сталкиваются на работе.

Я, конечно, затронул не все проблемы, которые следует обсудить сегодня. Надеюсь, что наше совещание будет богато идеями. А не констатацией переживаемого положения, которое хорошо известно.

VIII. О необходимости изменения структуры российской экономики*

О необходимости изменения структуры российской экономики говорят практически все экономисты и политологи. Об этом не раз заявляли и руководители нашего

* Выступление на заседании «Меркурий-клуба», посвященном перспективам изменения структуры российской экономики, 8 июня 2012 г. (Москва, ЦМТ).

государства. В этой связи в стране все шире распространяется мнение: нужно слезть с сырьевой иглы. Это очень важно, но достаточно ли этого? Да и как слезть с этой иглы, не подставляя под удар интересы России?

По моей просьбе ИМЭМО Российской Академии Наук подготовил таблицу:

«Структура экономики ряда стран в постоянных ценах (в процентах к ВВП)». Данные за 2008 год в ценах 2003 года. Поскольку структура ВВП меняется очень медленно, можно с большой долей вероятности считать, что это современная структура. В целях сопоставления, очевидно, статистика ООН более корректна.

Таблица 2

Структура экономики ряда стран мира, в постоянных ценах (в % к ВВП)

Страна	Обрабатывающая промышленность	Добывающая промышленность	Внутренняя торговля	Финансовый сектор, включая операции с недвижимостью	Здравоохранение, образование, социальные услуги
США	15,4	0,9	16,8	33,2	14,6
Канада	15,0	5,2	14,6	26,5	13,9
Норвегия	10,7	8,8	17,2	18,4	13,6
Австралия	9,8	7,6	12,8	29,5	14,4
Индия	14,5	1,8	14,7	13,7	7,4
Бразилия	15,1	2,1	18,7	16,3	11,6
ЮАР	15,9	5,0	13,8	22,0	3,4
Китай	32,8	5,6	9,4	9,5	15,3
Россия	14,1	5,7	27,0	16,7	6,5

Источник: Статистика ООН

Какие выводы можно сделать из приведенных данных. Сначала о диспропорциях, свойственных российской экономике.

Первая. Наиболее отсталый в российской экономике – сектор здравоохранения, образования, социальных услуг. Его доля в сравнении со всеми приведенными в таблице развитыми и развивающимися странами (кроме ЮАР) самая небольшая. Нелишне напомнить, что инвестиции в этот сектор считаются в настоящее время приоритетными, без чего нет не только устойчивой экономики, но и экономического прогресса в целом. Для контрастной картины в таблицу не включены государственные услуги – оборона, полиция, чиновники, а также транспорт, ЖКХ, строительство, сельское хозяйство. Все они суммарно составляют от 20 до 30 % по каждой стране.

Вторая. Наиболее гипертрофированной для России является сфера розничной и оптовой торговли. Она равна почти трети ВВП. Это выше, чем у любой развитой или развивающейся страны, включая лидера постиндустриального мира – США. Высокая доля в России внутренней торговли – следствие большого числа неэффективных, а зачастую криминальных посредников. Этот вопрос рассматривался на одном из прошлых заседаний «Меркурий-клуба».

Считаю, что на эти две диспропорции должно быть обращено особое внимание. Речь идет, конечно, не только о количественной стороне, но о необходимости внутренних качественных изменений в этих секторах. Что касается добывающей промышленности, то ее относительная роль в создании ВВП по сравнению с другими крупными странами отнюдь не является гипертрофированной. По этому показателю Россия даже уступает, причем значительно, таким сырьедобывающим странам как Австралия и Норвегия.

Тем не менее, добывающий сектор России порождает ряд проблем. Многие наши экономисты, особенно правительственные при министре финансов Кудрине, считали и считают, что наличие обильных минерально-сырьевых богатств – это своеобразное «ресурсное проклятие», которое позволяет нам меньше думать и заботиться о росте ВВП за счет других источников, что приводит к отставанию в технико-технологическом развитии. А с учетом истощаемости таких ресурсов достигнутое с их помощью благосостояние не имеет будущего. В определенном плане такие выводы имеют под собой реальную основу. Однако они явно односторонние. Например, богатая нефтью Норвегия заняла одно из первых мест в Индексе человеческого развития ООН. Дело, следовательно, упирается в правильность и эффективность использования и управления доходами от продажи сырья, поступающими в страну.

На сегодняшний день превалирует точка зрения, что если не вся, то преобладающая часть доходов от экспорта нефти должна уходить в фонд, который призван обеспечить безопасность российской экономики в случае второй волны мирового экономического кризиса. Сторонники такой линии приводят в виде аргумента то обстоятельство, что Россия относительно спокойно пережила кризис 2008–2009 годов, так как имела накопленные средства от экспорта нефти. Почему-то при этом не упоминается, что последний кризис ударил по экономике России гораздо сильнее, чем по другим странам, входящим в «двадцатку». «Подушка безопасности», безусловно, важна. Без нее было бы еще хуже. Но она должна быть строго ограничена по своим размерам, а все остальные доходы от экспорта нефти необходимо тратить на новую индустриализацию России.

Для России это имеет первостепенное значение. Сохранение крена в пользу энерго-сырьевого экспорта в специализации хозяйства грозит России превращением

в мирового поставщика энергии, сырья, финансового капитала. Эту тенденцию может переломить только новая индустриализация страны, иными словами, глубокие структурные сдвиги в пользу наукоемких отраслей промышленности, в первую очередь обрабатывающей. Нужно сказать, что в прошедшие годы этому по тем или иным причинам не уделялось должного внимания: с 1995 по 2006 год доля инвестиций в машиностроение всех видов и приборостроение снизилась с 3 % до 2,4 % от всего объема инвестиций в экономику.

Можно было бы отметить относительно низкую долю обрабатывающей промышленности в развитых странах, но это объясняется, во-первых, высокой эффективностью этих отраслей и, во-вторых, переносом части производства в развивающиеся страны.

Необходимость активной промышленной политики государства очевидна. Без регулирующего участия государства невозможно решить задачу изменения структуры нашей экономики. Бесмысленно ждать решения этой задачи от рынка: рентабельность в высокотехнологичных обрабатывающих отраслях примерно в два раза меньше, чем в среднем по экономике, и в 3–4 раза ниже, чем в добыче топливно-энергетических ресурсов. От этого нельзя абстрагироваться. Противникам государственной активности в экономике можно напомнить, что даже в Соединенных Штатах важнейшим рычагом развития полупроводниковой промышленности, производства в Силиконовой долине¹⁶ в целом, были государственные военные и авиакосмические заказы.

Объектом государственного регулирования с целью изменения структуры экономики России, естественно, должна быть и добывающая промышленность. Но здесь, как представляется, нужно быть очень осторожным – не следует забывать, что доля энергосырьевых ресурсов в доходах бюджета составляет 50 %. Это жизненно важно для сегодняшней России. Пока этому нет замены. Конеч-

но, следовало бы изъять в бюджет большую, чем ныне, часть сверхприбылей, в первую очередь газовщиков и нефтяников, но при условии, что сохраняемая часть прибыли достаточна и для разведки полезных ископаемых, и для модернизации добычи.

Нужно принимать во внимание, что ТЭК – чрезвычайно капиталоемкая отрасль, и условия добычи ухудшаются, а затраты на приобретение в значительной мере по импорту оборудования растут. Все это и привело к относительно невысокому чистому вкладу ТЭК в ВВП.

Большое значение имела бы поддержка малых и средних предприятий в добыче нефти и газа в России, преодоление ныне существующей монополизации в этих сферах несколькими крупными компаниями. Вместе с тем следует больше поощрять инвестиции крупных российских компаний в нефтяные и газовые месторождения зарубежных стран.

Думаю, что на сегодняшнем заседании «Меркурий-клуба» следовало бы рассмотреть и такие вопросы, имеющие прямое отношение к изменению структуры российской экономики:

- обеспечение трудовыми ресурсами диверсификации структуры экономики;
- модернизация банковской системы для реиндустриализации страны;
- каналы, связывающие научные центры с производством;
- импорт высоких технологий через покупку соответствующих активов и привлечение прямых инвестиций.

Естественно, к этому списку следует добавить и другие проблемы.

IX. Проблемы развития Дальнего Востока и Восточной Сибири*

Наше заседание «Меркурий-клуба» – первое после президентских выборов. Закончились полной неудачей попытки скомпрометировать их результат. Общество в целом отвергло такую разрушительную кампанию. Но кульминация сместилась в послеизбирательный период. Общее ожидание связано с перспективами обновления кадров и политики, с систематическим решением давно назревших задач. Не сомневаюсь, что проблема, вынесенная на сегодняшнее обсуждение, – из тех, что требуют наибольшего внимания. Сопоставление нескольких показателей характеризует ее жизненно важное значение для России. На громадных пространствах Дальнего Востока и Восточной Сибири проживает малая часть населения нашей страны. Более того, население покидает эти важнейшие регионы, уезжает в Западную Сибирь, на Урал, в европейскую часть России. Между тем это регионы, где сосредоточены огромные природные богатства. Положение осложняется тем, что мало-развитые в социально-экономическом плане российские территории граничат или находятся в непосредственной близости от наиболее быстро развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Я не думаю, что нам следует на сегодняшнем обсуждении убеждать друг друга в острой актуальности проблемы развития Дальнего Востока и Восточной Сибири. Но как преодолеть общеизвестные вызовы и угрозы, создаваемые этой проблемой? Как наладить прочную организационную связь этих российских регионов с остальной Россией? Очевидно, необходимо осуществить систему комплексных действий нового освоения (не побоюсь этого определения) Дальнего Востока и Восточной Сибири.

* Выступление на заседании «Меркурий-клуба», посвященном проблемам развития Дальнего Востока и Восточной Сибири, 26 марта 2012 г. (Москва, ЦМТ).

Ряд мер в этом направлении провозглашается, а некоторые уже предпринимаются. Создан и функционирует Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Приняты многочисленные планы стратегического развития этих регионов. Но, несмотря на обилие уже предпринятых и намеченных шагов, все-таки назову некоторые из подходов и направлений решения этой задачи.

Первое. Трудно переоценить значение создания транспортных инфраструктур. Однако одними мегапроектами задачи не решишь. Должны параллельно разрабатываться и осуществляться проекты социально-экономического развития тех территорий, через которые прокладывается железная или шоссейная дорога. Кое-что в этом отношении делается, но пока недостаточно. Уроки БАМа полностью не учтены.

Единственная возможность осуществления инфраструктурных проектов в настоящее время – их государственное финансирование. Сегодня справедливо ставится вопрос о вовлечении в строительство и эксплуатацию частных средств. Представляется необходимой более широкая постановка вопроса: государственно-частное партнерство должно целенаправленно охватывать социально-экономическое строительство вдоль всех транспортных артерий.

Второе. Необходимость существенных льгот для жителей Дальнего Востока и Западной Сибири признается, в том числе и Минэкономразвития. Но отток населения не будет снят с повестки дня ни компенсациями по ипотечной ставке, ни субсидированием обучения в вузах, ни ростом материнского капитала. Все это необходимо, но недостаточно. В комплекс мер надлежит включить опережающий рост зарплат, пенсий и другие привилегии.

Третье. Необходимо ввести налоговые и таможенные льготы для наших и иностранных предпринимателей, инвестирующих капитал в экономику и социальную сферу регионов. По этим вопросам нужны соглашения между федеральным центром и регионами, которые обязаны

принимать непосредственное участие в согласованном стимулировании предпринимательской деятельности.

Основная тяжесть осуществления планов развития Дальнего Востока и Восточной Сибири во многом должна приходиться на местные власти. Для недопущения сепаратизма контрольные функции, безусловно, остаются у центра, но это не должно ущемлять самостоятельности местных властей. Естественно, что для этого следует внести серьезные коррективы в бюджетный федерализм и дать региональным властям больше прав.

Четвертое. Организовать развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири наличными трудовыми ресурсами в короткие сроки не удастся. Следует выработать, во-первых, достаточно детальную политику привлечения главным образом молодежи и специалистов из других российских регионов и, во-вторых, политику дозируемой и контролируемой иммиграции из зарубежных стран.

Закончу это далеко не полное перечисление проблем выводом: все, что связано с развитием Дальнего Востока и Восточной Сибири должно сопровождаться жестким антикоррупционным контролем. Надеюсь, что наше обсуждение в целом поможет также определению профиля той организационной структуры, которая могла бы возглавить процесс.

Х. Возрастание роли регионов в экономическом развитии страны*

Оптимизация экономических отношений между федеральным центром, субъектами Федерации и муниципалитетами в нынешних условиях приобретает особую

* Выступление на заседании «Меркурий-клуба», посвященном теме «Центр и регионы России. Актуальные проблемы экономических взаимоотношений и пути их оптимизации» 20 мая 2014 г. (Москва, ЦМТ).

значимость. От регионов во многом зависит решение крайне важной задачи: обеспечения роста экономики и, давайте говорить прямо, ее выхода из рецессии. В ходе реиндустриализации, развития на инновационной основе машиностроения без возрастающей экономической роли регионов не обойтись. Регионы должны обеспечить приемлемый уровень занятости, особенно в моногородах. В общем и целом от регионов зависит успех требуемых перемен в структуре нашей экономики, перевод ее на инновационные рельсы.

Роль наших регионов возрастает в результате событий, связанных с кризисом на Украине. С одной стороны, необходима мобилизация всех имеющихся ресурсов, особенно используемых в импортозамещении, для противостояния экономическим санкциям. С другой – нужно извлекать уроки из украинских событий для нашего федерального развития. Еще контрастнее выглядит необходимость неразрывной связи между назревшей экономической децентрализацией и укреплением роли федерального центра, скрепляющего страну в единое целое. Речь идет, прежде всего, о принятии экономических решений на основе баланса интересов центра и периферии.

Нынешнее экономическое состояние большинства субъектов Российской Федерации вызывает тревогу. За последние восемь лет в России вдвое сократилось число регионов-доноров. Не менее опасна и другая тенденция – резкий рост дефицита бюджетов субъектов Федерации. По итогам 2013 года он достиг 642 млрд рублей, что в 3,3 раза превысило прогнозы Минфина.

Экономическое положение преобладающего числа регионов и муниципалитетов ухудшается. Если передаются определенные функции регионам, то необходимо адекватное финансирование, а его пока нет. Особенно болезненно на регионах сказалось переложение центром на их плечи исполнение социальной программы, изложенной

в майских указах президента, без достаточного обеспечения необходимыми для этого финансовыми средствами. В результате многие регионы и муниципалитеты погружаются в пучину растущей кредитной задолженности. Такой рост долгов свидетельствует отнюдь не о развитии регионов, как представляют некоторые наши руководители. Полученные кредиты идут не на инвестиции и, следовательно, не на развитие, а, как правило, за счет инвестиций на покрытие обязательств, спущенных из правительства. Между тем, в 2014 году регионы должны погасить более 430 млрд рублей коммерческого долга, а к концу 2016 года на его обслуживание придется тратить каждый шестой рубль доходов. Под силу ли это преобладающему большинству регионов? Совершенно ясно, что самостоятельно они справиться с этим не смогут. Пока трудно сказать, какое решение предлагается финансовым блоком правительства.

По словам председателя Счетной палаты Татьяны Голиковой, в 2013 году собственными доходами без учета субвенций свои расходы могли обеспечить лишь четыре региона: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ. До сих пор не удалось реально продвинуться в преодолении регионального неравенства.

Где выход из создавшегося положения? Назову лишь несколько проблем. Во-первых, это отказ от унитарно-федеративного подхода, которым подчас руководствуются финансовые органы страны. Необходима состоятельность регионов и муниципалитетов в финансовом плане. Это требует, прежде всего, закрепления за субъектами Федерации и органами местного самоуправления значительных источников налоговых поступлений. Нужно претворить в жизнь принцип, согласно которому федеральный центр на постоянной основе должен делить с субъектами Федерации доходы в пропорции 50 на 50.

В прошлом этот принцип был закреплен законодательно, но от него быстро отступили.

Во-вторых, финансовая поддержка из центра должна сопровождаться созданием наиболее благоприятных условий для привлечения инвестиций в регионы. Конечно, в этом процессе большая роль принадлежит и самим субъектам Федерации, но им нужно развязать руки. Это, разумеется, не должно сопровождаться снижением ответственности субъектов Федерации и муниципалитетов за эффективность использования бюджетных средств, оптимизацию расходов, решительную борьбу с коррупцией.

В-третьих, существующее экономическое неравенство субъектов Федерации делает еще более важными проблемы продуманного центром размещения производительных сил на территории нашей страны. Президент Путин назвал развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири основным проектом XXI века. Но до сих пор нет комплексного, хочу это подчеркнуть, комплексного плана решения этой поистине исторической задачи.

О необходимости такого комплексного плана говорится, но этого мало, хотя наблюдаются и положительные изменения. Недавно, например, на заседании правительственной комиссии выступил глава Минвостокразвития Александр Галушка. Он перечислил 16 наиболее эффективных проектов, которые находятся в высокой степени готовности, но не запускаются из-за проблем с инфраструктурой. Министр предложил правительству профинансировать инфраструктуру для инвесторов. Причем на каждый поступивший из бюджета рубль будет вложено 17 рублей в проекты из неправительственных источников. На инфраструктуру предлагается затратить средства федеральной целевой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья. Среди компаний, представивших проекты, – «Роснефть», «Норильский никель»,

«Металлоинвест», «Полюсзолото». Наконец-то делается акцент не на общих концептуальных положениях, а на выполнении конкретных проектов. И здесь есть над чем задуматься. Площадь региона, которым занимается Минвостокразвития – почти половина России, но проживает здесь 7,5 % населения страны, а доля обрабатывающей промышленности составляет 3 % от общероссийской.

Недавно было создано несколько «территориальных» министерств в правительстве Федерации. Они занимаются территориями Дальнего Востока и Восточной Сибири, Крымом, а теперь уже и Северным Кавказом.

Представляется, что создание территориальных министерств – разумный шаг, в том числе в деле изменения принятия решений по территориям на правительственном уровне. За федеральные целевые программы и другие государственные проекты отвечают ныне все министерства правительства, имеющие к этому отношение. Такой подход даже в условиях координации на уровне заместителя председателя правительства оказался в небольшой степени безответственным.

Теперь положение должно меняться. Представляется, что территориальные министерства должны находиться в центре осуществления того или иного государственного проекта и на них должны в своей части работать другие министерства правительства.

Сложится ли такая система – покажет будущее. И дело здесь не в простом признании координирующей роли «территориальных» министерств. По словам руководителя Счетной палаты, Минвостокразвитию предоставлено лишь 2,4 % ассигнований в программе Дальнего Востока. В результате весьма ограничено влияние этого министерства на другие министерства, вовлеченные в программу, и, конечно, оно не может выполнять в таких условиях координационную роль.

К тому же сегодня у нас прибавилось два субъекта Федерации – Крым и Севастополь, что, несомненно, долж-

но способствовать всемерному вниманию к отношениям между различными федеральными структурами.

XI. Возрастающая роль государства в условиях внутреннего и мирового кризиса*

Традиционно мой доклад в «Меркурий-клубе» в канун Старого Нового года посвящается минувшему году. 2011-й был насыщен знаковыми событиями и заявлениями руководящих деятелей, намечающих путь России в будущее. Особого внимания заслуживают выборы в Государственную Думу и начавшийся процесс избрания президента, но начну с экономики.

Пожалуй, наиболее значимым следует считать провозглашенный президентом Дмитрием Медведевым курс на модернизацию. Ни у него, ни у председателя правительства Владимира Путина не было сомнений, что модернизация должна охватывать все сферы жизни общества. Но особую роль должна сыграть модернизация экономики.

Постиндустриализация или реиндустриализация?

В 2011 году курс на модернизацию экономики России оставался неопределенным. Многими экономическая модернизация видится как процесс, который позволит

* Выступление на заседании «Меркурий-клуба», посвященном теме «2011 год: взгляд в будущее» 13 января 2012 г. (Москва, ЦМТ).

нашей стране скопировать нынешнюю ситуацию на Западе. Если речь идет о достижении западных стандартов в уровне жизни, в технико-технологических инновациях, согласен: нужно и нам быть на этом уровне.

Но при таком правильном понимании ряд экспертов считает, что перед Россией стоит задача попасть в постиндустриальный мир, в котором уже находятся развитые западные страны. Причем, постиндустриальный мир рассматривается чуть ли не как универсальный переход к новому глобальному разделению труда: в развитых странах концентрируется своеобразная «фабрика мыслей» — знания, наука, выход на передовые технологии, также сфера услуг, а производство все больше оседает в развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Для перехода России в такой «постиндустриальный рай» достаточно, дескать, развить, с одной стороны, ряд прорывных технологий, например, с западной помощью в специально отстраиваемом «Сколково», а с другой — демократические институты. Но как быть с тем, что нынешняя Россия имеет слабую, неконкурентоспособную промышленность, особенно машиностроение? Пройденный нами путь с момента распада Советского Союза обернулся огромными потерями в промышленности.

Думаю, что слова Владимира Путина о неизбежности реиндустриализации нашей страны можно считать альтернативой «прыжку» России в постиндустриальный мир. Однако важно развернуть идею реиндустриализации в продуманную промышленную политику, в «дорожную карту» движения к новой промышленной базе России на основе высших мировых технико-технологических достижений. Международное разделение труда — вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности.

Да не только масштабного, но зависимости даже от единичного импорта, для того, например, чтобы сохра-

нить Россию в качестве космической державы. Заместитель руководителя Роскосмоса Анатолий Шилов рассказал, почему некоторые из первых аппаратов ГЛОНАСС-М, по его словам, «начали сыпаться». Остро проявилась необходимость замены одной из деталей, которую раньше во всем мире выпускали только на двух предприятиях – в России и в США. Российское предприятие их перестало производить, и одновременно выяснилось, что у нас нет возможности купить необходимые электронные компоненты за рубежом. Как сказал Анатолий Шилов, «повезло, что удалось еще найти специалистов, которые смогли восстановить оборудование и производство». А если бы не повезло? Руководитель Роскосмоса Владимир Поповкин охарактеризовал положение дел во всей отрасли как кризис, что выразилось в отсутствии ее модернизации и недостатке специалистов. И это относится к космической отрасли, которой мы гордимся и уделяем ей особое внимание. А что говорить о других отраслях?

Кстати, один из наших видных экономистов Владислав Иноземцев, который еще недавно был сторонником превосходства постиндустриального мира, 14 декабря 2011 года в журнале «Россия в глобальной политике» написал: «Разумеется, мир изменился – но, как показывают события последних лет, не настолько, чтобы списать, как негодные, устоявшиеся хозяйственные закономерности. Мир XXI века останется миром обновленного, но индустриального строя».

Этот справедливый вывод, естественно, нисколько не умаляет важности изучения при новой индустриализации России опыта развитых стран, добившихся больших успехов в освоении научно-технического прогресса. При этом, однако, нельзя абстрагироваться от наших собственных достижений в советский период. Вряд ли принесет успех, например, заимствование американского опыта по превращению университетов в центральное звено развития науки. В России существует (что вызывало и

вызывает, не побоюсь этого слова, зависть у многих американских и других зарубежных ученых) уникальная по своим возможностям Академия наук с ее многочисленными научными центрами и институтами. Вот что нужно развивать в первую очередь.

Чтобы провести новую индустриализацию такой огромной, самой большой в мире по территории страны, нужна новая экономическая модель. И речь идет не только о том, чтобы слезть с сырьевой иглы, развить на инновационной основе промышленность, сельское хозяйство. Нужно решительно выкорчевать те пережитки 1990-х годов, которые проросли и в сегодняшнюю Россию.

Наследство девяностых?

Несомненный интерес представляет собой «процесс года» – так бы я назвал лондонский суд, разбирающий иск Березовского к Абрамовичу. Меня, я уверен, как и большинство соотечественников, потряс обмен признаниями на лондонском суде. Абрамович заявил, что поэтапно выплачивал Березовскому 2,5 млрд долларов за то, что тот обеспечивал ему «крышу». Об уровне этой «крыши» говорят показания Абрамовича, что он может назвать своим другом бывшего главу администрации президента Александра Волошина. Подтверждением этих слов является появление в суде и выступление Волошина в пользу Абрамовича.

Березовский в свою очередь утверждает, что он придумал и «пробил» схему нефтяной компании «Сибнефть», как известно, образованной указом президента Б.Н. Ельцина на базе одного из самых современных советских нефтеперерабатывающих заводов в Омске и богатейшего месторождения «Ноябрьскнефтегаз». Все это, по словам Березовского, было выкуплено Абрамовичем

за 100 с лишним млн долларов, полученных в кредит. В дальнейшем тот продал тому же государству компанию за 13 млрд долларов.

Березовский подал иск, претендуя на часть этой суммы, так как он, по его словам, был акционером «Сибнефти». Абрамович отрицает это, и тут всплывает еще одна своеобразная «деталь»: владельцы крупнейших компаний не значились их акционерами. Отсюда прямой вопрос: а вообще платили ли они налоги государству?

Я остановился на лондонском процессе не только в интересах правильного прочтения нашей недавней истории. Главное не в том, чтобы поднимать волны ретроспективных разоблачений, а в том, чтобы сконцентрировать внимание на необходимости избавляться от тех негативных проявлений 90-х годов, которые все еще существуют, и в немалых масштабах, в нашей стране.

Основное зло

Оно сказывается по сей день в сращивании государственных служащих, в том числе высоких рангов, с бизнесом. Это открывает широкий простор для коррупции, которая разъедает всю страну. Вместе с тем такое сращивание образует почву для неверия властям все возрастающего числа российских граждан. Для борьбы с этим злом предпринимаются меры: госслужащие теперь декларируют информацию о своих доходах и покидают советы директоров компаний. Но куда больший эффект имело бы обязательное декларирование крупных расходов государственных служащих и менеджеров госкомпаний.

Об этом не раз говорилось с высоких трибун, но акцент не сделан на важнейшем направлении решения столь актуальной проблемы – необходимости ратифици-

ровать без всяких изъятий Конвенцию ООН против коррупции¹⁷. Речь идет о не ратифицированной 20-й статье Конвенции. В этой статье определяется понятие «незаконное обогащение», которое как раз и должно рассматриваться как разница между задекларированными доходами и расходами. Ратификация 20-й статьи Конвенции ООН позволит поставить серьезную преграду на пути разгула коррупции среди лиц, занимающих должности во всех государственных сферах – федеральных, региональных и муниципальных.

В целом далеко не в полную силу используются те инструменты контроля, которыми мы располагаем. Слаб парламентский контроль исполнительной власти. Отсутствуют жесткие механизмы применения санкций по заключениям Счетной палаты. Нет обязательного расследования по выступлениям СМИ о сращивании госслужащих с бизнесом – либо самих, либо через своих родных и близких.

Владимир Путин 19 декабря минувшего года показал «во всей красе» положение, сложившееся после трех лет реформы РАО ЕЭС. Руководство многих компаний монопольно контролирует энергетику целого региона, создавая через родственников фирмы поставщиков, подрядчиков, сбытовые компании. Зачастую они регистрируются на подставных лиц, а принадлежат тому, кто входит в совет директоров генерирующей компании. В ряде регионов электроэнергетика полностью подконтрольна одному из местных руководителей. Осуществляются подозрительные операции с использованием офшорных зон. Нужно сказать, что коррупционные схемы широко действуют не только в энергетике.

Поспешные отставки лиц, несущих прямую ответственность за широкое проникновение коррупции в экономику, обоснованы. Обосновано и заведение ряда уголовных дел. Главное, однако, в том, чтобы искоренить

сами коррупционные схемы, а серьезного продвижения здесь пока не началось.

Владимир Путин сделал немало для того, чтобы продолжением так называемых реформ 90-х годов не стал приход олигархов к власти. В настоящее время предстоит не менее важная работа против монополий в экономике, повсюду внедряемых крупными предпринимательскими структурами. Владимир Путин назвал приоритетной задачей на предстоящий период также «вывод национальной экономики из офшорной тени». Без решения этих двух задач трудно представить себе не только модернизацию российской экономики, но и будущее страны.

Опять о роли государства

Следует сказать, что много справедливой критики в последнее время звучит в адрес государственных компаний. Все они без исключения, очевидно, нуждаются в масштабной антикоррупционной проверке. Но такая критика не должна обобщаться в виде вывода либералов о необходимости ухода государства из экономической жизни страны.

Между тем реиндустриализация невозможна, если победит линия на вытеснение государства из экономики.

Мы уже прожили 20 лет с момента отказа от директивного планирования. Возврата к прошлому нет и быть не может. Справедлив вывод и о том, что Россия не строит госкапитализм. Но все это не идентично тому, что государству нет места в экономике – ни как ее регулятору наряду с рынком, ни в качестве собственника части средств производства. А именно с такими требованиями продолжали выступать в 2011 году наши либералы. Допустим чисто гипотетически, что их позиция восторжествует. Сможем ли мы в таком случае радикально изме-

нить структуру российской экономики? Двадцатилетний опыт показывает, что сам рынок эту задачу не решает. Сможем ли мы переадресовать рынку осуществление новой индустриализации страны? Думаю, что очень немногие эксперты готовы положительно ответить на этот вопрос.

Конечно, нельзя исключать приватизацию госсобственности. Но критерием ее необходимости должен быть уровень эффективности производства при том или ином собственнике. Осуществляя приватизацию, следует, очевидно, учитывать, особенно в данный момент, интересы не только безопасности, но и реиндустриализации России. Множество случаев, когда приватизированные предприятия в погоне за сиюминутной выгодой меняют профиль, оставляя вакуум в производстве необходимой стране продукции. Известно и то, как приватизация, сопровождаемая неоправданным дроблением, болезненно ударяет по интересам российских потребителей.

Сохранение роли государства в экономике полностью совместимо с «разгрузкой» государственных полномочий. Существуют два направления такой «разгрузки». Первое – передача излишних государственных функций на общественный уровень. Следовало бы возродить во всем объеме административную реформу, которая тихо скончалась еще задолго до 2011 года. Сокращение отдельных избыточных государственных функций от случая к случаю не решает эту проблему.

Второе направление – передача ряда государственных полномочий по горизонтали: с федерального уровня – на региональный и с регионального – на муниципальный уровень. Это возможно только в том случае, если делегирование полномочий произойдет одновременно с обеспечением тех, кто их получает, необходимыми доходными источниками. Правомерно утверждение, что таким путем произойдет новое наполнение федеральной системы в России. Этот процесс, который следует осуще-

ствить вновь избранному президенту и новому руководителю правительства, ни в коем случае не должен повторять ситуацию 1990-х годов, когда к административным образованиям Российской Федерации был обращен лозунг «Берите столько суверенитета, сколько сможете!». В результате последовавших после этого напряженных переговоров руководители национальных республик убрали из своего законодательства все, что противоречило общероссийской Конституции и закону. Хорошо, что тогда победил разум. Сегодня серьезную опасность представляет провозглашенная готовность сопроводить столь необходимую экономическую децентрализацию даже дифференциацией правовых режимов на общероссийском поле.

Хотел бы подчеркнуть, что разностороннее участие государства в экономической жизни отнюдь не противоречит, во всяком случае, не должно противоречить интересам частного предпринимательства. Более того, государство, используя политику в области налогов, пошлин, целенаправленные кредиты, строительство инфраструктуры, другие рычаги, должно обеспечить лучшие условия для развития частного сектора. Особое значение при этом имеет поддержка малого и среднего предпринимательства. Акцент на развитие таких структур необходим и для роста занятости населения, и для нейтрализации стремления крупного бизнеса к насаждению монополий, и для создания сильного среднего класса – именно сильного, благополучного, патриотичного, большинство которого не поддержит разрушительную «цветную революцию».

Роль государства в экономической жизни важна и для того, чтобы сократить резкое различие населения по доходам. Разрыв между 10 % самой богатой и 10 % самой бедной части населения России превышает показатели развитых западных стран в 2–3 раза. Расстояние между двумя этими полюсами не сократилось в 2011 году.

В этом заложена угроза социальной стабильности в стране.

Перераспределительная функция государства должна заключаться и в дифференциации налогов в зависимости от доходов. До сих пор не пойму, почему мы принадлежим к тем немногим странам, у которых нет прогрессивного налогообложения. Разговоры о том, что отказ от плоской шкалы налога вызовет уход в тень большого числа крупных предпринимателей, несостоятельны. Необязательно и закручивать прогрессивное налогообложение до уровня, при котором могут пострадать квалифицированные специалисты. Да, крупные предприниматели, естественно, не должны превращаться в изгоев. Я категорически против того, чтобы бизнесменов зачисляли в категорию олигархов только потому, что они крупные. Но это отнюдь не снимает острой необходимости продумать и осуществить меры социальной консолидации общества.

От выборов до выборов

Главным внутривнутриполитическим событием минувшего года в России были выборы в Государственную Думу. Магистральный вывод из различных проявлений общественного мнения в том, что произошло ослабление позиций правящей партии «Единая Россия». Она потеряла 15 % избирателей и конституционное большинство в парламенте. Одновременно возросло число мандатов у Коммунистической партии Российской Федерации и «Справедливой России» не только в Госдуме, но и в законодательных органах регионов и муниципалитетов, особенно в крупных городах.

Падение престижа «Единой России» выглядит еще контрастнее на фоне тех преимуществ, которые она име-

ла по сравнению с другими партиями. Ее избирательный список возглавил президент Дмитрий Медведев, лидером партии, что неоднократно подчеркивалось ее руководством во время предвыборной кампании, является Владимир Путин. От «Единой России» зависят губернаторы: по существовавшей на момент выборов практике, на губернаторские должности могли претендовать лишь те, которых выдвигала партия власти, а нахождение на этом посту тесно увязывалось с успехами «Единой России» на выборах в регионах. Трудно назвать атрибутом демократии угрозы, а затем и ряд «оргвыводов» в отношении тех местных руководителей, которые не обеспечили надлежащих процентов голосов за «Единую Россию». Положения не спасает и такое разъяснение: они, мол, утратили доверие избирателей, так как были выдвинуты на свои посты по представлению партии власти. Как будто критерием отсутствия доверия населения является количество голосов, поданных не за «Единую Россию».

Можно много говорить об успехе правящей партии, которая сохранила большинство в парламенте, но представляется, что это не лучший способ реальной оценки создавшегося положения. И дело не только в ошибках самой «Единой России» – и идеологических, и политических, да и моральных в некоторых случаях. Дело не столько и в ее промахах в предвыборной гонке. Повидимому, не следует преувеличивать и роль протестных голосов, отданных другим партиям, – протест выразился, в основном, в неучастии в выборах. А их результаты означают по большому счету усиление тенденции к укреплению левоцентристских сил в стране. Тенденция к левоцентризму в России очень сильна – и традиционно исторически, и потому, что наша экономика сознательно ориентируется на решение социальных задач населения. «Единая Россия», вспомним, создавалась как правоцен-

тристская, консервативная партия. Правда, руководство «Единой России» сделало ряд шагов влево, но это не меняет ситуацию коренным образом. «Единая Россия» продолжает колебаться между позициями «государственников» и либералов.

Нескончаем поток заявлений со стороны наших политологов, что нужно заполнить правое крыло, чтобы достичь политического баланса сил в России. Это было бы полезно – кто спорит. Но важнее, как мне кажется, иметь настоящую не левую, а левоцентристскую часть политического баланса. Слева от центра две партии, пользующиеся поддержкой значительной части населения, – в первую очередь КПРФ, а теперь и «Справедливая Россия». Их сближение могло бы выдвинуть на политическую арену силу, конкурирующую с «Единой Россией» за конституционный приход к власти. В одиночку ни у КПРФ, ни у эсеров, очевидно, это не получится.

Позиции этих партий по многим вопросам схожи. Разделяет их оценка роли И.В. Сталина как личности. Представляется, что сегодня вопрос следовало бы рассматривать в другой плоскости: понимание необходимости внедрить в нашу жизнь то положительное – время показывает, что его было отнюдь немало в советский период – и наоборот, наотрез отказаться от крайне негативных, опасных, наконец, преступных явлений в период сталинского руководства страной.

А теперь о выборах президента России, которые состоятся менее чем через два месяца. Оптимальной фигурой на этих выборах считаю Путина, и не потому, что другие претенденты на президентский пост недостойны. У каждого из них есть привлекательные черты – у кого больше, у кого меньше. Но для сегодняшней России, по моему глубокому убеждению, кандидатура Путина предпочтительна. Естественно, что перед выборами внимательно приглядываются к его прошлой деятельности на высших государственных постах. Как у каждого полити-

ческого деятеля, у Путина были промахи. Они имели место, что особенно ощутимо в кадровой политике. Но главное в том, что Путин показал себя однозначно в качестве борца с терроризмом, за территориальную целостность нашей страны, за ее эволюционное без всяких разрушительных «цветных революций» развитие, за экономическую устойчивость в условиях мирового кризиса, за улучшение жизни населения, за безопасность России. Одной из его черт является сочетание последовательности в отстаивании принципиальных позиций и отсутствия упертости, когда жизнь заставляет менять подходы, принятые им самим. Разве не об этом говорит, например, провозглашенная Путиным необходимость возвратиться к избранию губернаторов.

Иногда Путина наделяют чертами, ему несвойственными. Нужно сказать, что на Западе это делается часто сознательно. Примером могут служить многочисленные публикации, в которых его представляют в качестве агрессивного лидера, чуть ли не готового разрушить мосты с Западом. Я знаком с Владимиром Владимировичем уже многие годы. Разговаривал с ним на внешнеполитические темы, когда был министром иностранных дел, руководителем правительства и в то время, когда он, став президентом, поручал мне выполнять ряд миссий за рубежом. Мне кажется, что я достаточно хорошо знаю те ценности, которые лежат в основе его внешнеполитического мышления. С одной стороны, и мы это видим, он стремится укреплять обороноспособность России, боеготовность армии, авиации, военно-морского флота. Надеюсь, что в случае избрания Путин внесет коррективы и в далеко не всеми поддерживаемую реформу в армии. С другой стороны, все это ни в коей мере не означает, что он будет вести дело к гонке вооружений или холодной войне. Я абсолютно уверен, что его желание повысить обороноспособность России нисколько не сочетается с агрессивностью во внешней политике.

А в нашей стране, главным образом среди либеральных кругов, распространяется мнение, что президент Владимир Путин отдаст свои силы установлению стабильности ради стабильности. Путин уточнил свое кредо – «стабильность в развитии». Необходимость модернизации всех сторон жизни нашего общества укладывается в этот принцип.

Но все перечисленное не исключает того, что Путин в случае его избрания президентом должен приобрести и новые черты лидера. Обстановка в стране ощутимо меняется. Накапливается недовольство тем, что провозглашаемые задачи зачастую не решаются, что необходимые меры обновления слишком медленно и далеко не в полном объеме претворяются в жизнь. Особую тревогу порождают действия по манипулированию выборами и шире – общественным сознанием. Все это нашло отражение в массовых демонстрациях и митингах в Москве и других российских городах после 4 декабря. Открывается новый феномен нашей жизни – разрешаемый уличный протест населения.

Нужно сказать, что ряд мер по демократизации общественной жизни уже намечен к осуществлению, но пока это лишь направления, контуры. Вновь избранному президенту и новому председателю правительства предстоит наполнить их конкретным, с учетом настроений в обществе, содержанием. Одновременно исторический опыт, да и события сегодняшнего дня в мире показывают насущную необходимость поставить закон на службу тому, чтобы развитие демократии не привело к скатыванию страны в пучину взрывоопасной дестабилизации.

Предвыборная гонка в разгаре. Ее нормальную напряженность кое-кто хочет перевести в антипутинскую кампанию. Это делается, уверен, не другими кандидатами в президенты, а группой лиц, стремящихся привлечь под антигосударственные знамена тех, кто справедливо или несправедливо недоволен существующими поряд-

ками на местах или в России в целом. Не задумываясь об интересах России, группа организаторов антипутинской кампании поглощена ловлей сигналов, подаваемых из-за рубежа.

Мир, в котором мы живем

Он невероятно сложен. Экономическая турбулентность, террористическая активность, угроза распространения оружия массового поражения, выступления против авторитарных режимов, приводящие подчас к смуте, хаосу, применение силы со стороны НАТО в стремлении навязать угодные Западу порядки в той или иной стране, тлеющие региональные конфликты, готовые вспыхнуть пожарами, – все это сегодняшний мир. Переплетение экономик различных стран, интеграционные процессы, мировой научно-технический прогресс – все это тоже сегодняшний мир. Остановлюсь не на описании хорошо известных событий, а на том, какие уроки из них следовало бы извлечь нам, нашему государству.

Первое. Тяжести и сложности выхода из глобального кризиса очевидны, но этот выход отнюдь не замурован. Беспочвенны разговоры о наступающей рецессии в центре мирового хозяйства – в США. По оценкам и прогнозу ИМЭМО, которые зарекомендовали себя как надежные, в Соединенных Штатах темпы роста ВВП в 2011 году превысили 2,2 % и в 2012 году будут увеличиваться. Нереалистичны выводы и о резком ослаблении доллара, чуть ли не расстающегося с миссией общемирового платежного средства. На этом фоне кажется необоснованным призыв к созданию резервной валюты в виде рубля и превращению Москвы в международный финансовый центр, когда доля России в мировой экономике остается на прежнем уровне – 3,7 %, а ее вклад в прирост мирово-

го ВВП составил в минувшем году 0,15 %. Дело, несомненно, идет к образованию региональных резервных валют, но путь к этой цели очень долгий и весьма трудный. И, очевидно, он начнется не с России.

Мы часто говорим об объединении БРИК. Иногда эта аббревиатура расширяется. Входящие в БРИК страны объединены более быстрыми темпами развития экономики. Однако и здесь пока Россия намного отстает: в 2010 году ВВП Китая возрос на 10,3 %, Индии – на 10,1, Бразилии – 7,5 %. Все это намного больше, чем у России. В 2011 году тенденция в целом сохранилась, несмотря на то, что Россия увеличила объем ВВП.

Второе. Я не намерен делать пессимистические прогнозы по поводу кризиса в Европе. Дело, конечно, серьезное, потому что в ряде стран – членов ЕС, призванных стать донорами для погашения долгов других государств, не все согласны с этим – кто открыто, кто в душе. А в государствах-реципиентах кипит народное возмущение против продиктованного Брюсселем сокращения бюджетных расходов в социальной сфере. Выход из кризиса намечился в виде развития наднациональных структур, способных контролировать бюджетную политику государств Европейского союза. Не все готовы к этому, но несомненные трудности не приведут к краху ЕС или даже еврозоны – интеграция в Европе уже пустила глубокие корни. Какие уроки следует извлечь нам из кризиса в Евросоюзе?

Одним из наших завоеваний 2011 года стало создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Проложен путь к общему экономическому пространству, обеспечивающему свободу передвижения в пределах этих стран капиталов, рабочей силы, услуг. Соответствующие документы уже подписаны, и есть серьезное основание считать, что они будут исполнены. Получила развитие идея Евразийского экономического союза, предполагается, что он должен заработать уже в 2015 году.

Уроки кризиса в ЕС должны послужить тому, чтобы достигнутый интеграционный успех не стал кратковременным. Очевидно, контрпродуктивно торопиться с расширением трехстороннего российско-белорусско-казахстанского объединения, которое является базой Евразийского экономического союза. Очевидно и другое: в развитии интеграционного процесса на постсоветском пространстве не обойтись без наднациональных структур, в пользу которых должна отойти часть суверенитета государств – участников интеграционного объединения без этой неизбежности интеграция застрянет лишь на начальном этапе. И еще один, как представляется, важный вывод: разноскоростная экономическая интеграция не противоречит потребности широкого охвата стран СНГ военным сотрудничеством, развития Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Характерно, что при всех неудачах в продвижении экономической интеграции страны Европейского союза с небольшим исключением входят в военный союз НАТО.

Третье. Произошел локальный тектонический сдвиг в регионе Ближнего Востока. «Арабская весна»¹⁸ привела к свержению президентов Туниса, Египта, уходу со своего поста президента Йемена, находившихся десятилетиями у власти, расшатала другие авторитарные режимы в арабских странах. События еще развиваются, и куда они приведут, покажет время. Но уже сегодня проступают некоторые их особенности, которые выходят за региональные рамки.

Во время «арабской весны» проявилось в полной мере влияние на политическую жизнь таких достижений современной цивилизации, как Интернет, мобильные телефоны, телевидение. Они становятся практическими инструментами организации людей, недовольных тем или иным режимом. Другая особенность: даже не будучи первоначальными лидерами сил, потребовавших перемен, исламские круги продолжают быть одним из основных

элементов политического поля в странах с мусульманским населением. Вместе с тем усиливается тенденция к расхождению между сторонниками умеренного ислама, признающими светский характер государства, и исламистами-радикалами. Очевидно, Россия не только по геополитическим, но и по внутренним соображениям заинтересована в контактах и сотрудничестве с умеренными исламскими силами. Учитывая растущую долю мусульман в мировом населении и их миграционные потоки в различные государства немусульманского мира, это направление в нашей политике должно быть отнюдь не второстепенным.

«Арабская весна» началась с того, что с руководящих постов был убран ряд лиц, на которые опирались США и их европейские союзники. Ответная реакция не заставила себя ждать. Воспользовавшись событиями, США вместе с союзниками по НАТО приступили к свержению не устраивавших их арабских режимов. Категорически не согласен с теми политологами, которые зачислили в категорию «арабской весны» все арабские страны, охваченные антирежимными демонстрациями. В Сирии и Ливии демонстрации сразу же переросли в подталкиваемое извне вооруженное сопротивление властям.

Схема, использованная НАТО для свержения Каддафи, представляет собой особо опасный прецедент: принимается аморфная резолюция Совета Безопасности ООН для легализации вооруженного вмешательства с целью поддержки одной из сторон в гражданской войне, вспыхнувшей в суверенной стране. События в Ливии, уверен, будут строго учитываться теми, кто выработывает внешнюю политику России. Наша страна уже заняла позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии. Не думаю, что Россия и Китай, которые не наложили вето на резолюцию по Ливии, позволят себя обмануть во второй раз тем, кто уверял в необходимости этой резолюции якобы для защиты мирных жителей от авиации Каддафи.

Четвертое. При изменениях, которые действительно произошли в политике США при Обаме, нет оснований считать, что уже достигнута новая эра в российско-американских отношениях. Став президентом, Барак Обама не пошел по пути, проложенному его предшественником Бушем-младшим. Сказались субъективные качества нового американского лидера, но в еще большей степени дали о себе знать объективные обстоятельства. Зашла в тупик политика однополярного гегемонизма США, произошло ослабление их связей с союзниками, бесперспективными оказались военные операции в Ираке, Афганистане, а они стоили огромных финансовых средств, все труднее совместимых с требованиями устойчивой экономики. Отступление Обамы от линии его предшественника позволило улучшить отношения России с Соединенными Штатами. Но вскоре стали проступать наружу такие, к сожалению, традиционные черты американской политики, которые затрудняют продвижение этого процесса. К тому же для такого продвижения не лучшим временем был 2011 год – предвыборный не только в России, но и в США. Все это не означает, конечно, реальности прогноза новой холодной войны или в лучшем случае замораживания отношений, от которых слишком много зависит для всего мира.

Для того чтобы не допустить такого пессимистического сценария, нужно не только признание равноправия России со стороны Вашингтона, но и активные целенаправленные действия с нашей стороны.

Часть третья МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

І. Россия в начале XXI века*

Определения временных рамок – 2000–2012 годы, в которых в Хрестоматии рассматриваются место и роль России в глобальном мире, закономерно. Точка отсчета – 2000 год – выбрана, я думаю, не в связи с распространенной традицией, когда описание тех или иных событий начинается с наступившего столетия. Дело также не только в том, что в 2000 году президентом России стал В.В. Путин, который сохранил на весь этот период лидерство в стране – сначала единоличное, а после 2008 года в составе «тангема» с президентом Д.А. Медведевым. Так уже произошло, что на рубеже XXI века в России определились основные тенденции развития, а в мире, избавившемся от холодной войны, начался переход от биполярной к многополярной системе. Ни в России, ни в мире все это не происходило гладко, по прямой. Движение шло зигзагами, но магистральное направление стало к началу XXI века очевидным.

* Предисловие к сборнику «Россия в глобальном мире: 2000–2011: Хрестоматия в 6 т.» (М., 2012).

Проблемы, переданные XXI веку

Положение любого государства в сегодняшнем мире зависит от его экономического потенциала, технико-технологической продвинутости и перспектив в этой области, военных возможностей, социально-политической стабильности. Вместе с тем место и роль государства находятся также в зависимости от соотношения сил на мировой арене, от характера мироустройства. Все это отнюдь не перечеркивает значения внешней политики государства в определении его «статуса» на международной арене.

Какой вступила Россия в XXI век? Преодоление глубокого и многостороннего кризиса 1998–1999 годов без схода с рыночных рельсов окончательно продемонстрировало, что России не грозит разворот назад – к административно-командной системе. Но на каких путях будет развиваться российская рыночная экономика – монополистическо-олигархическом, госкапиталистическом, или через упор на малые и средние частные предприятия – ответ на этот вопрос был отнесен к XXI веку.

Девяностые годы разрушили мощную советскую промышленность, нанесли серьезный ущерб научно-техническому потенциалу страны. В силах ли Россия оправиться от этих серьезных потерь даже в условиях, когда в самом конце XX столетия вздыбились мировые цены на нефть, газ, металлы, несметными богатствами которых располагает наша страна? В состоянии ли Россия без реиндустриализации провести модернизацию экономики? Эти вопросы тоже были отнесены к XXI веку.

Вступив в мировую экономику, что стало неизбежным результатом рыночного развития, сможет ли Россия с неокрепшей и далеко не совершенной рыночной структурой сдерживать дующие со всех сторон ветры мировых

финансовых и экономических неурядиц и кризисов? И на этот вопрос предстояло ответить в XXI веке.

Став преемницей Советского Союза с переводом на свою территорию всех стратегических ракетно-ядерных средств и с сохранением статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, имеющего право «вето», сможет ли Россия вместе с целым рядом других государств активно противостоять силам и тенденциям, ведущим к становлению однополярного мира? Ответ на этот вопрос, отнесенный к XXI веку, был затруднен тем, что после распада СССР, в первое десятилетие 90-х годов, внешняя политика России была сориентирована на обеспечение роли ведомого государства, следовавшего за США, чтобы, дескать, «отмыться от перекосов советского периода» и «попасть в категорию цивилизованных государств». Эту уродливую, противоречащую национальным интересам политику удалось переломить во второй половине 90-х. Но все-таки в наследие XXI веку достались те немалые силы, которые породили и поддерживали линию на превращение России в ведомое Западом государство.

Наконец, сможет ли Россия сохранить свою территориальную целостность, будучи самым большим даже после распада СССР государством в мире, к тому же уникально расположенным на двух континентах – в Европе и Азии? Эта проблема еще не была решена в XX столетии.

Экономические задачи внешней политики

Ответы по названным выше проблемам были сформулированы в 2000–2012 годах. В решении некоторых из них продвинулись, к осуществлению других приступили. В таких условиях перед внешней политикой России стояли и стоят в XXI веке нелегкие задачи обеспечить наиболее благоприятную обстановку для внутреннего

развития страны. Конечно, в первую очередь, речь идет о сохранении международной стабильности и безопасности. Но начну с экономических задач, которые в начале XXI века выдвинулись на передний план, как для защиты экономических интересов России, так и для обеспечения ее политики в отношении так называемого ближнего зарубежья.

Нужно признать, что в первые годы XXI века российская внешняя политика далеко не сразу проявила себя в экономической сфере. Причиной этого была относительная неопределенность в выборе моделей политико-экономического развития страны. На второй план уже уходила «семья», обладавшая при Б.Н. Ельцине большой властью, но обозначилось наступление олигархической верхушки, которая экономически окрепла через грабительскую приватизацию, отдавшую в ее руки недра России. Все четче вырисовывались претензии представителей этой группы на политическую власть. Их в той или иной форме поддерживал Запад. У В.В. Путина хватило сил не только разорвать пуповину, связывающую его с «семьей», но и преградить представителям олигархических кругов путь к власти. Внешняя политика при этом сыграла небольшую роль.

Ее значение начало расти на следующем этапе. В России приобретали все больший вес крупные сырьевики, стоящие во главе государственных компаний. Концентрация в руках государства в ту пору преобладающего нефтяного и газового экспортного потенциала диктовалась тем, что из этого источника покрывалась значительная часть расходов федерального бюджета, а доля экспорта сырья перевалила за 40 % ВВП. Вынужденное сидение на нефтяной и газовой игле обусловило направленность внешней политики на активную поддержку зарубежной деятельности, в первую очередь «Газпрома» и «Роснефти», на обеспечение транспортировки нефти и газа основным европейским потребителям, как по су-

ществующим, так и прокладываемым трубопроводам. На этом этапе особенно выросло значение соглашений с Украиной и Белоруссией по ценам на нефть и газ и за транзит энергоносителей через территорию этих стран.

Этот участок взаимоотношений России со странами Содружества приобрел особую остроту для российской внешней политики. Важным направлением деятельности внешнеполитических органов стала также диверсификация рынков – ориентация экспорта нефти и газа только на Европу создавало сложную, даже опасную обстановку. В таких условиях для российского экспорта энергоносителей возрастало значение растущего китайского рынка.

В рассматриваемый период в экономическую плоскость все больше перемещалась в целом политика России в отношении стран СНГ. Первоначальным планам создания Содружества как модернизированной, с учетом суверенитета его участников, альтернативы Советскому Союзу не суждено было сбыться. Поэтому такую важность приобрел проект Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, предусматривающий переход к созданию единого экономического пространства этих стран. В конце 2011 года В.В. Путин выдвинул идею Европейско-Азиатского союза, которая призвана расширить и число участников, и наднациональную структуру создаваемого объединения.

Акцент на экономическую политику делается сейчас не только в России. Выступая в Нью-Йорке перед деловой и финансовой элитой, госсекретарь США Х. Клинтон заявила: «Экономическая дипломатия становится ключевым приоритетом внешней политики США». По ее словам, это прямое продолжение стратегического курса на сохранение за Америкой лидирующих позиций в глобальной экономике, финансах и технологиях. Затронув в своем выступлении отношения с Россией (именно затронув, потому что о других направлениях экономической дипломатии США Клинтон распространилась куда под-

робнее), она сказала: «Даже с Россией США сейчас больше говорят об экономике, а не о политике или разоружении».

Задача – борьба против сепаратизма

Внешняя политика была непосредственно задействована с целью сохранения территориального единства нашей страны. Среди мер, удачно предпринятых в этой области, можно назвать пресечение, во всяком случае, сокращение зарубежной финансовой и иной материальной помощи северокавказским сепаратистам. Отказ от поддержки сепаратистских кругов на Северном Кавказе руководства Саудовской Аравии и Иордании сопровождали мерами с целью перекрыть и негосударственные каналы связи с террористами-сепаратистами.

Представляется, что акцент в работе российских представительств в этих и других мусульманских странах должен быть также сделан на «нормальное» обучение наших исламских проповедников. До настоящего времени это – бесконтрольная зона, и в результате ряд молодых российских мусульман обучается, скажем, не в египетском университете «Аль-Азхар»¹⁹, а в Афганистане или Пакистане, где вместо изучения Корана они знакомятся с «калашниковым».

Но дело не только в Северо-Кавказском регионе. Для сохранения единства России необходима политика, направленная на выравнивание социально-экономических условий, уровня жизни людей по всей стране. В этом плане особое значение приобретают меры по развитию русских областей, особенно Дальнего Востока, Восточной Сибири, Забайкалья. Немалое значение при этом приобретает развитие экономических отношений этих регионов – естественно, при политическом укреплении

российского центра – с прилегающими зарубежными странами, особенно с Китаем.

Для России важно участие в международных организациях, в том числе, конечно, экономических. Поэтому внешняя политика была сориентирована и на снятие преград для вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО), которая определяет правила игры на мировых рынках.

Опасность «ливийского эксперимента»

Роль и место России определяется не только успешным решением ее внутренних проблем, но и действиями на мировой арене ее основных «контрагентов». Нужно подчеркнуть, что переход от биполярной системы мирового устройства к многополярной – достаточно длительный процесс. Помимо объективных тенденций создания многополярного мира, выявилось субъективное стремление Соединенных Штатов к однополярному мироустройству. Более того, в двух случаях при попытке установить однополярный мир была применена военная сила. В 1999 году мишенью для бомбардировок был избран Белград, не подчинившийся требованию вывести спецназ из Косово, – этот край в то время безоговорочно рассматривался всеми как часть Югославии*. Во втором случае с целью создания однополярного мира была осуществлена в 2003 году американская военная операция в Ираке.

Обе эти военные акции были предприняты в обход Совета Безопасности ООН, без его санкции. Таким образом, в международную обстановку уже после окончания

* Помню наши споры с госсекретарем США Мадлен Олбрайт, которая, как и я (в то время министр иностранных дел), была членом контактной группы по Югославии. Я считал, что в документах нашей группы следует говорить о Косово как о части Сербии, а Олбрайт предлагала рассматривать Косово как часть Югославии.

холодной войны США, пользуясь тем, что приобрели положение самой сильной в экономическом и военном плане державы, вписали военный элемент.

Операции против Югославии и Ирака имеют еще, по крайней мере, две совпадающие черты. Во-первых, предлогом для применения силы были вымышленные причины. В Ираке мотивом к операции стали сфальсифицированные данные о тайном производстве ядерного оружия и наращивании связей с террористической организацией «Аль-Каида». Что касается Белграда, то в его адрес было брошено обвинение в геноциде албанцев, населяющих часть Югославии – Косово и Метохию. В телефонном разговоре со мной вице-президент США Альберт Гор* пытался оправдать бомбардировки Югославии тем, что, «миллионы беженцев вынуждены покинуть Косово». Такая гиперболизация событий была нужна США для оправдания своих действий. Как известно, все население Косово составляет менее 2 миллионов человек, включая сербов. Откуда взялись «миллионы» бежавших – пусть остается на совести бывшего вице-президента США.

Во-вторых, обе эти операции – против Югославии и против Ирака – Соединенные Штаты не только инициировали, но практически сами их осуществили, несмотря на то, что у ряда американских союзников были несопадающие с Вашингтоном мнения о необходимости применения военной силы. Через два года после американских бомбардировок Югославии я сопровождал президента Путина в его поездке в Германию и присутствовал на встрече с бывшим федеральным канцлером Гельммутом Колем. Он сказал, что если бы был в то время канцлером, никогда не допустил бы бомбардировок и ракетных ударов по Югославии. Коль назвал эти действия «величайшей исторической ошибкой».

* Разговор состоялся, когда узнав о предстоящем бомбовом ударе по Югославии, я принял решение развернуть самолет и не начинать официальный визит в США.

Так еще раз подтвердились наихудшие предположения о том, что бомбардировки Югославии служили цели продемонстрировать готовность США применить военную силу для вовлечения сопротивляющихся стран в орбиту своей однополярной гегемонии. Аналогичная оценка имеет право на существование и в отношении военной операции США против Ирака.

После прихода в Белый дом Барака Обамы положение начало меняться. Госсекретарь США Хиллари Клинтон признала существование многополярного мира. Американские неоконсерваторы, лозунгом которых после холодной войны было создание однополярного во главе с США мироустройства, во многом потеряли свое влияние на администрацию Обамы. Нынешний американский президент, не отказываясь от лидерства Соединенных Штатов в мире, стал строить американскую внешнюю политику, стремясь заполучить в союзники европейские страны и нейтрализовать государства, которые не разделяют взглядов Соединенных Штатов на те или иные события в мире.

Хотелось бы ограничиться этой констатацией. Однако начали происходить события, которые внушают тревогу. Я имею в виду действия НАТО в Ливии. Когда армейские подразделения, верные Муаммару Каддафи, продвигались к центру оппозиционных сил – Бенгази, Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1973 о закрытии неба над Ливией. Провозглашена цель резолюции: защитить мирное население. Опасаясь большого кровопролития, Россия и Китай не ветировали эту резолюцию, полагая, что речь идет о создании условий, препятствующих задействованию Каддафи своей авиации в разгоравшейся гражданской войне. Но мандат, который согласно этой резолюции получил Северо-Атлантический союз, был полностью нарушен. Авиация НАТО наносила удары по наземным силам Каддафи, по его дворцам и командным пунктам. Попадания были и в невоенные

объекты. Росли жертвы среди мирного населения. Фактически начала осуществляться операция по ликвидации существовавшего в Ливии режима.

Прецедент действий НАТО в Ливии очень опасен, особенно для тех регионов и стран, где накалена обстановка и политика которых не удовлетворяет запросам НАТО.

За стабильность и безопасность в мире

Естественно, место и роль России в сегодняшнем глобализирующемся мире непосредственно зависит и от того, насколько полезна может быть ее политика в области сокращения вооружений, создания условий, благоприятствующих нераспространению оружия массового уничтожения и борьбе с международным терроризмом. Можно смело сказать, что в рассматриваемый исторический период Россия многократно доказывала свою полезность мировому сообществу в достижении этих жизненно важных целей. Обо всем этом тоже говорится в предлагаемой читателю Хрестоматии.

II. Внешняя политика России: задачи и перспективы*

Российская внешняя политика призвана создавать наиболее благоприятные условия для экономического и научно-технического прогресса страны, служить укреплению ее безопасности, способствовать установлению мира

* Предисловие к книге «Внешняя политика России: 2000–2020: в 3 т.» (М., 2012).

и стабильности на международной арене. Многовекторная внешняя политика страны направлена на поиск и освоение полей общемировых интересов по противодействию новым вызовам и угрозам современности: в первую очередь, распространению ядерного оружия, преступной деятельности международного терроризма, попыткам столкнуть мировые цивилизации.

Важной внешнеполитической задачей России является развитие многосторонних межгосударственных связей, особенно в рамках создаваемой евроазиатской структуры.

На различных этапах развития России акценты в ее внешнеполитической деятельности смещались. Нижний временной предел трехтомного исследования российской внешней политики – 2000 год. Однако следует начать с того, какой подошла Россия к XXI веку. В результате реформ, осуществленных псевдолибералами, пришедшими к экономической власти в России в начале 90-х годов, экономика страны потеряла больше, чем во время Второй мировой войны. Разрушению подверглась мощная советская промышленность, был нанесен огромный ущерб научно-техническому потенциалу, антинародный характер приватизации трагически повлиял на положение подавляющей части населения.

Находясь на посту премьер-министра в 1998–1999 годах, я слышал призывы к национализации средств производства, попавших в руки сравнительно небольшой группы олигархов. Но возвращение к командно-административной системе было полностью неприемлемым. России предстояло выбраться из тяжелейшего экономического кризиса, не сходя с рыночных рельсов.

В 2000 году президентом Российской Федерации стал Владимир Путин. Под его руководством была проделана огромная работа по сохранению территориальной целостности страны и выводу ее из пучины девяностых. Этому помог взлет мировых цен на нефть, газ, металлы, богатствами которых обладает наша страна. Однако «оборот-

ной стороной медали» стало вынужденное сидение на нефтяной и газовой игле – значительная часть расходов федерального бюджета покрывалась и покрывается до сих пор за счет экспорта сырья.

Отнюдь не случайно это развернуло внешнюю политику России на активную поддержку зарубежной деятельности, в первую очередь «Газпрома» и «Роснефти», на обеспечение транспортировки нефти и газа основным европейским потребителям по существующим и прокладываемым трубопроводам. На этом этапе особенно выросло значение соглашений с Украиной и Белоруссией по транзиту энергоносителей через территорию этих стран. Важным направлением деятельности внешнеполитических органов стала также диверсификация рынков – ориентация экспорта нефти и газа только на Европу создавала сложную, даже опасную обстановку. Для российского экспорта энергоносителей возросло значение перспективных азиатских рынков.

На Западе Россию часто обвиняют в использовании экспорта нефти и газа в качестве средства внешней экспансии. Это, по меньшей мере, несерьезно. Внешняя политика имела и имеет целью обеспечивать устойчивость российской экономики, социально-политическую стабильность в стране, не нанося никакого ущерба импортерам или тем государствам, по территории которых проходят трубопроводы. Напротив, их заинтересованность в российском экспорте сырья очевидна. Перейдя на систему рыночных отношений, Россия, естественно, заинтересована в прибыльном сбыте своего сырья, но при этом была развернута практика его поставок в страны СНГ по ценам ниже мировых.

В рассматриваемый период отношения России со странами СНГ все больше приобретали экономический характер. Первоначальным планам создания Содружества как модернизированной, с учетом суверенитета его участников альтернативы Советскому Союзу, не суждено

было сбыться. Поэтому такую важность приобрел проект Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, предусматривающий переход к созданию единого экономического пространства этих стран.

Для России, открывшей свою экономику, стало важным развитие внешнеторговых и научно-технических связей с зарубежными странами, привлечение иностранных инвестиций. Большое значение в таких условиях приобрело снятие преград для вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО), которая определяет правила игры на мировых рынках. На это направление была сориентирована внешняя политика, отстаивающая максимально благоприятные условия вступления России в ВТО.

После окончания холодной войны у России больше нет «главного противника». В прошлое ушла реальная угроза вооруженного столкновения двух супердержав. В тоже время, особенно после распада Советского Союза и прекращения существования Варшавского договора, стало контрастно вырисовываться стремление руководства Соединенных Штатов, несомненно, усилившихся в экономическом и военном плане, перейти от биполярной системы к однополярному мироустройству. Такая тенденция особенно остро проявилась в двух случаях применения вооруженных сил США без санкции Совета Безопасности ООН – бомбардировках Югославии в 1998 году и военной операции в Ираке в 2003 году. Стало ясно, что уже после холодной войны Вашингтон не намерен отказываться от инициативного применения военной силы.

Характерно, что несостоятельными оказались мотивы американских военных действий. В Ираке не было найдено – это официально признано США – ни ядерного оружия, ни свидетельств его производства. Не обнаружены были и связи иракского режима с «Аль-Каидой»²⁰. Что касается Югославии, то помню свой телефонный

разговор с вице-президентом США А. Гором, который утверждал, что американские бомбардировки этой страны вызваны якобы «трагедией миллионов албанских беженцев, вытесненных из Косово югославской армией». И это при том, что все население косовской части Югославии – не только албанцы, но и сербы – составляло около 2 млн человек.

Бомбардировки были прямым вооруженным вмешательством США во внутренние дела Югославии. В бытность мою министром иностранных дел мы обсуждали проблемы Косово в контактной группе, где никто, в том числе и госсекретарь США Мадлен Олбрайт, не высказывал сомнений по поводу территориальной принадлежности Косово. Мои разногласия с Олбрайт касались только формулировки для записи в документ: она предлагала назвать Косово частью Югославии, а я – частью Сербии.

Соединенные Штаты, особенно при президентстве Буша-младшего, по советам усиливших свое влияние неоконсерваторов приняли на вооружение доктрину унилатерализма. Согласно этой доктрине, Вашингтон без решения Совета Безопасности ООН и даже согласия своих союзников присваивал себе право осуществлять за рубежом военные акции, если (опять-таки на основе своего восприятия) возникает угроза безопасности США. Нет никаких сомнений в том, что эта доктрина в корне нарушала миропорядок, введенный после Второй мировой войны.

Одновременно было много поводов подозревать США в осуществлении «цветных революций» в ряде стран СНГ, в подготовке аналогичного сценария в отношении России. Все это потребовало от России не отказываться от политики ядерного сдерживания даже после окончания холодной войны. Многие эксперты считают взаимное ядерное сдерживание атавизмом, но пока еще нет четкого представления, чем заменить его в сложившихся условиях на глобальном уровне.

Внешняя политика России – признается это Западом, или нет – осуществлялась и осуществляется в рамках конкретной реальности, складывающейся в мире. Перед Россией, по сути, стояли три альтернативы. Первая – согласиться с американскими действиями, что было абсолютно неприемлемо, так как по оценке Москвы, да и многих других государств, в том числе европейских, такие действия не совместимы со стабильностью и безопасностью в мире. Другая альтернатива – это такие формы несогласия с американской политикой, которые могут означать возврат к холодной войне. Россия избрала третий путь: при категорическом неприятии действий США и НАТО не перечеркивать возможность совместных действий на международной арене против распространения ядерного оружия, а также с целью урегулирования региональных конфликтов.

Известно, что после прихода в Белый дом Барака Обамы было объявлено о перезагрузке отношений США с Россией. Госсекретарь Хилари Клинтон признала существование многополярного мира. Американские неоконсерваторы во многом утратили свое влияние на администрацию. Президент Обама практически отказался от доктрины унилатерализма. Хотелось бы ограничиться этой констатацией. Однако начали происходить события, которые внушают тревогу. Я имею в виду реакцию США и НАТО на обстановку на Ближнем Востоке, складывающуюся под влиянием так называемой «арабской весны». Примитивны выводы, в том числе и некоторых моих соотечественников, о том, что «арабская весна» – революционная волна, охватившая многие арабские страны – дело рук США или их союзников по НАТО. Вначале это было внутренним явлением, порожденным выплеснувшейся наружу ненавистью народных масс, особенно молодежи, направленной против авторитарных режимов, при которых расцветали коррупция и бесправие. Однако вскоре проявилось стремление тех, кто не

участвовал в организации «арабской весны», воспользоваться случившимся и убрать те арабские режимы, которые мешали или были способны помешать осуществлению их планов на Ближнем Востоке.

Первой мишенью стала Ливия. Когда армейские подразделения, верные Муаммару Каддафи, продвигались к центру оппозиционных сил – Бенгази, Советом Безопасности ООН была принята резолюция о закрытии неба над Ливией, чтобы защитить мирное население. Опасаясь большого кровопролития, Россия и Китай не наложили вето на эту резолюцию, полагая, что речь идет о создании условий, препятствующих стремлению Каддафи задействовать свою авиацию против отрядов вооруженной оппозиции. Но мандат, который согласно этой резолюции получил Североатлантический союз, был полностью нарушен. Авиация НАТО наносила удары по наземным силам Каддафи, по его командным пунктам. Попадания были и в невоенные объекты. Росли жертвы среди мирного населения. Фактически начала осуществляться операция по ликвидации существовавшего в Ливии режима, хотя официально, особенно на первых порах, от этого отреклись. Но факт остается фактом.

Прецедент действий НАТО в Ливии очень опасен, особенно с учетом ситуации в Сирии, где не без влияния внешних сил демонстрации против режима Асада переросли в вооруженные действия, ввергнув страну в настоящую гражданскую войну. Позиция России в отношении Сирии заключается в том, что урегулирование, предполагающее демократические изменения, включая характер будущего режима, должно определяться самими сирийцами. Наученные горьким ливийским опытом Россия и Китай воспротивились принятию Советом Безопасности ООН тех резолюций, которые можно трактовать как одобрение внешнего вооруженного вмешательства в Сирию.

Трехтомное исследование, предлагаемое вниманию читателей, включает в себя прогнозные оценки внешней политики России до 2020 года. Собственно говоря, речь идет о предстоящем восьмилетнем периоде, и такая краткосрочность создает почву для реальности прогноза. Хотел бы обратить внимание особенно на два момента. Во-первых, следует отметить, что вступление России на путь широкой модернизации экономики и общественной жизни, безусловно, работает в пользу необходимости расширения и углубления ее международных связей в условиях всеобщего мира, стабильности и безопасности. Это обуславливает направленность ее внешней политики далеко за пределы восьмилетнего срока.

Во-вторых, заинтересованность России, несомненно, будет проявляться в сохранении и продвижении американо-российских переговоров о сокращении ядерных вооружений, а через определенные сроки в подключении к этому процессу Китая, Англии и Франции, а также Индии, Пакистана и Израиля. Создание в конечном счете безъядерного мира требует усилий мирового сообщества по предотвращению выхода Ирана и КНДР на ядерное вооружение.

Прогноз внешнеполитического курса России во многом зависит от взаимопонимания с ее партнерами, в первую очередь с США, и соотношения двух категорий: ценностей и интересов. Такое взаимопонимание имеет прямое отношение к преодолению существующего ныне недоверия между Россией и Соединенными Штатами. Речь идет даже не об идентичном понимании общечеловеческих ценностей – это существует, а о способах их достижения. США, можно считать, склоняются к навязыванию демократических ценностей другим странам. Россия исходит из того, что демократизация общественной жизни и государственного устройства различных стран – внутренний эволюционный процесс с учетом и исторических, и цивилизационных, и социально-эконо-

мических особенностей. Жизнь показывает, что сближение позиций России и США по этому вопросу, к сожалению, дело сложное. Оно требует значительного времени. Вместе с тем уже сегодня необходимо взаимодействие двух стран в деле укрепления международной стабильности и безопасности в мире, и в этой области проявляется совпадение их интересов.

Не меньшее значение имеет понимание пределов воздействия процессов глобализации на государственный суверенитет. Действительно, можно наблюдать, как члены интеграционных объединений отказываются от части своего суверенитета, делегируя его на наднациональный уровень. Однако можно ли считать, что в глобализирующемся мире государственный суверенитет больше не существует и это позволяет осуществлять вмешательство во внутренние дела государств? Хорошо помню те полтора года, начиная с 2003, когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан включил меня в международную группу экспертов («группу мудрецов») с целью подготовить доклад об изменениях, которые в новых условиях необходимо внести в деятельность Организации Объединенных Наций. В процессе долгих дискуссий в этой группе мы пришли к выводу, что следует активно вмешиваться, противодействовать таким явлениям, как, скажем, геноцид на этнической основе, от которого страдают миллионы в различных странах Африки. Даже введенный в правовой оборот термин «несостоявшиеся государства» не должен разрешать иностранное вмешательство во внутренние дела какой-либо страны без согласия Совета Безопасности ООН и тем более использование для этого военных средств.

Правильное понимание соотношения демократии и суверенитета государств – не дань теоретическим построениям. Это требование сегодняшней мировой практики и безусловный показатель, который в немалой степени определяет прогноз развития ситуации в мире.

III. О перспективах интеграционных процессов на постсоветском пространстве*

После распада СССР предпринимался целый ряд попыток найти такие решения и новые формы, которые могли бы уменьшить негативные последствия этого в целом отнюдь не радостного события. Если говорить о перспективах интеграционных процессов на постсоветском пространстве, то я начал бы с ретроспективного критического анализа. Почему оказался нежизнеспособным проект создания СНГ? Одной из причин этого было заложенное в устав СНГ положение о том, что Содружество не обладает наднациональными полномочиями. Это еще раз показало, что в Беловежской пуще²¹ речь шла о создании ширмы для развала СССР. Не буду перечислять принятых и невыполненных решений Содружества. Не буду останавливаться на причинах, по которым оно, несомненно, теряло привлекательность для его членов.

Так или иначе, но объективные и субъективные обстоятельства привели к тому, что встал вопрос о разноскоростной интеграции. Причем, речь шла не о том, чтобы наметить окончательную задачу, окончательную цель – вспомним, что по своему уставу СНГ не обладает наднациональными функциями, – «дорожную карту» достижения этой цели. Реалистичным в создавшихся условиях виделся путь выделения из членов СНГ тех государств, которые были бы способны углубиться в интеграционный процесс и поэтапно пройти его в обговоренные сроки. Не без оснований считалось и считается, что успешность такой модели расширит число тех членов Содружества,

* Выступление на заседании «Большая страна: перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках «Евразийского союза»» 24 ноября 2011 г. (Москва, Совет Федерации).

которые захотят принять участие в разносторонней интеграции.

Первой реальной возможностью осуществить такую модель стала договоренность о создании российско-белорусского Союзного государства. К большому сожалению, следует признать, что эта цель не достигнута. Мы не нашли формы преодоления двух крайностей: включения Белоруссии в состав России или полного равноправия двух сторон в решении всех без исключения проблем Союза, несмотря на огромную разницу в численности населения, в экономическом и научно-техническом потенциалах. Идея создания государства пока на плаву – и это хорошо, но ее осуществление в ближайшее время весьма проблематично.

Иная участь предназначена Таможенному союзу между Россией, Казахстаном и Белоруссией. К его успеху привел прагматичный подход, когда все начиналось не с создания общего государства и даже не с общего экономического пространства, а с определения общей таможенной политики.

Отсюда проложен путь к общему экономическому пространству, обеспечивающему в пределах трех стран свободу передвижения капиталов, рабочей силы. Соответствующие документы уже подписаны, и есть серьезные основания считать, что они будут исполнены.

В это время получила развитие идея Евразийского экономического союза²². Он должен заработать уже в 2015 году. Но прежде предстоит согласовать макроэкономические показатели, тарифы монополий, например, единые транспортные тарифы железных дорог. Венцом может стать единая валюта.

Хотел бы обратить внимание на те причины, которые и на этот раз могут создать преграды в продвижении к намеченной цели. В этой связи необходимо проанализировать практику создания Европейского союза. Сегодня

разразился определенный кризис в этом интеграционном объединении. Очевидны его причины. ЕС разрастался непомерно быстрыми темпами. Считалось, что чем он шире, чем больше участвует в нем стран, тем мощнее будет объединение. А оказалось, что все настоящие беды начались из-за того, что, во-первых, в Союз влилось очень много стран, не сравнимых по своим возможностям с горсткой западноевропейских государств-основателей – Германией, Францией, Великобританией, Норвегией, Швецией и некоторыми другими. Создалась ситуация, когда «респектабельные» члены еврозоны не очень-то хотят стать донорами «нуворишей» в условиях, когда не могут контролировать их суверенную экономическую политику. Во-вторых, Шенгенское соглашение о безвизовом режиме²³, создание валютной еврозоны и другие мероприятия интеграционного характера пришли в противоречие с сохраняющимся суверенитетом стран-участниц ЕС.

Это – экономическое измерение кризиса в ЕС. Наряду с ним существует и другой признак кризиса – неспособность провести первоначально задуманную Конституцию ЕС, в которой была бы зафиксирована необходимость создания политических и военных наднациональных структур.

Помню свой разговор с Гельмутом Шмидтом. Ему за 90, но бывший канцлер ФРГ полностью сохраняет остроту ума и высочайшие профессиональные качества политика. На мой вопрос «что ждет ЕС в будущем?», Шмидт сказал: «Один вариант: сохранение Союза, но при выделении в нем нескольких стран, которые будут занимать, не только формально, но и юридически решающие позиции. Вопреки правам на суверенитет им должны подчиняться все другие члены ЕС. Второй вариант: прекращение деятельности ЕС в нынешнем виде и начало нового процесса интеграции в Западной Европе в не-

большом составе, преимущественно тех стран, которые заложили основу западноевропейской интеграции. В таком случае интеграция будет углубляться и расширяться».

Для нас я бы сформулировал два урока кризиса ЕС.

Первый. Нельзя торопиться с расширением трехстороннего российско-казахстанско-белорусского объединения, которое является базой Евразийского экономического союза. Мы знаем, что в него уже стучатся Киргизия и Таджикистан. Однако все потенциальные участники должны отвечать определенным критериям, и эти критерии следует отрабатывать до, а не после принятия в ЕврАзЭС.

Второй урок. Следует, очевидно, выделить военную составляющую. Интеграция в военной области может и должна не ограничиваться Россией, Белоруссией и Казахстаном даже в ближайшее время. Существует объективная потребность не просто в военном сотрудничестве на региональном уровне, но в конечном итоге в развитии Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Не нужно забывать, что при всех неудачах в продвижении интеграции ЕС в военной области, все страны Европейского союза, с небольшим исключением, входят в НАТО.

Развитие ОДКБ, в свою очередь, не совместимо с примиренческим подходом к тем странам-участницам Договора, которые остаются в стороне от решения главных задач ОДКБ. Чем плотнее состав участников Договора, тем он боеспособнее.

IV. Гуманитарная основа интеграционных процессов на постсоветском пространстве*

Когда мы говорим об интеграционных процессах, то, как правило, темой является сближение государств СНГ. Мне представляется, что не менее важная тема, связанная с интеграцией Содружества, – это надежное единство, – экономическое, политическое, культурное, самой России – преобладающей по своим размерам части постсоветского пространства.

У России единая экономика – это факт и это главное, что сплачивает нашу страну, но у нас еще очень много нерешенных гуманитарных проблем, что разделяет Россию. Без прочной гуманитарной основы неизбежно развитие дезинтеграции, особенно в таком многонациональном обществе как у нас в России. Кстати, рассмотрение на примере России поможет и в постановке этих вопросов в отношении Содружества Независимых Государств.

Давайте смотреть правде в глаза. Безусловно, общая экономика скрепляет сегодняшнюю Россию, однако этого явно недостаточно. Именно гуманитарные нерешенные проблемы раскачивают Россию. Назову некоторые из таких проблем.

Первая. Далеко не отлажено взаимодействие национальных культур. Решением не может быть ассимиляция малых народов, населяющих с незапамятных времен нашу страну. К ним нельзя приходить с мерками, кото-

* Выступление на пленарном заседании интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 19 июня 2012 г.

рые действуют в отношении эмигрантов. Вместе с тем мы все заинтересованы в создании общероссийской культуры как важного средства сплочения общества. Но идти к этой цели можно лишь через диалектический процесс, при котором общероссийская культура создается путем сохранения и развития национальных культур. Незаменима в таком решении роль Министерства культуры России. Досадно, что новый министр начал свою деятельность с высказывания о необходимости переименовать названия улиц, вынести Ленина из Мавзолея. Куда важнее было бы услышать от него, каковы планы по достижению культурного сближения российских народов.

Может быть, кто-то думает, что общероссийскую культуру можно создать за счет централизации. Это приведет к тупику. Российская идентичность, российская культура могут создаваться только при бережном отношении к национальным культурам. В советское время этому уделялось куда большее внимание, и мы получили плеяду великих общероссийских – подчеркиваю это слово: общероссийских – писателей, поэтов, художников, музыкантов. Их творения были объединены в единую культуру. Где сегодня такие писатели, поэты, композиторы, художники? Неужели столь обеднели в культурном отношении народы, населяющие современную Россию? Дело, конечно, не в этом. У нас практически пропал интерес к развитию межкультурных отношений. Часто ли мы видим спектакли национальных театров, музыкальных коллективов, выставки художников из национальных областей России?

Вторая проблема. В диалектическом процессе создания общероссийской культуры через сохранение и развитие национальных культур особое место принадлежит русской культуре. Дело не только в том, что русские составляют преобладающую часть населения страны. Русская культура, русский язык, несомненно, имели перво-

степенное значение в гуманитарном развитии всех народов нашей страны. Не говоря уже о том, что без переводов на русский язык многие национальные поэты, писатели оставались бы малоизвестными, их талант не обогатил бы человечество.

Третья проблема. Взаимная терпимость к различным религиям народов России. В советское время это обеспечивалось атеистической пропагандой и антирелигиозной практикой. В современной России этого нет и быть не может. Между тем нужно констатировать, что происходит общий прилив религиозности – возможно, это реакция на антирелигиозную практику советских времен.

С учетом религиозной структуры населения России в настоящее время особое значение приобретает отношение к людям, исповедующим ислам. Враждебное отношение к ним, несомненно, сыграло бы на руку сепаратистским силам. Мне представляется, что нужно делать значительно больше для того, чтобы кучка исламских террористов не ассоциировалось в нашем народе с мусульманством в целом.

Большое значение имеют средства массовой информации. Думаю, что погоня за сенсациями в этом плане должна быть исключена самоцензурой журналистов. Безудержный показ в течение многих дней хулиганствующих девиц в Храме Христа Спасителя или бездумное тиражирование, пусть даже критическое, но тиражирование отвратительного заявления, что если в Москве не будет введен шариат, то город зальется кровью, – все это раскачивает нашу общую лодку в сегодняшнем отнюдь не спокойном мире.

Хотел бы сказать в заключение, что сегодняшнее рассмотрение гуманитарной основы интеграции показательно: Совет Федерации начинает, по существу, превращаться в орган, призванный представлять интересы многонациональной России.

V. Вступительное слово на заседании «Меркурий-клуба»*

Ни для кого не секрет, что сегодняшнее обсуждение на заседании «Меркурий-клуба» имеет весьма актуальное значение. Вступление России в ВТО²⁴ – событие перво-степенной важности, и широкое обсуждение в обществе этого события вполне закономерно. В этой связи возникает ряд вопросов.

Первый: была ли реальная альтернатива вступлению России в ВТО? Дело в том, что ее как раз нет. Перевод нашей экономики на рыночные рельсы обусловил ее открытие. Экономика России стала частью мировой экономики. Возращение к изоляционизму невозможно.

Страны мира, в том числе и Россия, показывают рост внешней торговли, обгоняющий рост ВВП. Это общая тенденция не может быть развернутой вспять. Следовательно, Россия не может абстрагироваться от существования или игнорировать Всемирную торговую организацию, через страны которой проходит около 95 % мировой торговли, и которая диктует правила поведения на мировых рынках.

Второй вопрос: можно ли было подождать со вступлением в ВТО, отнести его на более поздний срок? Напомним, что переговоры о вступлении России в эту организацию шли 18 лет, и шаг за шагом удалось снять сопротивление со стороны ряда стран, занимавших негативную, а подчас и враждебную позицию в отношении нашей страны. В условиях консенсусного приема в ВТО, т. е. необходимого для этого согласия всех членов организации, а их до вступления России было 155, пришлось маневрировать, проводить долгие и серьезные переговоры,

* Вступительное слово на заседании «Меркурий-клуба» 11 октября 2012 г. (Москва, ЦМТ).

осуществлять политические демарши. Когда этот путь уже пройден, можно ли было искусственно затормозить вступление России в ВТО, а это предполагало бы необходимость начинать всю политическую кампанию сначала? Конечно, нельзя идти на такие издержки и риски.

Третий вопрос: многого ли Россия добилась во время восемнадцатилетнего переговорного марафона о вступлении в ВТО? Сравним некоторые первоначальные требования, предъявленные России, с той схемой, на которую согласились наши партнеры по переговорам. Первоначально России предлагали обеспечить иностранным компаниям доступ к добыче природных ресурсов, к транспортировке нефти и газа по трубопроводам. В конечном итоге была достигнута договоренность, что регулирование доступа к ресурсам и их освоению будет и далее определяться российским правительством и законодательной властью. В начале переговорного процесса от России требовали полного открытия рынков банковских и страховых услуг. По итогам переговоров Россия добилась установления квоты на участие иностранного капитала в банковской и страховой системе страны. Ряд членов ВТО настаивали на обнулении импортных пошлин на ввоз самолетов, автомобилей. Россия взяла обязательства не на обнуление, а на снижение пошлин, но в течение семи лет. Следует добавить, что обязательства Российской Федерации в области сельского хозяйства отличались от стандартных, принимаемых другими странами, присоединяющимися к ВТО.

Известно также, что Россия входит в десятку наиболее дискриминируемых государств, в отношении которых применяются защитные меры в целях ограничения доступа экспортируемых ими товаров. В отношении российских товаров действовало почти 100 различных ограничений. Ратификация Россией соглашений по ВТО означает автоматическую отмену некоторых ограничительных мер по российскому экспорту. В этом списке – сталь, алкогольная продукция, спутниковые услуги, стра-

хование. На следующем этапе будут сняты еще 92 ограничительные меры.

Четвертый вопрос: не сократятся ли возможности экономического роста России и особенно развития внешней торговли после вступления в ВТО с учетом того, что уровень производства не позволяет нам свободно конкурировать с иностранными производителями? Приведу конкретный пример Китая, который уже 11 лет состоит членом ВТО. После 2001 года, когда Китай был принят в эту организацию, его ВВП вырос в 4 с лишним раза, внешняя торговля – в 7 раз, объем прямых иностранных инвестиций – в 2 с лишним раза. После вступления в ВТО из Китая за рубеж пошли большие объемы инвестиций. За 11 лет после вступления Китая в ВТО страна превратилась в одну из самых мощных экономик мира. По объему внешней торговли Китай вышел на второе место в мире. В то же время следует отметить, что за годы членства в ВТО внесены поправки в более чем 3000 китайских законов и нормативных актов, а средний уровень таможенных тарифов снизился с 15,3 % до 9,8 %.

Следующий вопрос: запрещает ли ВТО протекционизм для стран, вступивших в эту организацию? Практика показывает, что речь идет не о запрете протекционизма как такового, а об ограничении его методов и адаптации этих методов к правилам ВТО. Конечно, будет все это делать труднее – потребуется приложить для этого больше ума.

Все это так. Однако нельзя пройти мимо того, что присоединение к ВТО способствует увеличению импорта и углублению конкуренции на отечественном рынке. Некоторые наши производители будут поначалу в нелегком положении. Для отдельных предприятий и отраслей ситуация может оказаться достаточно сложной. В тяжелом положении могут оказаться и некоторые регионы, где пострадают системообразующие предприятия.

Все это требует от предпринимателей необходимости приспособливаться к новым условиям. Для нашего биз-

неса сужается возможность лоббирования в органах власти решений по усилению различных форм государственной поддержки – это факт. Но в таких условиях наш бизнес должен сделать упор на рост производительности труда, снижении издержек, повышении конкурентоспособности товаров и услуг. Как показывает российская практика, в настоящее время это происходит в минимальных размерах.

Вместе с тем без продуманной, целеустремленной государственной промышленной и аграрной политики с учетом норм ВТО не обойтись. Необходимо, прежде всего, провести исследование, как в полной мере использовать выделенный при нашем вступлении в ВТО срок для адаптации, а также научиться маневрировать, уже находясь в ВТО, как это делают многие страны – участницы этой организации.

Нужно прямо сказать, что успех адаптации российской экономики к принятым правилам ВТО, масштабы и эффективность маневрирования в рамках этих правил для защиты отечественного производителя непосредственно зависят от государственных финансовых возможностей. Еще контрастнее, чем раньше, обозначаются две проблемы: следует ли, как считают многие в правительстве, рассматривать в качестве первостепенной задачи безотложное покрытие дефицита бюджета, и какую часть тех значительных средств, которые Россия получает от экспорта нефти, следует вкладывать в иностранные ценные бумаги. Конечно, необходимо, в конце концов, сделать бюджет профицитным, но разве не ясно, что многие страны успешно развиваются с куда более дефицитным бюджетом, чем наш? Естественно, следует быть готовыми к возможной второй волне кризиса, но разве не понятно, что солидная часть средств, получаемых от экспорта нефти, могла бы быть направлена не в резервный фонд, а в расходную часть федерального бюджета? По словам министра финансов, за три года – 2013, 2014 и 2015 – Минфин намерен отчислять в Резервный фонд

все доходы, получаемые при цене нефти выше 91 американских долларов за баррель. В сумме эти доходы составят 1 трлн 753 млрд рублей. Представляете, если бы солидная часть этих средств была использована на государственные инвестиции. Минфин считает, что Резервный фонд должен составлять 7 % ВВП. Минэкономики предлагает другую цифру – 5 % ВВП. Хотелось бы вообще получить не гадание на кофейной гуще, а обоснование необходимости той суммы, которая должна быть накоплена «на всякий случай».

Ожидаемое после присоединения к ВТО усиление конкуренции нужно использовать для ускорения структурной перестройки российской экономики. Особое внимание необходимо уделить поддержке моногородам, которые могут быть наиболее уязвимыми. Кстати, такая поддержка предусматривается правилами ВТО в отношении депрессивных регионов.

В целом, наше вступление в ВТО – это не окончание, а начало процесса.

VI. Значение российско-американского сотрудничества не может быть второстепенным*

Со многими положениями, высказанными моим коллегой Генри Киссинджером, я согласен. Так же как и Генри, я считаю, что после окончания холодной войны должна уйти в прошлое задача российско-американского ядерного сдерживания, базировавшаяся на устрашаю-

* Выступление на заседании Санкт-Петербургского экономического форума «Геополитические вызовы XXI века» 21 июня 2012 г.

щей возможности ядерного уничтожения потенциального противника. Как и Генри, я считаю, что распространение ядерного оружия открывает перспективу того, что оно попадет в руки экстремистов. Растет возможность применения ядерного оружия как в региональных конфликтах, так и террористами.

Что нужно делать в таких условиях?

Прежде всего, вести дело к сокращению ядерных вооружений. Мы приближаемся к тому моменту, когда это уже не может происходить только на российско-американской основе. Необходимо участие в этом процессе Китая, Великобритании и Франции.

А как противодействовать распространению ядерного оружия? Нужно признать, что ДНЯО²⁵ не стал панацеей против этого. Нужны новые идеи. Одна из них не совсем новая, но очень важная и явно требующая к себе гораздо большего внимания в нынешней обстановке – это упор на создание безъядерных зон. Необходимость создания безъядерных зон весьма актуализирована тем, что в наиболее опасных с точки зрения конфликтности районах – на Ближнем Востоке и на Корейском полуострове уже существуют так называемые неофициальные ядерные государства. Я имею в виду Израиль и КНДР. Какими бы мотивами не прикрывалось наличие ядерного оружия у Израиля и Северной Кореи это становится побудителем создания ядерного оружия и другими странами регионов. Особенно острая ситуация наблюдается на Ближнем Востоке. Если Иран примет политическое решение о производстве ядерного оружия, то в конце концов это приведет к его распространению и в тех арабских странах, которые опасаются иранской экспансии. Кстати, создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке может стать действенным средством воспрепятствования ядерному вооружению Ирана.

Думаю, что у США, России, европейских государств, Японии, Южной Кореи, Австралии и других существует

немало возможностей воплотить в жизнь идею безъядерных зон. Конечно, если ратующие за это страны будут честно взаимодействовать и добиваться сбалансированного подхода.

А теперь о том, что мешает отказаться от дальнейшего сокращения ядерного оружия, постепенного строительства безъядерного мира. Первое и основное – это создание Соединенными Штатами глобальной системы ПРО с элементами в непосредственной близости от российских границ. Известно, что США отрицают корреляцию между двумя процессами: с одной стороны, развитием ПРО, а с другой стороны, стратегических ракетно-ядерных сил. Понятно, что ПРО предназначено для защиты от ракет, несущих ядерные заряды. Но нельзя при этом умалчивать, что в условиях все еще сохраняющегося ядерного сдерживания совершенствование такой защиты будет подталкивать Россию к развитию ракетной техники, способной обойти американскую ПРО. Это не что иное, как возвращение к гонке вооружений. Нам этого категорически не нужно. Но может быть, уважаемый Генри, кое-кто в США именно стремится к гонке вооружений, чтобы обескровить Россию? Может быть, они хотят в этом плане повторить опыт с Советским Союзом? Но прагматичным политикам, к которым Вы, я уверен, принадлежите, должно быть ясно, что ныне ситуация другая. Советский Союз вынужден был из последних сил добиваться, и он этого добился, – паритета в ракетно-ядерном вооружении с Соединенными Штатами. А Россия в настоящее время уже не будет идти почти с нулевой отметки. Хотя повторю еще раз: мы не хотим гонки вооружений, понимая, что помимо огромных затрат, это способно нанести серьезный ущерб российско-американским отношениям в целом.

Не только нам – всему миру необходимо последовательное развитие отношений между нашими странами. В этой связи перечислю ряд проблем.

Борьба с международным терроризмом. Вырисовывается уже не абстрактный, а вполне конкретный сюжет. США, как известно, после трагедии 11 сентября 2001 года, объявив войну терроризму, ввели войска в Афганистан. Мы поддержали в этом Соединенные Штаты. Объявлено, что через два года войска будут выведены из этой страны. Есть основания считать, что талибы вновь превратят теперь уже весь Афганистан в рассадник международного терроризма. Это таит в себе опасность выхода террористов на границы с бывшими среднеазиатскими республиками СССР. Нужно, я считаю, договариваться, в первую очередь России, США и Китаю, о мерах на тот случай, если разовьется такая тенденция.

Далее. Возможна вспышка на Ближнем Востоке, где результаты «арабской весны» на смене сезонов оказались перехваченными теми силами, которые могут отбросить назад перспективу арабо-израильского урегулирования. Не менее опасна готовность Израиля ударить с воздуха по ядерным объектам Ирана, что приведет к непредсказуемым угрожающим последствиям не только в этом регионе.

Сотрудничество наших стран необходимо в борьбе с наркотрафиками. Это и Афганистан, это и Латинская Америка, и это миллионы искалеченных жизней.

Наше сотрудничество в технико-технологической области может создать лучшие условия жизни людей. К списку российско-американского взаимодействия можно было бы добавить ряд других важных тем.

Я ни в коей мере не сторонник рассуждений о том, что российско-американские отношения должны стать стержнем развития современного глобализирующегося мира. Есть еще и наращивающий экономические мускулы Китай. Есть еще и Европейское экономическое сообщество, которое, надеюсь, преодолет тяжелый этап своего существования. Есть еще и другие центры многополярного мира. Но значение сотрудничества двух наших стран не может быть второстепенным.

VII. Национальные интересы России в Арктике*

Сегодня на заседании «Меркурий-клуба» мы обсуждаем одну из важных комплексных проблем, имеющую большое значение для обеспечения национальных интересов России.

Прошло 5 месяцев с того времени, когда вопросы реализации государственной политики в Арктике были рассмотрены на Совете Безопасности России. Хотелось бы сегодня услышать не только и не столько о значении региона Арктики для нашей страны. Я думаю, что участники нашего заседания достаточно хорошо осведомлены об этом, и доказывать друг другу общеизвестную истину, согласитесь, не очень логично.

Однако следовало бы рассмотреть, что уже делается для реализации нашей политики в Арктике, на что нужно обратить особое внимание и как видится разворот нашей политики в Арктике на будущее.

В этой связи хотел бы затронуть несколько тем. Не выстраиваю их иерархию, так как считаю, что каждая из них играет очень большую роль в нашей арктической политике.

Первая проблема. Оформление на основе международного права внешней границы континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане. Ряд успехов в этой области достигнут. Так, пленум Комиссии ООН по континентальному шельфу России согласился с нашими доводами по расширению российского континентального шельфа на Охотском море за счет той части,

* Выступление на заседании «Меркурий-клуба», посвященном проблемам и перспективам эффективного освоения и развития арктической зоны и прилегающих регионов России, 8 октября 2014 г. (Москва, ЦМТ).

которая ранее считалась открытой. Но на этом нельзя ставить точку. Необходима постоянная, кропотливая работа на двустороннем и многостороннем уровнях с правительствами приарктических государств, отстаивание наших прав на другие участки континентального шельфа. Хотелось бы услышать мнения участников сегодняшней встречи, что конкретно можно сказать по этому поводу.

Вторая проблема – следует констатировать некоторые успехи в возрождении Северного морского пути. Но предстоит сделать гораздо больше того, что уже достигнуто. Речь идет о нарастающем строительстве атомных и дизельных ледоколов, о совершенствовании систем навигации и связи на всем протяжении Севморпути. Мы все знаем, что Россия переживает этап экономических трудностей, что наш бюджет очень напряжен. Но особое внимание к развитию Северного морского пути имеет не только экономическое, но приобретает все большее политическое значение. Если иностранные судовладельцы будут заинтересованы в том, чтобы их суда шли по Севморпути под нашим флагом – это будет еще одним шагом, противодействующим планам изолировать Россию.

Третья проблема – освоение ресурсов, особенно энергетических ресурсов арктической части Российской Федерации, естественно включая разработку ресурсов на нашем континентальном шельфе. Работа в этом направлении начата. Вдохновляющим примером служит разведка крупного месторождения нефти и газа на нашем шельфе в Карском море. Месторождение названо «Победа». Это победа, в том числе и с учетом того, что разведка произведена в сотрудничестве «Роснефти» с «Exxon Mobil». Однако стало известно, что дальнейшее сотрудничество с этой американской компанией будет отложено из-за санкций. А это означает, что на определенном этапе нам придется вести расширение разведывательной работы и промышленной добычи на наших северных

шельфах практически в одиночку. Это важное обстоятельство должно учитываться, так как под санкции попал экспорт в Россию оборудования для глубинного бурения, в том числе для добычи нефти и газа на шельфе. В создавшихся условиях особое внимание следовало бы уделить импортозамещению, нацелив на решение этой задачи, в первую очередь, как представляется, наш ОПК. Конечно, мы заинтересованы в иностранных инвестициях в разработку полезных ископаемых Арктики. Нужно прилагать все усилия для того, чтобы интересы иностранных компаний, в первую очередь крупных, возобладали над антироссийскими санкциями.

Четвертая проблема – это укрепление военной инфраструктуры в арктическом регионе. В первую очередь восстановление заполярных аэродромов и военной базы на Новосибирских островах. Без арктической составляющей трудно рассчитывать на усиление обороноспособности России и вообще, особенно с учетом сложившейся военно-политической обстановки в мире, на сохранение России как мировой державы.

Пятая проблема – это реальное социально-экономическое развитие арктической зоны России. Поставленная президентом задача правительству предусмотреть полноценное финансирование программы, начиная с 2017 года, отнюдь не означает пассивности в социально-экономическом развитии этого региона в предстоящие два года, особенно на организационно-административном уровне. Что нужно сделать для этого в первую очередь?

Естественно, необходимы научно-исследовательские работы, включая мониторинг климатического и экологического влияния Арктики на мир в целом. Кстати, это тоже площадка для совместной работы, главным образом приарктических государств. Разрешите этим перечислением проблем, которое, естественно, может быть продолжено выступающими, завершить мои вводные к нашей дискуссии замечания.

VIII. Конкурентоспособность российского бизнеса на международных рынках*

Конкурентоспособность российского бизнеса на международных рынках следовало бы разделить на два вида. Первый – конкурентоспособность российской внешней торговли, иными словами, конкурентоспособность российских товаров на внешнем рынке. Второй – конкурентоспособность российских компаний, инвестирующих свои капиталы на внешних рынках. Остановлюсь на конкурентоспособности российской внешней торговли.

Конкурентоспособность российских товаров в основном зависит от их качества и цены. Для привлекательно-го качества промышленных товаров особое значение имеют их технико-технологические характеристики. Нужно, как мне представляется, начать с создания условий внутри России, которые будут способствовать таким качественным характеристикам. Уповать на конкуренцию производителей наших товаров как на локомотив технико-технологического прогресса, к сожалению, не приходится. Отчисления российских компаний в НИОКР в разы меньше зарубежных. Чисто рыночный механизм такую ситуацию не изменит. Тем более что практически во всех отраслях российской промышленности и в торговле господствует монополизм.

Не способствует привлекательности российских товаров на внешних рынках и их цена. Прошел век российской дешевой рабочей силы, да и относительной дешевизны извлекаемости нефтегазовых природных богатств,

* Выступление на конференции «Конкурентоспособность российского бизнеса на международных рынках» 30 сентября 2014 г. (Москва, ЦМТ).

которые составляют основную часть российского экспорта. От всего этого нельзя абстрагироваться. Поэтому, в первую очередь, следует иметь в виду внутренние преобразования в производстве товаров и услуг, повышение организующей роли государства в виде продуманной промышленной политики, направленной, в том числе, на изменение структуры нашей экономики. Раньше мы вообще не поднимали эту тему. Теперь о необходимости промышленной политики говорится на каждом шагу, но эта идея до сих пор не реализована.

Актуальным сегодня становится вопрос: может ли процесс импортозамещения содействовать конкурентоспособности российских товаров. Может, но при следующих условиях. Во-первых, если при импортозамещении на первый план будет не только выдвинута, но и решена задача технико-технологического развития. Во-вторых, если импортозамещение не превратится в ограничение, а подчас и вовсе в запрет доступного нам импорта. А такая тенденция проявляется. Достаточно привести в виде примера постановление правительства от 14 июля 2014 года о полном запрете импорта, кроме как из стран – наших партнеров по Таможенному союзу, целого ряда изделий машиностроения для осуществления государственных и муниципальных нужд. Речь идет не об импортозамещении продукции, попавшей под санкции, которые ввели против России, а вообще об отказе от импорта ни мало ни много по 66-ти позициям машиностроения. Разве не понятно, что сам процесс импортозамещения затянется на ряд лет, и если хотя бы в этот период государственные и муниципальные нужды не будут покрываться, в том числе за счет импорта, то это не будет способствовать защите интересов государственного и муниципального строительства.

Альтернативой такому запрету является усиление контроля над закупками иностранных товаров, где господствуют «откаты», коррупция. Это, с одной стороны.

А с другой – прекращение импорта неизбежно скажется на качественных характеристиках производимых аналогов такой продукции у нас в стране. Импортозамещение, необходимость которого вызывается не только санкциями, но и неприемлемо высоким уровнем импорта в нашем потреблении, не должно идти вразрез с законами глобализации, изолировать российскую экономику от объективных мировых процессов.

В этой связи несколько слов о тех призывах, которые звучат, в том числе от наших депутатов, о выходе России из ВТО. Такое решение возможно лишь в случае принятия курса на изоляционизм и уверенности в вечности тех санкций, которые ввели против нас. Я не считаю такие прогнозы обоснованными. Это отнюдь не означает отрицания необходимости действий по адаптации российской экономики к условиям членства России в ВТО. Президент 18 сентября поручил правительству разработать и утвердить план действий по нивелированию рисков для секторов экономики.

Несколько слов о государственной поддержке экспорта. Акцент должен быть сделан на стимулировании экспорта продукции с высокой степенью обработки. Как не вспомнить, что в 90-е годы правительство вообще отказалось от поддержки наиболее развитых отраслей промышленности – ОПК, авиастроения, судостроения, атомной энергетики, химической промышленности. Можно ли в таких условиях говорить о поддержке в 90-е годы экспорта продукции этих продвинутых предприятий?

Положение мало изменилось, несмотря на создание в середине 90-х Российского экспортно-импортного банка и Межведомственной комиссии по стимулированию промышленного экспорта. Эти институты фактически не работали. В дальнейшем была обозначена, но практически по многим причинам весьма ограничена реализация двух механизмов поддержки промэкспорта. Это – субси-

дирование процентной ставки по экспортным кредитам и предоставление экспортно-государственных гарантий. Однако вопрос господдержки экспорта, естественно, значительно шире, и необходимо основательно продумать механизмы, в частности, обеспечивающие поддержку экспорта малого и среднего бизнеса, маневрирования в условиях нашего участия в ВТО и так далее.

Таковы некоторые проблемы, которые я хотел затронуть в отведенное для выступления время.

IX. О месте Балкан в создании нового миропорядка*

Ретроспективный взгляд на историю убеждает в том, что Балканы были регионом, занимавшим особое место в жизни России. Вскользь упомяну, что черногорские княжны, которые вращались в высших кругах Санкт-Петербурга, познакомили с царской семьей Григория Распутина. Он, как известно, сыграл сутобо отрицательную роль в предреволюционной России. Конечно, этот эпизод не может перечеркнуть полезные связи россиян с братскими православными народами, населяющими Балканы.

Если говорить о воздействии народов Югославии на историческое развитие в XX веке, то считаю, что преуменьшен вклад югославских партизан в разгром фашизма во время Второй мировой войны. Недостаточно упоминается и о роли Югославии в создании движения неприсоединения, т. е. третьей силы, которая сделала очень многое, чтобы две супердержавы не перешли черту

* Выступление на Международной конференции «Россия и Балканы – 300 лет» 17 октября 2011 г. (Черногория).

ядерной конфронтации. Не секрет, что и Россия, в свою очередь, оказала серьезное влияние на исторические судьбы балканских народов и государств. Такая взаимозависимость имела глубокие корни – в истории, религии, совместной борьбе против османского ига, за самоопределение и независимость балканских стран.

Но мне хотелось бы остановиться в своем выступлении на событиях не вчерашнего, а сегодняшнего дня, а точнее, на месте, которое занимают Балканы в создании нового миропорядка.

После окончания холодной войны начался переход от биполярной к многополярной системе. Переход этот оказался не гладким. На пути объективных процессов, создающих многоцентричный мир, выявилось субъективное стремление Соединенных Штатов к однополярному мироустройству. В двух случаях при попытке установить однополярный мир была применена военная сила. В первом случае в 1999 году мишенью для бомбардировок была избрана Югославия, не подчинившаяся требованию вывести спецназ из Косово, общепризнанной в то время части страны. Во втором случае с целью создания однополярного мира была осуществлена в 2003 году американская военная операция в Ираке.

Обе эти военные акции были предприняты в обход Совета Безопасности ООН, без его санкции. Таким образом, в международную обстановку уже после окончания холодной войны США вписали военный элемент, пользуясь тем, что они приобрели положение самой сильной в экономическом и военном плане державы.

Операции против Югославии и Ирака имеют еще, по крайней мере, две совпадающие черты. Во-первых, предлогом для применения силы были вымышленные причины. В Ираке мотивом операции стали сфальсифицированные данные о тайном производстве ядерного оружия и наращивании связей с террористической организацией «Аль-Каида». Уже на начальном этапе оккупа-

ции Ирака Вашингтон был вынужден открыто признать несоответствие мотивов своего вторжения с иракской действительностью – не были обнаружены свидетельства производства ядерного оружия и связей иракского режима с «Аль-Каидой».

Что касается Белграда, то в его адрес было брошено обвинение в геноциде албанцев, населяющих часть Югославии – Косово и Метохию. Узнав о принятом Вашингтоном решении о бомбардировке Сербии и Черногории – в то время был председателем правительства России, я прервал свой официальный визит в США. С борта самолета, так и не долетевшего до Вашингтона, связался по радиации с вице-президентом США Альбертом Гором. Мотивируя решение о бомбардировках, он пытался убедить меня, ссылаясь на то, что «миллионы беженцев вынуждены покинуть Косово». Такая гипербололизация была нужна США для оправдания своих действий. Как известно, все население Косово составляет менее 2 миллионов человек, включая сербов. Откуда взялся «миллион» бежавших – пусть остается на совести вице-президента США.

Обе эти операции – против Югославии и против Ирака – не только инициировали Соединенные Штаты, но практически осуществили их сами, причем в условиях, когда у ряда американских союзников были несовпадающие с Вашингтоном мнения о необходимости применения военной силы. Через два года после американских бомбардировок Югославии, будучи в то время руководителем фракции «Отечество – вся Россия» в Государственной Думе, я сопровождал президента Путина в его поездке в Германию. Во время визита Путина состоялась его встреча с бывшим федеральным канцлером Гельмутом Колем. Присутствуя на этой встрече, слышал, как Коль сказал, что если бы был в то время канцлером, никогда не допустил бы бомбардировок и ракетных уда-

ров по Югославии. Он назвал эти действия «величайшей исторической ошибкой».

Косвенным подтверждением, что не все в НАТО безоговорочно поддерживали США в момент воздушных ударов по Югославии, был телефонный звонок ко мне президента Франции Жака Ширака. Он предложил полететь в Белград и получить от Слободана Милошевича сигнал, как сказал Ширак, «о любых уступках, чтобы прекратить бомбардировки». При этом президент Франции сослался на свой разговор с президентом США Клинтоном. В Белград со мной прилетели министр иностранных дел России, министр обороны России, руководители Службы внешней разведки и Главного разведывательного управления Генштаба. Слободан Милошевич в результате многочасовой беседы принял ряд мер, включая заявление о согласии на возвращение беженцев, готовности начать переговоры с Приштиной о будущем Косово. Мы довели все это до канцлера Герхарда Шредера, который был в то время председателем Европейского Союза. Но он, опять-таки сославшись на президента США, сказал, что решения Милошевича недостаточны для прекращения бомбардировок.

Так подтвердились наши наихудшие предположения о том, что бомбардировки Югославии служили цели продемонстрировать готовность США применить военную силу для вовлечения сопротивляющихся стран в орбиту своей однополярной гегемонии. Таким образом, балканская страна стала первым объектом вооруженных действий США с целью развернуть вспять процесс многополярного мироустройства, подменив его однополюсным миром.

После прихода в Белый дом Барака Обамы положение начало меняться. Госсекретарь США Хиллари Клинтон признала существование многополярного мира. Американские неоконсерваторы, лозунгом которых после холодной войны было создание однополярного мироуст-

ройства во главе с США, во многом потеряли свое влияние на администрацию Обамы. Нынешний американский президент, не отказываясь от лидерства США в мире, стал строить американскую внешнюю политику, стремясь заполучить в союзники европейские страны и нейтрализовать государства, которые не разделяют взглядов Соединенных Штатов на те или иные события в мире.

Хотелось бы ограничиться этой констатацией. Однако начали происходить события, которые внушают тревогу. Я имею в виду действия НАТО в Ливии. Когда армейские подразделения, верные Муаммару Каддафи, продвигались к центру оппозиционных сил – Бенгази, Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1973 о закрытии неба над Ливией. Провозглашена цель резолюции: защитить мирное население. Опасаясь большого кровопролития, Россия и Китай не ветировали эту резолюцию, полагая, что речь идет о создании условий, препятствующих задействию Каддафи своей авиации в разгоравшейся гражданской войне. Но мандат, который согласно этой резолюции получил Северо-Атлантический союз, был полностью нарушен. Авиация НАТО наносила удары по наземным силам Каддафи, по его дворцам и командным пунктам. Попадания были и в невоенные объекты. Росли жертвы среди мирного населения. Фактически начала осуществляться операция по ликвидации существовавшего в Ливии режима.

Не хочу восприниматься как защитник Каддафи, который в течение многих десятилетий, будучи у руля власти в Ливии, беспощадно расправлялся с теми, кто смел ему перечить, ввел диктаторский режим в стране. В свое время Каддафи поддерживал терроризм, одной из жертв которого стал американский пассажирский самолет, взорванный над Локерби²⁶. Одним словом, ливийский лидер, мягко говоря, не пользовался симпатиями даже после того, как перестал поддерживать терроризм и взял курс на сближение с Западом. Однако все это вовсе не

означает, что можно игнорировать мандат, полученный от Совета Безопасности ООН, и открыто примыкать к одной из сторон в гражданской войне, охватившей государство – члена Организации Объединенных Наций.

Прецедент действий НАТО в Ливии очень опасен, особенно для тех регионов и стран, где накалена обстановка и политика которых не удовлетворяет запросам НАТО. Если с этой точки зрения обратиться к Балканам, то, как мне представляется, потенциальная угроза в разжигании межэтнических и межрелигиозных конфликтов существует сегодня главным образом в Косово и в БиГе. В Косово уже произошли вооруженные столкновения между натовскими силами KFOR и проживающими в северной части Косово Метохии сербами. Причем, натовские силы выступили на стороне Приштины, которая намеревается отгородить косовских сербов от Сербии и ввести таможенную линию на ныне не существующей границе. В сентябре этого года министр иностранных дел России Сергей Лавров встретился с генеральным секретарем НАТО Андерсом Расмуссенем. В беседе наш министр затронул ситуацию в Косово. Характерно, что при этом он категорически возразил тем, кто считает, что Ливия может стать «моделью на будущее». Нет, как говорится, дыма без огня.

Одним из реальных стало противоречие сегодняшнего дня – между правом народов на самоопределение и территориальной целостностью государств. Немалую роль это противоречие сыграло в распаде Советского Союза и Югославии. В случае Советского Союза при всех сложностях удалось избежать крови при выходе из СССР союзных республик. Распад Югославии произошел через череду войн. Однако выход Черногории из Югославии произошел не военным, а политическим путем и завершился образованием самостоятельного государства. Это, в первую очередь, большая заслуга двух народов.

Но на Балканах все еще сохраняется взрывоопасная ситуация, порожденная распадом Югославии. С принятием Дейтонского соглашения 15 лет тому назад²⁷, казалось бы, удалось построить государственную структуру в Боснии и Герцеговине, которая состоит из Республики Сербской, мусульманско-хорватской федерации и независимого округа Брчко. Однако, по мнению многих экспертов, эта государственная структура неустойчивая. Хорваты стремятся к автономии. Республика Сербская постоянно борется за восстановление своих прав, которые у нее отбирает Высокий представитель. Он должен был, по сути, наблюдать за выполнением мирных договоренностей, а на самом деле взял на себя функцию верховного правителя БиГ. В 2006 году Республика Сербская отказалась выполнять предписания, согласно которым, по сути, ликвидируется ее автономный статус, задекларированный Дейтонским соглашением.

Я опасаясь того, что тень ливийской операции НАТО может лечь на Балканы. Этот сценарий не такой уж нереалистичный, и необходимы поиски решений для того, чтобы он не был осуществлен.

Россия занимает принципиальную позицию в отношении «болевых точек», которые до сих пор дают о себе знать после распада Югославии.

1. Россия не признает независимости Косово и Метохии, считая этот край органичной частью Сербии. Но хочу добавить от себя лично, так как уже много лет не представляю российское руководство. Если Запад приветствует выделение из Сербии Косово, так как населяющие его албанцы требовали независимости, то почему с той же меркой нельзя подойти к компактно проживающему сербскому населению северной части Косово и Метохии, где, кстати, находятся православные святыни, от которых не отказывается и не может отказаться Белград. Иными словами, зачем отворачиваться от, казалось

бы, реальной возможности избежать взрывоопасной обстановки путем раздела Косово?

2. Россия выступает против превращения БиГ в унитарное государство, не считая это развитием Дейтонского соглашения, основная ценность которого как раз в том, что оно выстраивало модель суверенных отношений трех народов, населяющих БиГ. Если говорить о развитии Дейтонского соглашения, то, очевидно, следует в рамках БиГ укреплять суверенные права боснийских сербов, боснийских хорватов и боснийских мусульман. Другие пути приведут к кровопролитию.

3. Хотел бы к сказанному добавить еще одну черту российской политики в отношении Балкан. Те, кто думают, будто Россия выступает против вхождения балканских стран в Европейский союз, вольно или невольно извращают ее позицию. В Москве отлично понимают те причины, которые влекут балканские страны в ЕС. Вместе с тем Россия стремится к тому, чтобы участие в ЕС не ослабляло наши связи с балканскими странами – экономические, культурные, политические.

В то же время трудно предположить, что Россия откажется от негативного отношения к расширению НАТО, особенно после того, как эта военная организация проявляет себя все чаще за пределами Европы и все больше в применении вооруженной силы против тех стран, которые отнюдь не угрожают европейской безопасности. Разговоры о тенденции превращения НАТО в политическую организацию все меньше отвечают действительности.

Балканы были регионом, где накапливалась энергия «пороховой бочки». Балканы прошли этап турбулентных геополитических сдвигов. Балканы – рубеж трех цивилизаций: западноевропейской, восточноевропейской и азиатско-мусульманской. От решения насущных проблем народов, населяющих этот особый регион, зависят стабильность и безопасность складывающегося многополярного мира.

Х. Ближневосточный курс России: исторические этапы*

Ближний Восток исторически был и остается в сфере особых интересов России. В связи с изменениями в регионе и внутренними трансформациями в нашем государстве мотивы российской ближневосточной политики менялись, подчас коренным образом. Перемежались приливы и отливы в активности России на Ближнем Востоке, но в целом это направление не становилось второстепенным в российской политике.

Ближний Восток исторически считается «подбрюшьем» России. Хотел бы подчеркнуть эту мысль также в связи с «недоумением» ряда американских политиков, да и некоторых наших политологов по поводу активной позиции современной России в отношении тех или иных событий в ближневосточном регионе. Можно считать, что российский интерес к таким событиям сопоставим с интересом США к развитию обстановки в Латинской Америке.

До Первой мировой войны ближневосточный курс России фактически сводился к отношениям с Османской империей, которая на вершине своего расцвета простиралась от предместий Вены до Персидского залива, от Крыма до Марокко. В Османскую империю фактически входил весь арабский мир, Балканы, Передняя Азия. В XVII—XIX веках Россия вела целый ряд войн с Турцией (Османской империей) с целью выхода к Черному морю. Вместе с тем, российские действия подогревались, а в ряде случаев были непосредственно вызваны стремлением Турции и ее вассала – Крымского ханства расширить

* Статья из сборника статей: Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Институт Востоковедения РАН. – М., 2012.

свои территории. В результате русско-турецких войн Османская империя потеряла северное Причерноморье и Крым. Основной причиной русско-турецких войн было стремление двух стран к территориальной экспансии. Но при этом мотивом военных действий со стороны России в ряде случаев была помощь христианским народам Балкан и Кавказа, борющимся за освобождение от османского ига.

В Первую мировую войну Османская империя вступила на стороне Германии и Австро-Венгрии. Потерпев поражение, она лишилась всех своих владений, над которыми в той или иной форме был установлен контроль странами Антанты²⁸.

После победы Октябрьской революции начался новый этап политики Москвы в отношении Ближнего Востока. Отправным моментом стала теперь уже поддержка действий Турции против интервенции стран Антанты. О характере складывающихся отношений советской России и Турции свидетельствует текст посланий, которыми обменялись две страны. 26 апреля 1920 года турецкий лидер Мустафа Кемаль (получивший общепризнанное имя Ататюрк – отец всех турок), сразу после открытия Великого национального собрания Турции обратился к правительству РСФСР с письмом, в котором говорилось: «Мы принимаем на себя обязательства соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных».

На следующий день после того, как письмо было доставлено в Москву (для этого потребовалось больше месяца), нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил ответное послание. «Советское правительство, – говорилось в нем, – с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свои независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для

Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкие и русские народы». День направления этого послания, 2 июня 1920 года, считается датой установления дипломатических отношений между двумя государствами. «Победа новой Турции над интервентами была бы сопряжена с несравненно большими жертвами, или даже совсем невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально и материально», – заявил Ататюрк.

В 20–30-е годы прошлого столетия ближневосточная политика Москвы формировалась, главным образом, под воздействием идеологических соображений. Государственная заинтересованность в развитии связи с арабскими странами – в большинстве своем в тот период колониями и полуколониями – сводилась к минимуму. Активность наблюдалась по партийной линии. Были сделаны попытки через Коминтерн – в некоторых случаях небезуспешные – создать коммунистические партии в ряде стран Ближнего Востока. Однако эти партии – в то время, как правило, небольшие группы интеллигенции – не сыграли заметной роли в политической жизни ближневосточных стран. Накануне Второй мировой войны произошел отход Советского Союза от господствовавшей в начале его существования идеи распространения революции на другие страны. В Москве пришли к выводу о неосуществимости этой цели.

Активизация государственной политики СССР в арабском мире началась после окончания Второй мировой войны, когда рухнула веками создаваемая колониальная система. Не выдерживают критики разглагольствования о том, что СССР участвовал в свержении колониальных и зависимых режимов, которые потерпели крах не при помощи Москвы, а в результате борьбы национальных сил. Докладывая о причинах прихода к власти революционных сил в Ираке в 1958 году, американский посол в Багдаде Уильям Галлман писал в шифротелеграмме, направ-

ленной в Вашингтон, что «переворот в Ираке не был делом рук Москвы». А посол Великобритании в Ираке Майкл Райт докладывал в Форин Офис²⁹: «Подобно ситуации в Египте, где группа офицеров во главе с Насером свергла короля Фарука, переворот в Ираке был вызван растущим недовольством политикой и действиями короля Фейсала и его подручного премьер-министра Нури Саида»³⁰.

Естественно, на обстановку на Ближнем Востоке оказала влияние и общемировая ситуация, порожденная разгромом гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Небывалого могущества достиг Советский Союз, сыгравший основную роль в обеспечении этой победы. Позитивно сказался и тот факт, что США тогда еще не встали в ряд с колониальными державами.

После Второй мировой войны возросло значение Ближнего Востока и как огромного нефтяного резервуара для быстро развивающих свою экономику западных стран, и как военно-стратегического плацдарма вблизи границ Советского Союза – основного противника США в начавшейся холодной войне. Район представлял далеко не однородную картину. Приход к власти революционных националистов ограничился частью арабского мира. Сохранились монархические режимы в зоне Персидского залива, в Марокко, Иордании. Особая ситуация сложилась в многоконфессиональном Ливане. США, Англия и Франция сделали ставку на военные блоки, в которые они пытались втянуть арабские страны, особенно с революционно-националистическим руководством. В этом была суть попыток сохранить свой контроль над Ближним Востоком в постколониальных условиях. Другая сторона «блоковой политики» связывалась со стремлением воспрепятствовать активизации СССР на Ближнем Востоке.

После создания государства Израиль резко обострились арабо-израильские противоречия. Военная, эконо-

мическая и политическая помощь Израилю со стороны США и их союзников изменила в пользу этого государства военный баланс в регионе.

Неоднозначно складывалось положение и в тех бывших колониальных и зависимых арабских странах, где к власти пришли революционные националисты – некоторые сразу, другие через череду переворотов, организованных бывшими колониальными державами или происходивших в результате междоусобной борьбы. Вместе с тем при всей неодинаковости, неоднородности новых правителей, сложных, иногда враждебных отношений между ними можно отметить и общие черты, которые позволяют выделить революционных националистов в особую политико-идеологическую категорию.

Команды, укрепившиеся в разное время во власти в Египте, Сирии, Ираке, Судане, Алжире, Тунисе, Ливии и Южном Йемене, характеризовались действиями по ликвидации остаточных военных и экономических позиций колониальных держав, отсутствием генетических привязанностей к исламу и терроризму, приверженностью мелкобуржуазным идеям социального прогресса, антикоммунистическим настроением во внутренней политике, прагматизмом во внешней политике, проявлявшимся в зигзагообразном развитии отношений с Западом и в неоднозначном сотрудничестве с СССР. Всех их объединял враждебный подход к Израилю, как к государству, созданному в ближневосточном регионе и осуществляющему территориальную экспансию.

Не все эти характеристики отвечали интересам СССР на Ближнем Востоке, но выбор был сделан в пользу развития отношений с революционными националистами и, как представляется, основным побудительным мотивом при этом была не идеология, а политика. Хотя идеология до поры до времени продолжала освящать советский ближневосточный курс, но теперь уже в целях его теоретических обоснований.

Серьезным препятствием на пути сближения СССР с арабскими революционными националистами стал их антикоммунизм. Он доводил до кровавых расправ с членами местных компартий, как это случилось и в Ираке, и в Судане. Москва не могла проходить мимо и пыталась повлиять на руководство двух сторон с целью сближения или хотя бы прекращения жесткой конфронтации между ними. Не всегда это удавалось – вина ложилась не только на новых правителей, но и на руководство коммунистических партий, нередко претендовавших на исключительную роль в отношениях своих стран с СССР.

Но вражда между постколониальными режимами и коммунистами не превратилась в нечто определяющее ближневосточный курс Советского Союза. Произошло это не сразу, так как в ЦК ВКП(б), а до конца 50-х годов и в ЦК КПСС, исходя из догматических представлений, считали, что национально-освободительное движение в мире может развиваться только под руководством компартий или, в крайнем случае, с их участием в «коллективном руководстве». Однако жизнь заставила признать ведущую роль в национально-освободительном процессе за мелкобуржуазными революционерами, которые отрицали и диктатуру пролетариата, и классовую борьбу, и вообще деление общества на классы.

Выходу из идеологического тупика была призвана служить теория некапиталистического развития стран социалистической ориентации. Был пущен в оборот даже термин «революционные демократы» – так стали называть и тех, кто не имел ничего общего с демократией, а в ряде случаев перерождался в фашиствующих правителей. Должен сказать честно, что в тот период и автор этих строк был приверженцем теории социалистической ориентации. Ее широкое распространение в советских научных кругах во многом объяснялось стремлением преодолеть догматизм тех, кто отрицал роль мелкобуржуазных руководителей в постколониальном мире и продолжал считать их противниками социализма.

После смерти Насера – разве это не показатель роли личности в истории! – в арабском мире стали развиваться события, продемонстрировавшие несостоятельность идеологических одежд, в которые СССР облакал свой ближневосточный курс, и они были окончательно отброшены. В период, когда бушевала холодная война, военно-политическое измерение советской политики на Ближнем Востоке превратилось в главное. В подходах СССР к той или иной арабской стране важнейшим определителем стала ее внешнеполитическая ориентация, отношение к военным блокам, особенно к Багдадскому пакту³¹. Иллюстрацией может послужить незамедлительная и решительная реакция Кремля на попытку разгромить неизвестные ему в ту пору силы, которые не только совершили военный переворот в Ираке в 1958 году, но сразу же повесили замок на дверь штаба Багдадского пакта. 4 августа Н.С. Хрущев заявил: «Советский Союз решил тогда оказать поддержку и защиту иракской революции. Чтобы сдержать Турцию, Пакистан и Иран, которые могли разгромить революцию, мы провели военные маневры на наших границах с Турцией и Ираном, а также на болгаро-турецкой границе».

Во время холодной войны у СССР, по сути, не было иного выбора, кроме как опереться в своей ближневосточной политике на революционно-националистические режимы, какими бы они ни были тяжелыми партнерами. Такой выбор определил и советскую линию в отношении находящегося в жесткой конфронтации с этими режимами Израиля, за спиной которого стояли США – главный противник СССР в холодной войне. Но Москва никогда не поддерживала лозунгов тех арабских, а одно время и палестинских лидеров, которые угрожали уничтожить Израиль как государство. Более того, с целью затушить арабо-израильский пожар и понимая значение США в деле урегулирования арабо-израильского конфликта, СССР предлагал совместные действия с американцами на дипломатическом поле.

Так, после войны 1973 года Советский Союз вместе с Соединенными Штатами (в Москву прилетел госсекретарь Г. Киссинджер) подготовили Женевскую конференцию³². США искали пути прекращения нефтяного эмбарго, объявленного во время войны всем арабским миром и Ираном, и их позиция стала выглядеть более конструктивно. Появилась перспектива увязки прекращения военных действий на Ближнем Востоке с началом общего политического урегулирования. Но надежды оказались иллюзорными. Позже Г. Киссинджер откровенно напишет в мемуарах, что Женевская конференция «была средством собрать в одну упряжку все заинтересованные стороны для одного символического акта и посредством этого сделать так, чтобы каждый мог проводить сепаратный курс, хотя бы на некоторое время. Было сложно и собрать такую большую встречу, и после этого держать ее в бездейственном состоянии, в то время как дипломатия возвращается к двусторонним каналам». В Москве государственный секретарь США договаривался совсем о другом.

Холодная война привела к тому, что СССР и США стали поставлять оружие своим партнерам на Ближнем Востоке, который превращался в один из основных плацдармов конфронтации супердержав. Советский Союз направил в Египет, Сирию и Иран своих военных специалистов для обучения пользованию оружием.

Итак, каждая из двух сверхдержав опиралась на Ближнем Востоке на своих «клиентов». Казалось бы, действия СССР и США были «зеркальными», но не во всем. В отличие от США Советский Союз не стремился втянуть арабские страны в свой военно-политический блок – Варшавский договор³³. Более того, советское руководство ответило отказом Насеру, который после жесткого поражения в «шестидневной войне» 1967 года³⁴ поднял тему присоединения ОАР³⁵ к Варшавскому договору в переговорах с председателем Президиума Верховного

Совета СССР Подгорным в Каире. При этом Насер сослался на поддержку своего предложения президентом Сирии.

Еще одним отличием советского ближневосточного курса от политики США был тот неоспоримый факт, что и во время холодной войны и после нее СССР, а затем и Российская Федерация никогда не использовали в своих интересах исламистов. Что касается США, то они задействовали исламистов, в том числе самых радикальных, против советских солдат в Афганистане. Такая безрассудная политика, кстати, способствовала трагедии 11 сентября 2001 года – после вывода советского контингента из Афганистана выпестованная не без американской помощи «Аль-Каида» во главе с Бен Ладеном обрушилась теперь уже на Соединенные Штаты.

В Афганистане США использовали агрессивный исламизм не впервые. Еще в 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия при участии ЦРУ в арабском мире появились группы исламистов, готовых действовать методом террора. Был образован исламский центр в Женеве, на базе которого готовилось убийство Насера. Небольшие исламские группы были созданы ЦРУ в восточной части Саудовской Аравии. Неизвестно, каким образом эти группы использовались, но их создание ЦРУ – достоверный факт.

Противоречия между СССР и США на Ближнем Востоке подчас достигали кульминационной отметки. Во время арабо-израильской войны в 1973 году Л.И. Брежнев, возмущенный тем, что Израиль игнорирует решение Совета Безопасности ООН о прекращении огня, 23 октября направил по «горячей линии» отнюдь не дипломатическое послание Никсону. В нем говорилось: «Почему Израилем допущено вероломство – Вам виднее. Мы видим единственную возможность исправить положение и заставить Израиль немедленно подчиниться решению Совета Безопасности». В тот же день Никсон

ответил, что Соединенные Штаты «берут на себя ответственность за то, чтобы полностью прекратить военные действия со стороны Израиля».

Израиль продолжал игнорировать требования Совета Безопасности ООН, и отдельные члены Политбюро ЦК КПСС требовали «демонстрации присутствия советских войск в Египте». Это требование было отвергнуто, но решили направить жесткое послание в адрес Никсона с намеком на возможность военного вовлечения СССР и одновременно начали маневры с участием авиации в Закавказье.

Пожалуй, только ситуации на Кубе в 1962 году и на Ближнем Востоке приводили СССР и США к такому накалу страстей, который мог перерасти в прямое вооруженное столкновение. Но побеждала сдержанность, здравый смысл, даже ценой потери некоторых позиций и лица.

Я далек от того, чтобы представлять советский курс на Ближнем Востоке в розовом цвете – были и промахи, и ошибки. Но для объективного анализа этого курса необходимо рассматривать условия, в которых он осуществлялся. Это в полной мере относится и к периоду после окончания холодной войны, когда начался новый этап ближневосточного курса России.

Каковы новые черты ближневосточной ситуации? Экономический, политический и военный интерес США и их союзников к региону сохранился, хотя прямая антироссийская направленность такого интереса снизилась. Но не до минимума. Об этом свидетельствует, в том числе, и проявляющееся стремление США расширить стратегическое значение Ближнего Востока за счет соседнего Центрально-Азиатского региона. Отчетливо вырисовывается такая закономерность: чем больше усилий прилагают США для укрепления своих позиций в той или иной бывшей среднеазиатской республике СССР, тем отчетливее проявляются осложнения отношений этой страны с Россией.

Четко обозначился и такой феномен: США рассматривают практически все события на Ближнем Востоке через призму борьбы против Ирана, который стал главной мишенью американской политики в регионе. Это тоже затрагивает Россию, так как, прежде всего, создается опасность серьезной дестабилизации на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Сказывается и то обстоятельство, что соседний с Россией Иран является ее крупным торгово-экономическим партнером.

Россия так же, как и США, опасается ядерного вооружения Ирана, но стремится не допустить этого политическими средствами. Вашингтон же не исключает применения военной силы. Это не значит, конечно, что Вашингтон уже готов осуществить такой вариант, очевидно, в США при нынешней администрации все еще взвешивают все «за» и «против». Но тон может задать Израиль, который не скрывает своей подготовки нанесения удара с воздуха по иранским ядерным объектам. Создается положение, когда даже вопреки советам американской администрации, Израиль может нанести удар по Ирану, рассчитывая, и не без оснований, что США его поддержат.

С попыткой изолировать Иран, ослабить его многие справедливо связывают линию США и их европейских союзников, направленную на свержение режима Б. Асада, имеющего с Ираном тесные отношения. Пытаясь ликвидировать сирийский режим, США и их союзники пользуются поддержкой Лиги арабских государств (ЛАГ)³⁶, особенно Саудовской Аравии и Катара. Такая ситуация сложилась, пожалуй, впервые. Ее объяснение в том, что в результате американской интервенции в Ираке был резко нарушен шиитско-суннитский баланс на Ближнем Востоке*. Трудно предположить, что США хо-

* Шиизм и суннизм – два главных направления ислама. В мусульманском населении мира шиитов 12–15 %, суннитов – более 70 %. Преобладание суннитов наблюдается практически во всех арабских

тели этого, но в результате бездумной интервенции, совершенной к тому же в обход Совета Безопасности ООН, резко обострилась борьба между шиитами и суннитами. Шиитское большинство Ирака действительно притеснялось при Саддаме Хусейне. Но придя к власти в оккупированном американцами Ираке, шииты убрали арабских суннитов практически из всех центральных органов власти и выступили против федерального устройства страны (курды тоже сунниты, но обладают автономией и строят свои отношения с властью не на религиозной, а на национальной и социально-экономической основе, не являясь партнерами иракских суннитов).

В результате американской интервенции, разрушившей Ирак как противовес Ирану, произошло основное изменение в шиитско-суннитском балансе сил. Региональной державой стал шиитский Иран, активизировались шиитские меньшинства в королевствах Персидского залива, в Йемене. Начали вырисовываться контуры «шиитского пояса» от Ирака через Иран, Сирию до Ливана, где демографическая динамика сказывается в пользу мусульман-шиитов. Сирия, возглавляемая алавитским меньшинством населения, рассматривается чуть ли не как важнейшее звено, без которого непрерывность «пояса» будет нарушена, и он фактически не сможет существовать. Позиция ЛАГ по сирийской проблеме во многом связана с опасением Ирана, заметно усилившегося после интервенции США.

В такой сложной обстановке Москва заняла конструктивную позицию. Выступая против внешнего вооруженного вмешательства в Сирии, Москва исходит из того, что это подогреет гражданскую войну, которая может

странах, за исключением Ирака, Ливана, Йемена и Бахрейна, шиитские меньшинства, которые заметно активизировались после американской интервенции в Ираке, преобладают в странах Персидского залива, в Ливане, в Сирии, где у власти находятся близкие к шиитам алавиты.

выплеснуться за пределы этой страны и серьезно накалить всю региональную обстановку. Россия имеет тесные многосторонние связи с Сирией и это тоже, естественно, повлияло на нашу политику, направленную на прекращение вооруженных действий между оппозицией и правительственными войсками, предоставление самим сирийцам решать вопрос о характере режима в стране, включая и ее руководство.

Только при поверхностном и необъективном подходе сирийская кровавая трагедия может расцениваться как порождение «Арабской весны» – революционной волны, стихийно обрушившейся в начале 2011 года на ближневосточные авторитарные режимы. Основная движущая сила мирных по своему характеру грандиозных демонстраций была молодежь, организовавшаяся через Интернет. За Тунисом и Египтом, не без помощи телевидения, волна захлестнула многие другие арабские страны с авторитарными режимами. Среди них была и Сирия. Но была особенность: в двух арабских странах – Ливии и Сирии – демонстрации превратились в очаги вооруженных действий против полиции, а затем и армии. Не исключено, что Каддафи и Асад пытались подавить демонстрации силой, но не в качестве ответной меры, с самого начала оружие было использовано и против тех, кто защищал власть. Кто вооружил демонстрантов – на этот вопрос ответит история.

США и их союзники не были зачинщиками «арабской весны». Более того, свергнутые в Тунисе и в Египте Бен Али и Мубарак не могли не устраивать Вашингтон и НАТО в целом, так как они слыли борцами против терроризма и исламистов. Что говорить? И Россия имела с ними достаточно тесные отношения. Но коррумпированность режимов, их авторитарное нутро, замаскированное демократическими названиями отдельных властных структур, отсутствие свобод, безработица, особенно среди молодежи, диктат одного лица во всем – все это и поро-

дило революционную волну. Убедившись в неспособности ее остановить, американские политики решили действовать иными путями. На Бахрейне, где базируется американский пятый флот, демонстрантов подавили солдаты и полицейские, введенные из Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Совершенно очевидно, что это не могло быть сделано без согласия Вашингтона. В Ливии американцы тоже предпочли «не светиться» – при провоцирующей роли бывшего французского президента Саркози вооруженные действия предприняло НАТО, а американцы, поддержав эти действия, отозвали свою авиацию.

Внешнее военное вмешательство в Ливии привело к свержению режима Каддафи. Он был растерзан озверевшими повстанцами. Кто сыграл решающую роль во взятии ливийской столицы Триполи и задержании Каддафи – на этот вопрос тоже ответит история. Так или иначе, но трудно представить себе, что это было сделано необученными, даже не умеющими владеть оружием повстанцами – мы видели по телевидению толпу людей разных возрастов, позирующих перед телекамерами и беспорядочно стреляющих в воздух в честь своей победы. В это же время западная пресса писала о нахождении в Ливии британского и французского спецназа. Неужели можно поверить, что они прибыли в страну для обучения повстанцев и за несколько недель превратили их в силу, способную разгромить регулярную армию? Конечно, сыграли свою роль и натовские бомбардировки. Согласно решению Совета Безопасности ООН, авиация НАТО должна была лишь обеспечить «закрытие неба», т. е. превентивно воспрепятствовать самолетам Каддафи бомбить мирное население, а в действительности обрушила тысячи бомб и ракет на ливийскую армию.

Нужно признать, что при принятии этой резолюции Россию обманули, заверив, что НАТО ограничится лишь контролем воздушного пространства над Ливией, а на

самом деле организовали ликвидацию избранного режима.

Организаторы свержения Каддафи уверяют, что своими действиями они приносят демократию в арабские страны. Хорошей иллюстрацией такой «демократии» служит сегодняшняя Ливия: разбуженная племенная война, угроза территориального распада страны, отсутствие законности и безопасности людей, хаос. Словом, все та же картина, что и после американской операции в Ираке, тоже проведенной под «демократическими знаменами».

Россия и Китай, не дав обмануть себя во второй раз, наложили вето на все резолюции Совета Безопасности, которые могли бы открыть двери внешнему вооруженному вмешательству в Сирии.

События, к огромному сожалению, показали, что демократические изменения в арабском мире не такие уж легкие и однозначные процессы, даже в том случае, когда за них борются внутренние силы. Характерно в этом плане избрание нового президента Египта – Мухаммеда Мурси. Несомненно, что это было проявлением воли народа, выборы впервые произошли демократично. Такому волеизъявлению способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, голосование стало протестом против старого режима, при котором организация «Братья-мусульмане»³⁷ была запрещена, а ее члены подвергались аресту. Во-вторых, главным соперником М. Мурси был бывший при Мубараке премьер-министр, и его ассоциировали с прежней властью, обвиненной, в том числе, в расстреле мирных демонстрантов. В-третьих, «Братья-мусульмане» – самая организованная политическая сила в Египте, которая, хотя и не принимала участие на начальном этапе революционной волны, захлестнувшей каирскую площадь Ат-Тахрир, но многие ее члены были среди демонстрантов, слились с ними и не воспринимались как посторонние. В-четвертых, «Братья-мусульмане»

сразу же в начале арабской весны образовали партию «Свобода и справедливость», которая отказалась от исламской витрины и даже объявила, что готова принять в свои ряды всех, в том числе христиан-коптов. В-пятых, светские партии в Египте на данный момент не смогли противостоять «Братьям-мусульманам» и, более того, не исключено, что многие поддержали их кандидата, считая его способным противодействовать усилившим свои позиции радикальным исламистам из партии «Ан-Нур»³⁸.

Но можно ли на всем этом поставить точку? Очевидно, нет. Прежде всего, потому, что на поверхность выходят серьезные экономические трудности – в течение всего года египетская экономика буксовала. К этому может прибавиться и отсутствие профессиональных навыков у тех, кто пришел к власти – критиковать всегда легче, чем созидать. Безусловно, серьезную силу продолжают представлять собой те, кто голосовал против Мурси – он победил лишь одним миллионом голосов из 27 с половиной миллионов принявших участие в президентских выборах. Не так просто новому президенту Египта будет и противостоять настроениям «египетской улицы», которые подогреваются постоянными налетами израильских ВВС на Газу. Египет в течение многих лет при президенте Мубараке играл роль посредника, стремясь наладить палестино-израильские переговоры и стабилизировать ситуацию в Газе, бывшей до шестидневной войны египетским административным сектором. Будет ли продолжать играть такую роль новый президент Египта – покажет время.

И самое, может быть, главное – это египетская армия. Несмотря на то, что ее командование, да и представители спецслужб, несомненно, голосовали не за Мурси, армия – это, прежде всего, заслуга народа Египта – не предприняла никаких действий, способных сорвать президентские выборы. Однако армия была на протяжении

многих десятилетий основным игроком на политическом и экономическом поле. Согласится ли армия передать вновь избранному президенту реальную власть – это тоже покажет время.

«Арабская весна» меняет арабский мир. Новым правителям, да и старым тоже труднее будет отказывать населению своих стран в насущных требованиях политического раскрепощения и улучшения социально-экономического положения.

Общая ситуация на Ближнем Востоке требует, может быть, как никогда, объединения усилий всех заинтересованных стран в достижении безопасности и стабильности в регионе. Это, нужно думать, станет важным определителем ближневосточного курса России на данном этапе.

XI. Беседа обозревателя «Российской газеты» с Е.М. Примаковым

Уже много месяцев внимание всего мира приковано к тем бурным событиям, которые происходят на Ближнем Востоке. Каковы корни и причины протестных выступлений «арабской весны», приведших к коренным изменениям в целом ряде стран? Что ждет этот стратегически важный регион завтра?

Об этом и о многом другом обозреватель «Российской газеты» беседует с одним из самых авторитетных знатоков арабского мира академиком Евгением Примаковым.

– Евгений Максимович, если не возражаете, давайте сначала поговорим о Сирии. Несколько дней назад я был на турецко-сирийской границе, общался там с людьми из вооруженной оппозиции. Кроме того, у меня сохранились надежные источники после недавней поездки в

Дамаск. Судя по всему, ситуация там становится все более тревожной. В столице появились первые признаки паники, чего не было еще три-четыре месяца назад. Как бы Вы прокомментировали все это?

– В Сирии идет полномасштабная гражданская война, причем с участием внешних сил. Против режима вместе с самими сирийцами борются всякого рода наемники и добровольцы из других стран. Вот последняя новость: президент Обама дал прямую команду ЦРУ поддержать сирийскую оппозицию.

А это – грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства, которое никоим образом не угрожает ни Соединенным Штатам, ни кому-нибудь еще. Саудовская Аравия и Катар финансируют боевиков. Турция оказывает им активную поддержку.

Идет, повторяю, полномасштабная гражданская война со всеми ее ужасами, от которых страдает мирное население.

– Россия продолжает занимать последовательную позицию в сирийском вопросе. Лично мне она кажется абсолютно справедливой и даже нравственной. Работая в Сирии, я собственными глазами убедился в том, что за нынешней властью стоят миллионы сторонников, что любое внешнее вмешательство во внутренние дела этого государства грозит эскалацией насилия и новыми жертвами. Но, увы, все происходящее показывает, что политика и мораль – вещи несовместимые. Это так?

– Я думаю, что Россия занимает такую позицию, которую в данной ситуации можно назвать единственно правильной. Если бы я сейчас руководил правительством или был на посту министра иностранных дел, то поддержал бы именно такую линию, которая сейчас осуществляется. Да, это не обязательно выигрышная позиция. Мне очень импонирует, что мы не ставим во главу угла

любими путями извлечь выгоду из конфликта. Но у нас нравственный подход, в основе которого – забота о жизни и безопасности миллионов людей, забота о будущей стабильности огромного и важного региона. И это единственно возможный подход в данной ситуации. А каков будет результат, повторяю, неизвестно. Никто не знает, удастся ли нам добиться справедливости.

Эта позиция тяжела еще и в том плане, что у нас портятся отношения с рядом арабских стран.

– Теперь все гадают, чего можно ожидать, если режим Башара Асада не устоит. Распад страны? Гражданская война? Кровавый террор против сторонников нынешнего президента?

– Почему значительная часть государств – членов Лиги арабских государств поддерживает сирийскую оппозицию? Они не хотят победы Асада, считая, что это создаст условия для образования шиитского пояса – Ирак, Иран, Сирия, Ливан. В Ливане шиитское население растет быстрее, чем все остальное. «Хизболлах»³⁹ – шиитская организация. Сирийские алавиты тоже очень близки к шиитам. В Ираке у руля центральной власти после американской операции встали шиитские силы. Арабские страны боятся этого, в их действиях, несомненно, присутствует суннитский акцент.

Если вооруженной оппозиции удастся сбросить Асада, то в Дамаске захотят утвердить суннитский режим, что автоматически повлечет за собой гонения против алавитов, которые составляют значительную часть населения. Репрессиям подвергнутся не только активисты правящей партии Баас⁴⁰, как некоторые думают, а все, кто не разделяет религиозных убеждений оппозиционеров. Почему «Аль-Каида» вовлечена в вооруженную борьбу на стороне противников режима? Потому что «Аль-Каида» тоже суннитская организация.

Все разговоры о том, что Запад, поддерживая оппозицию, хочет в Сирии установления демократии и стабиль-

ности, абсолютно несостоятельны. Там не будет ни стабильности, ни демократии.

– Война в Сирии стала продолжением тех процессов, которые сейчас называют «арабской весной». Скажите, для Вас, как для арабиста, стали неожиданными все эти революции?

– Да, это была полная неожиданность. И не только для меня – для всех: для американцев, для европейцев, для самих арабов. Выступления против авторитарного режима в какой-то одной стране были возможны. Переворот где-то мог быть ожидаемым. Но чтобы вот так – волна прокатилась по всему региону, – этого никто не предполагал.

В свое время египетский президент Гамаль Абдель Насер жил с мечтой об арабском единстве, многое сделал в этом направлении. Потом, особенно после его смерти, верх взял страновой национализм...

– Может быть, на разобщенность повлиял фактор нефти? Появились супербогатые страны, а у них возникло свое видение мира. Ведь говорят же, что исламский мир – это не монолит, а мозаика.

– Возможен и этот фактор. Можно говорить о традициях и антитрадициях. К примеру, литературный язык у всех общий, а исторические корни далеко не у всех одинаковые. Что касается вашего замечания относительно мозаики... Она обычно бывает разноцветной, а это все-таки камушки одного цвета.

Что касается масштабной протестной волны, то она стала неожиданной главным образом потому, что недооценили возможности современных коммуникаций, в частности Интернета. Особенно это было характерно для Египта, там социальные сети мгновенно сплотили молодежь, вывели на улицы миллионы демонстрантов. Египет, «заразившись» от Туниса, стал основным ядром «арабской весны», оттуда волна пошла дальше – в Ли-

вию, Сирию, Йемен, Бахрейн. Такой масштаб стал, повторяю, неожиданным для всех.

– Можно обратить внимание на то, что практически во всех странах у руля стояли лица, фактически узурпировавшие власть: Каддафи, Мубарак, Бен Али... Башар Асад получил свои полномочия от отца, который правил тридцать лет. Люди устали от диктаторов, захотели перемен.

– Технические достижения современности, особенно телевидение, позволили арабам сравнивать свою жизнь с жизнью в других странах. Я хочу подчеркнуть, что вначале непосредственными участниками протестных акций исламские организации не были. «Братья-мусульмане», как политическая структура, активизировались позже. Но она – самая организованная сила в Египте.

Молодежь стала протестовать, потому что не видела для себя перспектив: уровень безработицы высок, образование дорого, чиновники коррумпированы, демократические свободы отсутствуют. Да и правители явно засились на своих тронах. Когда какие-то лица, сколь бы велики их заслуги ни были в прошлом, так долго находятся у власти, это всегда вызывает раздражение.

– Вы знаете, Евгений Максимович, я имел в Египте много встреч с самыми разными людьми, и часто слышал от них такое: нельзя доверять риторике «Братьев», потому что они, дескать, генетически запрограммированы на радикализм. И потом, это ведь не национальная, а наднациональная структура, они всегда мечтали о некоем едином политическом устройстве для мусульман наподобие халифата.

– Если вашими собеседниками были представители других партий, то понятно, отчего они так говорили. Таковы правила политической борьбы. С другой стороны, давайте не будем забывать о том, что в Египте существенную роль продолжает играть армия. Да, она ушла в

ть, ее позиции несколько поколеблены, но в то же самое время сохраняется корпоративность армейских офицеров, которые владеют существенным сектором египетской экономики. Очевидно, что США продолжают делать ставку на генералов. Именно они могут быть гарантами сохранения сложившегося статус-кво между Египтом и Израилем. Египетские вооруженные силы по-прежнему в значительной степени зависят от американских поставок: ежегодно Штаты дают 1,5 млрд долларов на их содержание, причем это безвозмездная помощь.

– Вы думаете, эти инвестиции не напрасны?

– Да. Армейское руководство сейчас совершенно явно выступает за то, чтобы все международные обязательства Египта выполнялись в прежнем объеме. При этом никто прямо не говорит о Кэмп-Дэвидском договоре⁴¹, но пока все прежние обязательства остаются в силе.

– И все-таки я опять о своем. Талибы – в Афганистане, салафиты – в Египте, ваххабиты – на Северном Кавказе... В чем Вы видите причины такой растущей популярности крайних исламских течений?

– Я много раз встречался с королем Саудовской Аравии – и когда он был еще наследным принцем, и когда стал монархом. Он мне говорил по поводу ваххабитов: это течение совершенно неправильно связывать только с резким радикализмом ислама. Главным тезисом и главным направлением проповедей Абдель Ваххаба, который жил в XVIII веке, было возвращение к истокам ислама. Единственный авторитет для ваххабитов – это Аллах. Нет никаких святых, кроме Аллаха.

Да, исламский мир неоднороден, есть те, кто исповедует умеренный ислам, есть радикалы. И, безусловно, многое будет зависеть от того, как сложится противостояние между представителями этих течений. Причем исход этого противостояния повлияет не только на будущее Ближнего и Среднего Востока, но и на весь остальной мир.

– Как Вы относитесь к версии об «американском следе» в бурных процессах «арабской весны»? У нас встречаются умники, которые уверяют, что будто бы все происходящее спланировано за океаном и является частью стратегии по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке?

– Это просто смешно. Египетский президент Хосни Мубарак вполне устраивал американцев и, кстати говоря, нас тоже. Вашингтон, наоборот, был вначале очень встревожен. Но затем, довольно скоро, американцы решили, что обратного пути нет, надо формировать свои отношения с теми новыми людьми, которые придут на смену прежним. Сначала они ставили на армию, конкретно – на бывшего начальника военной разведки генерала Омара Сулеймана. Но он уж очень сильно был связан с Мубараком.

– Не кажется ли Вам, что демонизация Штатов – это ложный и опасный путь. Видеть за всем – от событий «арабской весны» до митингов на Болотной площади – руку Вашингтона, значит, закрывать глаза на причины реальных проблем...

– Я с вами согласен. Демонизировать американцев не надо. Если их обвинять, то в том, что они плохо разбираются в реальной обстановке. Когда случились перемены в Египте, все послы Соединенных Штатов из арабских стран собрались на совещание в Вашингтоне, и Хиллари Клинтон их критиковала самым жесточайшим образом. Мол, вы все свои доклады составляете, не выходя из посольских кабинетов. Ваши донесения – это одно, а реальность – совсем другое.

– А как же хваленое разведсообщество Штатов, их гигантский аппарат аналитиков, все их исследовательские центры, фонды, университеты? Они куда смотрели?

– Информация разведки часто не принимается во внимание политиками. Что касается аналитических гениев, то «за океаном» с ними тоже не все хорошо, их явно не хватает.

– Что Вы думаете относительно дальнейших перспектив революционных процессов в этом регионе? Или «арабская весна» уже выдохлась?

– Я думаю, что в ближайшее время не будет никаких новых революционных волн.

– Среди множества нерешенных проблем, которые десятилетиями будоражат Ближний Восток, есть две особенно взрывоопасные – это проблемы курдов и палестинцев. В силу разных причин они как бы «подвисли», не поддавались решению. Может быть, сейчас как раз и наступило время вплотную заняться ими?

– С курдской проблемой я впервые столкнулся еще в середине 1960-х, когда был корреспондентом «Правды». В 1966 году по заданию редакции выехал в иракский Курдистан, где тогда только-только завершились бои между курдами и правительственными силами. Мне поручили встретиться с лидером курдов Мустафой Барзани. Кстати, забегая вперед, скажу, что в последующие четыре года я был единственным советским представителем, который регулярно встречался с Барзани. Так вот, тогда встал вопрос, как добраться до секретного убежища курдского лидера, которое находилось далеко в горах. Президент Ирака, у которого я брал интервью, пообещал содействие начальника контрразведки. Помню, тогда в Багдаде шел футбольный матч между местной и какой-то советской командой. И я, наверное, единственный из наших, болел против своих, так мне хотелось, чтобы начальник контрразведки, который тоже был на стадионе, остался в хорошем настроении.

Мы выехали на север – в сторону Киркука – на легкой машине в сопровождении бронетранспортера. Со

мной был Зотов Саша, который впоследствии работал послом в Сирии, и два иракских офицера. Когда мы по дороге где-то остановились, Зотов стал рассказывать мне довольно скабресный анекдот, и вдруг один из этих офицеров заржал. Сразу стало понятно, что он знает русский, причем знает хорошо.

Это было довольно трудное путешествие. Курды не пустили к себе бронетранспортер с солдатами, а нас с двумя иракскими офицерами пересадили на мулов, пришлось часть пути проехать верхом по горным тропам. В итоге благополучно добрались до резиденции Барзани и выполнили свою миссию.

Так вот, по поводу решения курдской проблемы. Хорошо помню, что Барзани тогда сказал: «Я хочу автономию в Ираке, хочу иметь возможность влиять на политику Ирака. Вот две мои задачи». О миллионах курдов, живущих в соседних странах, речи не шло. Барзани говорил: «Если я стану настаивать на создании отдельного курдского государства, то против меня объединятся все – Турция, Ирак, Иран, Сирия. Зачем мне такие осложнения».

Примерно то же самое говорил Масуд Барзани, сын Мустафы Барзани, нынешний президент Курдистанского района Ирака, с которым я встречался в его резиденции в мае 2008 года. Курды в Ираке получили свою автономию, но нельзя сказать, что решены все вопросы. Идут споры с арабами по вопросу присоединения к автономии богатого нефтью района Киркука. На севере Ирака существуют базы турецких курдов-боевиков, которые подвергаются регулярным бомбардировкам со стороны Турции.

– Судя по рассказу одного из моих друзей, эти сложные поездки к курдам были далеко не единственными, когда Вы реально рисковали жизнью. Он говорил, что в Ливане Вашу машину обстреляли из автоматов...

– В 1975 году у меня было задание: передать письмо от нашего руководства бывшему президенту Ливана Камии-

лю Шамуну, резиденция которого находилась за пределами Бейрута. Там шла гражданская война. Я работал тогда в Академии наук, был заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений. Проблема состояла в том, как добраться до Шамуна, ведь многие улицы постоянно обстреливались, ездить по ним было опасно. В итоге поехали двумя машинами, в одной – я, в другой – сотрудники нашей разведки. Сначала нам повезло: было какое-то короткое перемирие, никто не стрелял. Во время встречи с Шамуном у того звонил телефон, он снял трубку и сразу побелел. Оказывается, в ответ на убийство пятерых молодых христиан фалангисты в порту только что застрелили сто шестьдесят мусульман. Стало ясно, что бои в городе вот-вот вспыхнут с новой силой. Машине сопровождения не повезло: Роберт Мартиросян был тяжело ранен, а Володю Зайцева (впоследствии он стал генерал-лейтенантом) пуля задела по касательной.

– В прошлом году войска США покинули Ирак: «с гордо поднятой головой и сознанием выполненного долга», как доложили миру американские руководители. В ближайшее время они собираются вывести свои войска из Афганистана. Скорее всего, здесь они тоже отчитываются о полной победе и блестящих результатах своей миссии. Но что ждет Афганистан после этого? Возвращение талибов? Новый виток гражданской войны? Распад страны на таджикско-узбекский север и пуштунский юг?

– Афганистан никак нельзя оставить без присмотра. В свое время мы уже наступили на эти грабли, когда в начале 1990-х годов перестали помогать президенту Наджибулле. Кабул тогда захватили моджахеды, начались междоусобные стычки, скоро вся страна была объята хаосом, чем и воспользовались талибы.

Если талибы опять придут к власти, то это может сильно ударить и по постсоветскому пространству. Тали-

бы выйдут к границам с Таджикистаном и Узбекистаном, где сильны радикальные исламские элементы.

– *Не могу Вас не спросить: насколько вероятен сценарий, когда Израиль при поддержке Штатов или без нее нанесет удар по ядерным объектам Ирана?*

– Штаты не хотят, чтобы это случилось сейчас, перед президентскими выборами. Они сдерживают Израиль. Но здесь надо понимать, что и в израильском руководстве, и в администрации США существуют разные силы, имеют место разные позиции. Трудно сейчас сказать, кто возьмет верх.

Вспомним конфликт в Южной Осетии в августе 2008 года. Непосредственное американское руководство не хотело, чтобы Грузия развязывала войну. Кондолиза Райс приехала к Михаилу Саакашвили и прямо заявила ему: «Не делайте этого, мы вас просим». Однако грузинский президент выходил в те дни и на других американцев, в частности, на вице-президента. И у него сложилось убеждение, что НАТО вмешается, окажет поддержку. Саакашвили думал, что дойдет до Рокского тоннеля, перекроет его, и тогда Россия уже не сможет перебросить свои танки через перевал. А в это время вмешаются американцы.

По такой же схеме действуют израильтяне. Они ведь выходят не только на Обаму. Кто-то им может сказать: если вы ударите, то Штаты, даже если они того не хотят, вас все равно поддержат.

– *То есть вероятность такого удара остается? И это опасно для всего огромного региона?*

– Очень опасно. Притом, что результаты воздушного удара – а о сухопутной операции речи не идет – могут оказаться ничтожными. Через два года Иран полностью оправится, демонстративно выйдет из договора о нераспространении ОМП и уж тогда точно создаст свое оружие массового поражения.

ХII. Выступление на пресс-конференции «Lenta.RU»*

Прежде всего, хочу поблагодарить всех, кто задал мне вопросы. Их очень много, и каждому отдельно ответить, к сожалению, не могу. Руководствуясь объективностью, отмечу, что вопросы толковые. Я сгруппировал их по темам.

Тема первая. О внутренних и внешних причинах произошедшего в Ливии.

Вопросы на эту тему задали Сергей Климов, Алексей Киселев, Дмитрий, Владимир, Zigmund, Леонид, Геннадий, Олег, Александр и другие.

Согласен с теми, кто из вас считает, что при Каддафи в Ливии довольно высоко поднялся уровень жизни, население пользовалось рядом привилегий. В результате продолжительность жизни достигла 74 лет, а уровень грамотности составил 88 %. Но это одна сторона. Другая заключается в том, что в Ливии было установлено типично диктаторское правление, где все решал один человек – Муаммар Каддафи, который периодически жестоко расправлялся с теми, кто ему перечил или просто вызывал у него подозрение.

Ливия – племенное государство, и многое зависит от внутриплеменной расстановки сил. В 1969 году Каддафи сверг короля Идриса⁴², который еще до того, как стал королем, возглавлял исламскую общину синнуситов и опирался на Бенгази, на восточные ливийские племена. Опорой режима Каддафи, в основном, были племена на западе страны – в Триполитанской части. Когда антирежимные демонстрации вспыхнули в границах с Ливи-

* Выступление на пресс-конференции «Lenta.RU» 29 августа 2011 г.

ей Тунисе и Египте, где в результате масштабности народного протеста ушли с постов президенты Бен Али и Мубарак, трудно было ожидать, что эти события пройдут стороной мимо Ливии. Так и не произошло.

Я не думаю, что США, Франция или Великобритания изначально организовали выступления в Бенгази против Каддафи. Но то, что они активно подключились и стали играть определяющую роль в свержении режима Каддафи – это непреложный факт. Западные средства массовой информации и ряд наших СМИ, которые пошли за ними, провозглашали, что Каддафи и его сторонники уничтожают мирное население. Режим чуть ли не обвинили в геноциде собственного народа. Конечно, в гражданской войне жертвы среди мирного населения неминуемы, но не более того. Большие жертвы среди сражающихся двух сторон проявились на этапе взятия Триполи, сопровождаемого интенсивными атаками ВВС НАТО.

В целом я не верю в конспирологическую теорию: ни в то, что война в Ливии была изначально организована западными спецслужбами, ни в то, что головорезы Каддафи расстреливали мирных жителей.

Что лежит в основе действий НАТО в Ливии? Конечно, не опасение, что непредсказуемый Каддафи может подорвать международную финансовую систему, опирающуюся на доллар и евро. Призывы Каддафи к арабским и африканским странам перейти к расчетам в золотых динарах и создать с этой целью единое государство явно бесперспективны. И те, кто направляют политику НАТО, этого не опасаются. Но чего реально они боятся – это последствий заявления в 2009 году малопредсказуемого Каддафи о возможности национализации нефтяной и газовой отраслей в Ливии. Раскрывалось недовольство, особенно Франции и США, тем, что Ливия стала одним из основных рынков для современных систем вооружения из России.

Недовольство позицией Каддафи – не по вопросам государственного строительства или его антидемократиче-

скими методами, а в отношении ливийских природных ресурсов и внешнеполитической линии накапливалось. Думаю, что неслучайно это недовольство переросло в атаки НАТО против Ливии именно во время революционного подъема во многих арабских странах. Ливия, очевидно, стала «демонстрационной мишенью», чтобы приструнить тех, кто осмеливается думать, будто «арабская весна» может привести к ослаблению позиций США и их союзников в арабском мире. В Египте и Тунисе сложилась ситуация, при которой вооруженное вмешательство США и их союзников в защиту вполне устраивавших их ранее президентов полностью исключалась. В Ливии ситуация была принципиально иной преимущественно по двум причинам. Во-первых, у власти в этой стране находился человек, который периодически вызывал своим поведением, мягко говоря, осуждение мирового общественного мнения. Да и не только на Западе, но и среди большинства арабских государств. Во-вторых, открытое вмешательство извне во время «арабской весны» ни в Египте, ни в Тунисе не могло быть осуществлено под демократическими лозунгами, а в Ливии как раз такая возможность возникла, чем и воспользовались.

Некоторые спрашивают, какова роль США? Как известно, Вашингтон в первые дни авианалетов на Ливию отозвал свою авиацию. С этого момента в бомбардировках в Ливии не участвовали американские самолеты и вертолеты. Представляется, что такой маневр был осуществлен США по чисто внутренним причинам. В 2012 году выборы президента, и Обама и его окружение стремятся хоть как-нибудь облегчить свою предвыборную «лодку», которая уже зачерпнула много воды из-за не легкого экономического положения в США. Но формальное неучастие в бомбардировках отнюдь не идентично отходу США не только от моральной поддержки, но и от фактического руководства операции НАТО в Ливии. «Авангардная роль», которую взяла на себя Франция,

очевидно, объясняется опять-таки внутренними причинами – Саркози заинтересован в том, чтобы поднять свой невысокий рейтинг за счет «авангардной борьбы» за свободу и демократию в мире.

Вторая группа вопросов, которые задали Андрей, refined clumsiness, Алексей Тырышкин, Роман, Павел, Виталий, Герман и другие, касается будущего Ливии.

Приход к власти в Ливии сразу после Каддафи нового диктатора представляется невозможным. Но вывод о невозможности относится и к перспективе создания после свержения режима Каддафи правительства, опирающегося на западную модель демократии. Скорее всего, после Каддафи будет установлен, во всяком случае, на первых порах, «коллективный» авторитарный режим, несколько сдобренный отдельными элементами демократии.

Но главное в том, справятся ли новые власти с хаосом, в который погружена Ливия. Изменения в соотношении племенных сил угрожает территориальной целостности страны. Неопределенность в будущее Ливии вносит и разношерстность повстанцев, захвативших Триполи. В их составе есть либерально настроенные люди, но не они, судя по всему, преобладают. Сильны позиции у исламских экстремистов. Об этом свидетельствует обращение сына Каддафи к исламистам с призывом «отойти от либералов» и вступить в альянс с режимом. Он даже заявил корреспонденту «New York Times»: «Если Ливия будет выглядеть как Саудовская Аравия или Иран, – что из этого?»

Нельзя исключать, что среди новых властей начнется драчка, а это, конечно же, не будет способствовать стабилизации обстановки в Ливии. К тому же в стране уже отсутствуют признаки существования государственной инфраструктуры, которую придется создавать заново, а задача это нелегкая и решить ее в короткий срок невозможно. Газета «New York Times», которую трудно обвинить в нагнетании страстей в отношении будущего Ли-

вии, писала, что после Каддафи не осталось почти никаких институтов, способных руководить этой страной. Как тут не вспомнить Ирак, который не вышел из хаоса в течение восьми лет после начала военной операции США.

В сложившихся условиях Россия – и я считаю это верным шагом – заявила, что будущим Ливии должна заниматься ООН, а не США, Евросоюз или НАТО. Такой демарш важен также и потому, что не исключены попытки НАТО поставить у власти в Ливии прозападное правительство.

Наконец, не думаю, что удастся окончательно уничтожить или окончательно нейтрализовать силы, поддерживающие Каддафи, или сделать послушными племена, на которые опирался полковник. А это еще один показатель того, что вооруженная атака НАТО не могла стать и не стала средством перевода этой страны в спокойное состояние, создания условий для мирной и благополучной жизни ливийцев.

Следующие вопросы, которые задали Игорь, Лук, Виктор, Ербол, Галина, Юрий, Хорошилов Александр, Константин, Александр Мельников и другие, касаются влияния «арабской весны» на остальной мир.

Отвечу сразу тем, кто спрашивает, не отразятся ли события, развернувшиеся в арабском мире, на Северо-Кавказском регионе России. Считаю, что непосредственно не отразятся. Необходимо учесть, что даже при разнородности тех сил, которые поднялись против коррумпированных режимов в арабском мире, они выступили не под исламскими знаменами, не с требованием отказа от светского характера государства или внедрения принципов шариата в судебную практику. Боевики на Северном Кавказе и участники «арабской весны» – не одно и то же. Однако нельзя полностью абстрагироваться от того, что одним из главных мотивов отсутствия спокойствия на Северном Кавказе является широкое, еще большее, чем в остальной России, распространение коррупции.

Необходимо принять все возможные меры, чтобы обуздать ее. Этот вывод имеет еще большее значение для центральноазиатских стран – бывших республик СССР.

Болтовня правого радикального американского деятеля Маккейна породила один из заданных мне вопросов – используют ли США и их союзники по НАТО события в Ливии в будущем против России или Китая? Не сомневаюсь, что эти две страны – далеко не Ливия по своим возможностям ответить. И это, думаю, учитывается.

А теперь о влиянии событий «арабской весны» на различные части арабского мира. Не думаю, что в какой-либо стране, охваченной «арабской весной», произойдет непосредственный переход к демократическим системам правления. Нужно учитывать и историю, и менталитет, и расстановку сил, и религиозный фактор в этих странах. Но в результате «арабской весны» они примут ряд элементов демократии.

Не думаю, что сегодня, когда уже пройдена кульминация «арабской весны», ее волны захлестнут Алжир, Марокко, аравийские монархии. Вместе с тем события в Египте и Тунисе уже оказали влияние и на те арабские государства, где «арабская весна» не состоялась. Опасаясь системы «домино», их правители предприняли меры, чтобы сбить существующее недовольство народных масс. Король Саудовской Аравии, например, внес в «копилку народного благополучия» дополнительно 32 млрд долларов.

Ряд заданных мне вопросов касается известной резолюции Совета Безопасности ООН, принятой по Ливии, и в целом позиции России. Их авторы: Никита, Роман, Иван, Ростислав, Евгения, Сергей Шарыгин, Клюканов Дмитрий, Антон, Петр, Юрий, Эрнандо Пиньерос, Фома, Иван Лобанов, Юлия, Сергей Климов, Тимофей, Александр Спирин и другие.

Уверен, что действия НАТО в Ливии представляют опасный прецедент: применяется аморфная резолюция

Совета Безопасности ООН для легализации вооруженного вмешательства с целью поддержки одной из сторон в гражданской войне, вспыхнувшей в суверенной стране. Вместе с тем, в момент принятия резолюции, разрешающей закрыть ливийское небо во избежание ударов авиации Каддафи по мирному населению, ее поддержали очень многие государства – члены ООН, даже Лига арабских государств. А Россия и Китай, как вы знаете, не применили право вето. В тот момент считанные часы отделяли войска Каддафи от взятия Бенгази. И если бы они туда прорвались, там было бы страшное кровопролитие, особенно во время боев в городских условиях.

Думаю, что мы не применили право вето и многие государства поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН, потому что все опасались кровопролития. Однако мне кажется, над этой резолюцией стоило еще поработать. С целью убрать из нее отдельные положения, которые сейчас трактуются так, будто они позволяли вести разнуданные военные действия, обеспечивая ликвидацию режима Каддафи. Эта резолюция привлекла многие государства и потому, что она исключала возможность наземной операции с целью оккупации любой части Ливии. Между тем по сообщениям, поступившим из Ливии, в стране присутствует французский и британский спецназ, рамки деятельности которого, дескать, ограничены подготовкой повстанцев. Вряд ли обучение является основной функцией спецназа.

Не хочу уходить от вопросов – их было несколько о снятии нашего посла. Будучи министром иностранных дел, я с близкого расстояния ранее наблюдал за отношениями между послом и Центром. Конечно, политическая линия отрабатывается в Москве, а посол России должен ее осуществлять. Это не снимает с посла обязанности конфиденциально докладывать Центру об истинном положении дел в стране пребывания и давать на этот счет рекомендации. Если эти рекомендации не отвечают намеченной Центром линии, то посла можно вызвать в

Москву, которая обладает гораздо большими и более широкими информационными возможностями, которые кладутся в основу политики. Прямо скажу, та форма увольнения, в которой произошел отзыв нашего посла в Ливии, мне не импонирует.

События в Ливии, уверен, будут учитываться теми, кто вырабатывает внешнюю политику России. Естественно, ни в коем случае эти события не должны подтолкнуть к возвращению холодной войны. Но Россия уже дала понять, что займет позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии или другой стране. Именно поэтому, несмотря на давление США и их союзников, Совет Безопасности ООН не может провести антисирийскую резолюцию, прямо или даже косвенно дающую право на вооруженное вмешательство с целью свержения режима Асада.

Отдельно о Сирии. Конечно, во внутренней политике сирийского режима накопилось много того, что вызывает недовольство в стране, особенно однопартийная система и все «прелести» чрезвычайного положения, в условиях которого Сирия жила полвека. Но борцы за демократию в Сирии значительно разбавлены исламистами. Я категорически не согласен с западными политологами, которые зачисляют в категорию «арабской весны» все арабские страны, охваченные антирежимными демонстрациями. Демонстрации демонстрациям рознь. В Сирии, также как и в Ливии, они сразу перешли в вооруженное сопротивление властям. Этого не было ни в Египте, ни в Тунисе.

И наконец, вопросы о разном.

Я, так же как и Иван Лобанов, и Герман, и Киселев Алексей, считаю, что по поводу событий в Ливии происходила и происходит массированная дезинформация в СМИ. Она поступает с двух сторон, вовлеченных в конфликт, но основная ее часть отвечает интересам сил, выступивших против режима Каддафи, их покровителей и пособников.

Вопрос о том, встречался ли я с Каддафи. Встречался и не однажды. Не считаю его ни социалистом, ни фашистом. Это – типичный бедуинский вождь, стремившийся построить государство по образцу своего племени и верящий в свою «звезду». В ответ на вопрос Сергея Климова могу сказать, что во время встреч со мной он был вполне адекватен.

На ряд вопросов ответ дать не могу, так как они адресованы скорее тем, кто в России руководит и принимает решения, а я уже давно не нахожусь на государственной службе. А на вопрос, как отнесутся к событиям в Ливии через 100 лет, тоже не отвечу – я не последователь покойной Ванги, о пророческих достоинствах которой ныне так много говорят в наших телепередачах.

Еще раз благодарю всех, кто организовал и принял участие в этой необычной пресс-конференции.

ХIII. «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций

После окончания холодной войны начали тиражироваться идеи межконфессиональных, в конечном итоге межцивилизационных противоречий, как определяющих развитие мировой обстановки. Широко распространился вывод о столкновении различных цивилизаций, главным образом, исламской и западной. В сегодняшнем мире действительно накапливается немало событий, которые могли бы рассматриваться в пользу такого вывода. В исламские тона окрашены многие террористические организации. Слишком медленно и весьма противоречиво идет процесс, казалось бы, естественной интеграции миллионов иммигрантов из стран Ближнего Востока и Африки в европейское общество. Периодически вспыхивают кровавые столкновения между мусульманами и

христианами в Египте. Многолетняя борьба людей, разделенных по религиозно-этническому признаку, уже привела к разделу Судана на арабо-мусульманский север и новое государство – Юг Судана, населенный нилотскими (негроидными) племенами, часть которых исповедует христианство, а другая – язычники. Однако все ли события иллюстрируют развитие межцивилизационных противоречий?

Самым, пожалуй, значимым процессом в мусульманском мире сегодня стала «арабская весна» – революционная волна, захлестнувшая в начале 2011 года Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, Сирию. Всплески этой волны достигли и некоторые другие арабские страны. Но «арабская весна» подтверждает несостоятельность теории столкновения цивилизаций как основного противоречия в сегодняшнем мире.

Эта теория, родоначальником которой был американский ученый С. Хантингтон, по сути, игнорирует сближение цивилизаций, культур, усиливающееся под влиянием глобализации. Цивилизационные признаки далеко не в последнюю очередь формируются ныне в условиях технико-технологического рывка во взаимосвязанном мире. Различные цивилизации, сохраняя основные черты самобытности, оказались вовлеченными в общий поток, изменяющий основы быта людей, их жизнедеятельность. Как это все сказалось на «арабской весне»? Неслучайно, что общедоступные телепередачи создали систему «домино» – революционные события в Тунисе сразу перекинулись в Египет, а затем и в другие страны. Основная движущая сила этих событий – молодежь – сумела организовать для антирежимного выступления при помощи Интернета, что особенно контрастно проявилось в Египте.

Весьма важно отметить также, что требования, провозглашенные на каирской площади Ат-Тахрир и в других арабских странах и городах, имели не религиозный, не враждебный другим цивилизациям, а общечеловече-

ский характер – честные выборы, свобода слова и демонстраций, отказ от авторитаризма, внедряющего коррупцию во все поры социально-экономической жизни. Даже в Бахрейне, где столкновения произошли между представителями двух исламских направлений – шиитского большинства населения и суннитского меньшинства, находящегося у власти, события не приняли религиозной окраски: все свелось к требованиям равноправия, отказа от дискриминации, борьбы с коррупцией.

Антирежимные силы в различных арабских странах разнятся друг от друга. Но ни в одной из этих стран демонстрантов не возглавили исламские экстремисты, не были выдвинуты требования отказа от светского характера государства, внедрения принципов шариата в судебную практику, общественную жизнь. Это отнюдь не означает, что исламские организации, например, такие влиятельные, как египетские «Братья-мусульмане», превратились в нечто маргинальное. Они сохраняют свои важные позиции, которые в той или иной форме проявятся в будущем. Но уже сегодня можно сделать два вывода: во-первых, переход арабского мира к новой стадии своего развития – а так считает большинство наблюдателей – не происходит под исламскими знаменами и не вызван межцивилизационными противоречиями. Собственно, этот вывод можно ретроспективно распространить и на вторую половину XX века, когда в Египте, Сирии, Ираке, Алжире, Тунисе, Ливии к власти пришли революционные националисты, что означало конец колониального этапа. Во-вторых, «арабская весна» не может не воздействовать и на сами исламские организации, создавая серьезный импульс их дифференциации.

Все, что сказано выше, ни в коем случае не означает отрицания того, что существуют и сказываются противоречия религиозного, культурного характера. Однако они не являются показателем «непреодолимого антагонизма» двух цивилизаций – западной и исламской, но отражают кризис диалога между ними. Несомненно, обе

стороны несут вину за такой кризис. Не хочу измерять степени этой вины или пытаться определить, кто осуществляет первоначальные действия, а кто отвечает на них. Но вполне очевидно, что диалог между двумя цивилизациями загоняется в тупик попытками силой распространить на Ближний Восток и Северную Африку ту модель демократии, которая привилась на Западе, без учета цивилизационных, традиционных, исторических особенностей арабского мира, менталитета его населения.

Силовое навязывание демократии стало не просто отличительной чертой американской экспансии на Ближнем Востоке, но и ее идеологическим оправданием. Особенно четко это проявилось во время администрации Буша-младшего, предпринявшего военную операцию в Ираке. Отвергнутые неопровержимой действительностью «аргументы» о том, что Ирак якобы угрожает США, так как производит ядерное оружие или поддерживает тесные связи с «Аль-Каидой», организовавшей террористическое нападение на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года, были тут же заменены. Причиной вооруженной интервенции была объявлена необходимость привнести в саддамовский Ирак демократию.

Что на самом деле было привнесено в Ирак, показали годы американской оккупации. Шиитско-суннитские отношения вылились в непрекращающиеся кровавые столкновения. В результате военных действий США и междоусобной, межконфессиональной борьбы за 8 лет погибло более 1 миллиона иракских граждан, около 5 миллионов покинули страну. По сей день раздаются взрывы на улицах иракских городов, уносящие десятки человеческих жизней. Происходит исламизация государственных структур – все шиитские партии, занимающие ведущее положение в багдадском правительстве и парламенте, религиозного толка. Ирак оказался на грани территориального распада.

Президент Б. Обама объявил и начал осуществлять вывод американских войск из Ирака. Однако трудно

предположить, что с прекращением оккупации Ирак сможет в течение целого ряда лет обрести стабильность и спокойствие – таких масштабов достиг хаос, в который Ирак оказался погруженным с 2003 года.

Приход к власти в США администрации президента Обамы сказался на подходах Вашингтона к внешней политике. Большой упор, чем при Буше-младшем, делается на применении военной силы не своей, а союзников при сохраняющемся руководстве Вашингтона. Наблюдается заинтересованность США в ооновской легализации военных действий НАТО, чего не было при прежних президентах или присутствовало в гораздо меньшей степени. Госсекретарь США призвала к контактам с египетскими «Братьями-мусульманами», которые занесены государственным департаментом в список террористических организаций. Но можно ли считать, что уже намечается выход из кризиса, в который ввергнут диалог между цивилизациями?

Очевидно, делать такой вывод, по меньшей мере, преждевременно. На пути выхода из этого кризиса сохраняются большие завалы. Один из них – отсутствие урегулирования арабо-израильского конфликта. Последнее совещание «квартета» посредников (США, Россия, ЕС, ООН), состоявшееся в Вашингтоне, окончилось безрезультатно. Основная причина этого – позиция США, которые не готовы проявлять решительную активность в достижении компромисса между Израилем и палестинцами. Придя в Белый дом, Обама провозгласил позицию, которую многие справедливо охарактеризовали тогда как равноудаленную от сторон в ближневосточном конфликте. Вскоре такая равноудаленность была перечеркнута – Вашингтон вернулся к традиционной произраильской линии.

Разрядка напряженности между Западом и арабским, шире – исламским миром не произойдет, а, напротив, в конце концов, усилится в результате действий, предпринятых НАТО в Ливии. Создан опаснейший прецедент,

когда военный блок, руководимый американцами, выйдя за рамки мандата Совета Безопасности ООН, открыто применяет военную силу в поддержку одной из сторон, вовлеченных в гражданскую войну. И Лига арабских государств, и Африканский союз, и Россия, и Китай, и многие другие, в том числе некоторые члены НАТО, выступают противниками силового решения, за поиски политического урегулирования, особенно когда совершенно ясно, что половина, если не больше, ливийского населения поддерживает режим в Триполи. Конечно же, бомбардировки в Ливии не приближают диалог цивилизаций, а он жизненно необходим.

XIV. Что делать туркам с курдами? Вопросы без однозначных ответов

Турецкий парламент преобладающим большинством голосов одобрил осуществление военной операции на территории северного Ирака. Так как разрешение на вооруженные действия дано на целый год, то можно считать, что перед турецкой армией зажегся зеленый свет, и военная операция из замыслов и планов превращается в реально исполнимое, а возможно, и многократное мероприятие. Между тем, перспектива турецкой интервенции породила негативную реакцию в мире. Это неудивительно по многим причинам. В случае удара неизбежна эскалация военных действий, что взорвет более спокойную, чем в других регионах страны, обстановку в Иракском Курдистане, может расшатать ситуацию и в прилегающем районе Турции, где проживает по разным оценкам не менее 10 миллионов курдов. Да и вообще, мировая общественность, особенно после американской военной операции в Ираке, по горло сыта силовыми приемами.

Наряду с такими выводами следует сказать и о существовании целого ряда вопросов, которые связаны с турецкой вооруженной акцией.

Первый. Военные действия, последствия которых, несомненно, негативны, имеют своей целью подавление действующей подпольно в Турции и запрещенной властью Рабочей партии Курдистана (РПК). Боевые отряды этой партии окопались на севере Ирака и совершают постоянные вылазки на территорию Турции. Их вооруженные акции приводят к жертвам не только среди турецких военных и полицейских, но и среди мирных жителей. Премьер-министр Эрдоган, говоря об операции против боевиков турецких курдов, заявил, что его страну не останавливают никакие возможные последствия вторжения в Ирак. «Цена не имеет значения – она будет заплачена», – сказал он. Можно или нет в таких условиях признать право Турции на военные действия за пределами своей территории против сил, которые порой применяют террористические методы?

Второй. В течение многих лет Анкара осуществляла курс, направленный на ассимиляцию курдского населения. Курдов даже называли «горными турками», лишали их самобытности. В настоящее время произошли некоторые изменения в политике в отношении турецких курдов, но это, как показывают события, уже не останавливает их стремления к самоопределению. Между тем Анкара, выступая против каких-либо форм автономии курдов, отстаивает не только принцип территориальной целостности страны, но и унитарный характер турецкого государства. Один из выдвигаемых при этом аргументов – опасение того, что предоставление автономии подтолкнет курдов к отделению. Следует ли в таких противоречивых условиях поддерживать или не поддерживать линию Анкары в курдском вопросе? Или, может быть, заняв твердую позицию в пользу территориального единства Турции, совместить это с поддержкой права ту-

рецких курдов на самоопределение? Затруднительно ответить и на это, особенно в связи с третьим вопросом.

Третий. Уже сегодня, а не в будущем времени, на карту поставлена территориальная целостность Ирака. За единое государство выступает большинство населения, все соседние, да и не соседние страны. Широко известно, что иракские курды в течение многих десятилетий вели борьбу за национальное самоопределение. Но до американской интервенции превалировала формула, которая находила поддержку в мире: укрепление автономии курдов в составе Ирака. Теперь положение меняется. Чаша весов склоняется в сторону создания самостоятельного курдского государства, в которое могут войти не только курды Ирака, но и их соплеменники, населяющие Турцию, Иран, Сирию. По различным данным, курдов в этих четырех странах – от 20 до 30 миллионов. Так следует или нет, при всей ценности сохранения территориальной целостности Ирака, отвергать стремление многомиллионного курдского народа создать собственное государство?

Четвертый. Комитет по внешним отношениям палаты представителей Конгресса США принял резолюцию, признающую геноцид армян в Османской Турции во время Первой мировой войны. Госсекретарь Кондолиза Райс и министр обороны Роберт Гейтс обращались с совместным призывом не выносить эту резолюцию на голосование. Призвал не принимать ее и Джордж Буш. Но конгрессмены решили по-иному. Судя по всему, их решение, вызвавшее серьезное возмущение среди турок, убрало препятствие, мешавшее Эрдогану применить на практике свои угрозы вторжения на территорию Ирака. Секрет Полишинеля, что дискуссия в США вокруг резолюции была вписана в контекст предвыборной борьбы между демократами и республиканцами. В США хорошо понимали чувства армян, поддержавших эту резолюцию, вместе с тем нельзя абстрагироваться от того, принимая ее, они меньше думали о будущем армянского на-

рода, чем об интересах внутрипартийной борьбы. Что можно сказать об этой резолюции, которая столь серьезно затронула чувства и армян, и турок? И вообще, как относиться к парламентским резолюциям, посвященным оценкам исторического прошлого, которые не нацелены на поиски путей примирения народов ни в настоящем, ни в будущем?

В стеклянном доме нельзя бросаться камнями

Пятый. Через Турцию проходит в Ирак 70 % всего, что необходимо для обеспечения оккупационных американских войск, в том числе 30 % горючего. Это, несомненно, одна из причин серьезной озабоченности США происходящим. Анкару посетили американские эмиссары высокого ранга, но, тем не менее, проблема вторжения турецких войск в Ирак не была снята. Возможно, все это подтолкнет Вашингтон к долгожданному обнародованию графика вывода своих войск из Ирака. Однако можно ли на этом основании поддерживать турецкие действия?

Скажу честно, я затрудняюсь ответить на целый ряд вопросов.

Удар по Ирану?

Печатные и электронные СМИ пестрят сообщениями и выводами о готовящемся ударе по Ирану. Есть основания считать, что это один из вариантов развития событий. Судя по обстановке, больше всех заинтересован именно в таком решении «иранской проблемы» Израиль. Он может начать операцию, либо получив на это согласие Вашингтона, либо в расчете на неминуемое присоединение США к военным действиям. Однако Соединенные Штаты пока что воздерживаются от того, чтобы зажечь «зеленый свет». Очевидно, сказывается

ряд причин. Администрация президента Обамы не заинтересована в резком накале обстановки непосредственно в предвыборный период. Не благоприятствует США и нынешняя ситуация в мусульманском мире в связи с тем, что американские солдаты в Афганистане сожгли Коран. Антиамериканские демонстрации захлестнули Афганистан и Пакистан – не помогли публичные извинения, в том числе президента Обамы. Несмотря на широкую поддержку сирийской оппозиции извне, потерпел неудачу план молниеносного свержения режима Асада. Израильский удар по Ирану может в целом потопить этот план – в случае солидарности США с Израилем, наносящим удар по Ирану, а Вашингтону вряд ли удастся уйти от этого, будет трудно положиться на поддержку американской политики в отношении Сирии со стороны арабских государств.

Удар по Ирану был бы авантюрой похлеще даже интервенции в Ираке, порожденной американскими неоконсерваторами, прочно окружавшими президента Буша-младшего (вспомним, что и тогда оправданием военной операции США были оказавшиеся фальсификацией утверждения, будто Ирак производит ядерное оружие). К чему привела вооруженная интервенция против Ирака, широко известно: дестабилизация, полураспад страны, разгул терроризма, разбалансирование ситуации во всем регионе.

Думаю, что мнения многих в руководстве США отражает заявление председателя комитета начальников штабов генерала Мартина Демпси, который после бесед, проведенных в Израиле, публично и категорично высказался против удара по Ирану. Но на этом рано ставить точку. Беспрецедентный случай, когда заявление самого высокопоставленного американского генерала получило оскорбительную оценку как «служение иранским интересам» со стороны администрации израильского премьер-министра Нетаньяху. Еще более беспрецедентно, когда в пользу такой оценки высказались двое амери-

канских сенаторов, находившихся с визитом в Тель-Авиве, – Маккейн и Грэхем. Если кто-то ожидал от этих ультрапатриотов защиты чести своего американского военачальника, то он просчитался. Это, как мне представляется, подтверждает тот факт, что в Соединенных Штатах, особенно в Конгрессе, далеко не все негативно настроены в отношении возможности удара по Ирану. В пользу такого вывода говорит не только перебазировка в Персидский залив значительных военно-морских сил США, но и подозрительно участвовавшие визиты в Иран (два в течение одного месяца) делегации МАГАТЭ, которая, очевидно, в значительной части утратила независимость, свойственную ей при прежнем руководителе Аль-Барадеи. На этот раз делегация МАГАТЭ потребовала открыть ей доступ в Парчин – комплекс по производству вооружений южнее Тегерана. Иран отказал. Кстати, этот комплекс ранее не значился в качестве «подозрительных мест» по производству ядерного оружия.

Против обретения Ираном ядерного оружия настроены практически все, в том числе и Россия. Но как добиться этого? Конечно, не военным путем – находясь в стеклянном доме, в данном случае на Ближнем Востоке, опасно бросаться камнями. Контрпродуктивны и экономические санкции. В преддверии запрета на импорт иранских энергоносителей странами Европейского союза (с 1 июля 2012 года) Иран сам прекратил их поставки в Великобританию и Францию, переориентируя экспорт на Азию. Трудно, если вообще возможно, рассчитывать на то, что Китай и Индия откажутся от импорта иранских нефти и газа, а от прекращения их потока в Европу пострададут, прежде всего, сами европейские страны. Прогнозы свидетельствуют, что это приведет и к общему росту цен на энергоносители.

Где же выход из ситуации, при которой Иран наращивает объемы обогащения урана, но заверяет всех, – и это, как представляется, соответствует действительности, – что не создает ядерное оружие. Пока, во всяком случае.

Естественно, Иран следует подталкивать к тому, чтобы он не углублялся в процессы, которые вызывают тревогу в мире. Но силовые приемы однозначно вызовут обратную реакцию. Разрядить обстановку в интересах всех могли бы переговоры с Ираном по целому комплексу проблем, включая, безусловно, контролируемое исключение производства ядерного оружия, но наряду с этим создание условий для мирного использования атомной энергии, отказ от экономических санкций, вовлечение Ирана в позитивные процессы мирного урегулирования в регионе. Этот комплекс должен предусматривать и нормализацию американо-иранских отношений. «Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран, – пишет в статье “Россия и меняющийся мир” В.В. Путин. – Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится – тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние».

Мне представляется, что такой подход, а не выдергивание из всего комплекса справедливых, однако подчас целенаправленно обостряемых требований МАГАТЭ, возможен. Альтернативы такому «пакетному» решению нет. А для его воплощения в жизнь, очевидно, следует незамедлительно возобновить прерванные три месяца назад переговоры с Ираном шести государств – США, России, Китая, Франции, Британии и Германии.

Фронт против Сирии

Уже год льется кровь в Сирии и бушуют страсти вокруг этой страны. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Исходя из философской значимости этих строк Сергея Есенина, через год после начала событий в Сирии можно лучше разглядеть их сущность.

Первое. Оппозиция режиму Б. Асада включает в себя, несомненно, и людей, требующих демократизации власти. Но основная ее часть – исламисты, причем, радикального толка. Доказательством могут служить не только демонстрации, проходящие под религиозными лозунгами. Весьма характерно, что сторону оппозиции сирийскому режиму безоговорочно приняла «Аль-Каида». Напомню, та самая «Аль-Каида», взявшая на себя ответственность за террористические акты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, которые привели к более, чем трем тысячам жертв мирного американского населения. «Аль-Каида» не одинока в выражении своих симпатий.

Иорданские «Братья-мусульмане» тоже объявили «джихад», то есть войну, сегодняшнему сирийскому режиму. Госсекретарь США Х. Клинтон обвинила Россию и Китай, стремящихся не допустить разрастания вооруженных столкновений в Сирии, в «позорной позиции». А что можно сказать о позиции США, которые в борьбе за свержение конституционно избранного президента Сирии очутились в одной лодке с самыми заядлыми террористами, против которых, казалось бы, была объявлена «непримиримая» борьба Вашингтона?

Второе. Хиллари Клинтон сделала свое заявление на недавно прошедшей в Тунисе конференции «Друзей Сирии»⁴³. Россия и Китай не приняли в ней участие, так как можно было заранее предположить, что на этой конференции, где солировала госсекретарь США, будет подтверждена односторонняя поддержка врагов сирийского режима. Это однозначно не ведет и не может привести к прекращению кровопролития в Сирии. Более того, «Друзья Сирии» договариваются об открытой поставке вооружения сирийской оппозиции. Скрытое снабжение сирийских боевиков оружием происходило, судя по всему, с самого начала антирежимных демонстраций в стране. Во всяком случае, в Ливии и Сирии, в отличие от других стран «арабской весны», произошли вооруженные действия боевиков с самого начала антирежимных демонст-

раций. Уже цитируемый мною генерал Демпси в интервью CNN сказал: «Думаю, слишком рано принимать решение о вооружении оппозиционного движения в Сирии. Пусть хоть кто-нибудь попробует четко объяснить мне, что представляет собой оппозиционное движение в Сирии в данный момент». Как и следовало ожидать, госсекретарь США не хотела, да и не смогла бы развеять справедливые сомнения председателя Комитета начальников штабов США.

Третье. Вашингтон делает ставку на смену нынешнего режима в Сирии главным образом с целью изоляции Ирана. Это осуществляется, когда, по всей видимости, большая часть сирийского населения не присоединилась к вооруженной оппозиции. Об этом свидетельствует недавно проведенный референдум об изменениях сирийской конституции. Демократический характер этих изменений очевиден. И, что очень важно, явка на референдум, несмотря на призывы оппозиционных сил его бойкотировать, была весьма высока. Казалось бы, вырисовывается платформа для переговоров сирийского руководства с оппозицией, но США и поддерживающие их страны требуют предварительного ухода Б. Асада. Их не волнует, кто неизбежно придет к власти, если им удастся осуществить свой замысел. Не волнует их и неизбежная в таком случае резкая дестабилизация обстановки в Сирии, перспектива расширения кровопролития в этой стране. Неужели ничему не учат уроки Ирака, Афганистана, наконец, Ливии?

– Евгений Максимович, каков Ваш взгляд на присутствие российских нефтяных компаний (в том числе ЛУКОЙЛа) на Ближнем Востоке, в первую очередь – в Ираке?

– Начну с общего положения: компании, замыкающиеся в национальных границах, сегодня имеют ограниченные перспективы роста. Поэтому вполне понятно стремление российских нефтегазовых компаний, вклю-

чая ЛУКОЙЛ, развивать свои международные проекты. Большинство компаний имеют вертикально интегрированную структуру, и это находит отражение в их зарубежной деятельности, где представлены и геолого-разведочные, и добывающие, и перерабатывающие, и сбытовые активы. Все это, безусловно, создает дополнительные конкурентные преимущества, повышает капитализацию. И не только.

Недавно, например, ЛУКОЙЛ объявил о том, что впервые за всю 20-летнюю историю компании у нее произошло снижение добычи по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, причем сразу на несколько процентов. Как представляется, одна из причин в том, что основная ресурсная база компании – западносибирские месторождения – после нескольких десятилетий интенсивной эксплуатации понемногу утрачивают свой потенциал. Компенсировать этот естественный спад добычи как раз и призваны зарубежные активы компании.

А теперь в отношении Ирака. Проект «Западная Курна-2»⁴⁴ здесь играет особую роль, поскольку речь идет о гигантском месторождении с доказанными запасами и возможностью быстрого наращивания добычи до очень высокого показателя. Очевидно, что ЛУКОЙЛ будет распорядиться только малой частью этого огромного объема, но и это будет весьма существенным вкладом в масштабы добычи компании.

Особо отмечу как позитивный тот факт, что ЛУКОЙЛ работает в Ираке совместно с таким солидным партнером как Statoil. Положительный опыт этой работы создаст для ЛУКОЙЛа дополнительные перспективы и возможности по вхождению в проекты на норвежском шельфе, куда недавно компания получила допуск.

Добавлю, что когда мы говорим об иракском проекте ЛУКОЙЛа, уместно выражение: «Справедливость возторжествовала». Впервые ЛУКОЙЛ пришел на Западную Курну в 1997 году, проделал большую работу, вложил несколько десятков миллионов долларов, но правительство

Саддама Хусейна в одностороннем порядке разорвало контракт, и ЛУКОЙЛ в течение семи лет (!) боролся за то, чтобы вернуться в проект. Эта настойчивость вызывает уважение.

– Как Вы оцениваете специфические страновые риски Ирака?

– Не буду оригинален, если я скажу, что риски там высокие, и, в первую очередь, в сфере безопасности. Хотя провинция Басра, где сейчас работает ЛУКОЙЛ, – один из относительно спокойных регионов Ирака.

Однако вопрос о развитии ситуации в Ираке после вывода оттуда американских войск остается открытым. Все-таки сохраняется немало шансов на то, что со временем положение стабилизируется. Во всяком случае, в интересах центрального правительства в Багдаде сделать все от него зависящее для безопасной деятельности нефтяных и газовых компаний.

С другой стороны, Ирак не затронула «арабская весна», здесь работает весьма устойчивое и компетентное коалиционное правительство во главе с авторитетным лидером – Нури аль-Малики. Все это, конечно, является фактором стабильности.

– Вы – глубокий знаток курдской проблематики. Иракский Курдистан настроен сепаратистски?

– Да, курдским вопросом я занимаюсь очень давно. Так, в конце 60-х годов я неоднократно посещал Иракский Курдистан. У меня установились прекрасные отношения с тогдашним лидером иракских курдов Муллою Мустафой Барзани. Сегодня президентом Иракского Курдистана стал его сын Масуд Барзани, а премьер-министром курдской автономии племянник Масуда – Нечирван Барзани. Мне представляется, что политическая стратегия клана Барзани не предусматривает отделение Иракского Курдистана от Ирака и создание суверенного государства. И отец, и сын Барзани мне говорили, что в

случае образования самостоятельного государства против него выступит целая коалиция – не только Ирак, но и Иран, и Турция, да и Сирия, которые не без оснований будут опасаться роста сепаратизма в своих районах, населенных курдами.

Вместе с тем нельзя отрицать, что среди иракских курдов тяга к самостоятельному государству сегодня усиливается.

– Есть ли смысл в том, чтобы российские компании вошли в нефтегазовые проекты в Иракском Курдистане?

– Да, есть. Я не так давно по приглашению Масуда Барзани и Джалала Талабани (президент Ирака, этнический курд) посетил Иракский Курдистан, в частности, Сулейманию и Эрбиль – столицу автономии. Я своими глазами увидел, что Иракский Курдистан – самый стабильный, спокойный и благополучный регион Ирака.

В автономии очень заметен экономический бум – повсюду идет строительство новых домов, дорог, предприятий, объектов инфраструктуры (включая аэропорт под Эрбилем), активно работают несколько тысяч иракских и иностранных компаний.

В настоящее время Иракский Курдистан имеет и свой парламент, и правительство, полный набор государственных институтов и силовых структур, включая вооруженные формирования пешмерга⁴⁵ (до 80 тысяч человек с тяжелым оружием, бронетехникой и танками), полицию и службу безопасности «Асаиш». Иными словами, Иракский Курдистан весьма самостоятелен и самодостаточен. Но вопросы, связанные с нефтедобычей, согласовываются с центральным правительством в Багдаде. Зачастую эти вопросы вызывают споры, но в целом стороны договариваются. При этом очевидно, что предстоящее становление границы автономии, которая может включить район Киркука, обладающей богатейшими запасами нефти, существенно усилит позиции Иракского Курдистана в нефтегазовой сфере.

XV. Пакистан – от диктатуры к демократии?

Введение чрезвычайного положения в Пакистане, избивание демонстрантов, аресты членов юридического сообщества и оппозиции, отстранение председателя Верховного суда, закрытие ряда газет породили крайне негативную реакцию в мире. Очевидно, это сыграло немалую роль в том, что последовал ряд заявлений президента Мушаррафа – об отмене в течение месяца чрезвычайного положения, проведении выборов, намерении в случае победы на выборах отказаться от руководства армией. Президент США Дж. Буш, назвавший несколько дней назад происходившее в Пакистане «ударом по демократии», теперь охарактеризовал положение как «обнадеживающее».

По какой демократии был нанесен удар в Пакистане, и способно ли реальное положение в этой стране вселить радужные надежды на будущее?

Генерал Мушарраф вышел на политическую арену 12 октября 1999 года. Он возглавил военный переворот, который привел к свержению правительства, избранного по действовавшей в Пакистане Конституции. Была установлена военная диктатура. Вся власть сосредоточилась в руках Мушаррафа, который объединял в одном лице президента и генерала-руководителя вооруженными силами. Пакистан в то время рассматривался американской администрацией как важный опорный пункт на подступах к Индии, Китаю и России. США, несомненно, тревожила тенденция создания своеобразного треугольника из этих стран, развивающих многосторонние отношения, в том числе в области внешнеполитической координации. Это не могло не сократить маневренные возможности американской политики во всем Азиатско-

Тихоокеанском регионе. В таких условиях режим Мушаррафа был четко выведен из числа тех стран, куда Вашингтон намеревался совершить «экспорт демократии».

После атаки «Аль-Каиды» на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года была начата антитеррористическая операция в Афганистане, и Мушарраф стал еще более важным союзником США. А защита демократии в Пакистане вообще потеряла всякий смысл для американского руководства. Небольшой ручеек недовольства, если он и был, не мог пробиться сквозь толстые стены абсолютной терпимости к антидемократическим методам правления в этой стране. Определяющее значение для США в большей степени, чем для любого другого государства, имеет характеристика диктатора – «свой» он или «чужой». Вашингтон мирился даже с пассивностью Мушаррафа в борьбе с афганскими талибами и связанной с ними «Аль-Каидой», прочно окопавшимся в пакистанском приграничье с Афганистаном. Халильзад, в свою бытность послом США в Афганистане, говорил госсекретарю Пауэллу, что следует оказать давление на Мушаррафа, который опасно зарывается во внутренней политике и пассивен в борьбе с «Талибаном»⁴⁶. В ответ Пауэлл запретил всякую критику Мушаррафа. Такова была линия руководства США.

До поры до времени такая линия срабатывала. Она, конечно, наносила ущерб престижу США, считающими себя чуть ли не центром демократии. Но нужно признать, что взвешенный подход к пакистанскому режиму объективно был вызван тем, что Мушарраф держал в руках рычаги власти в стране, во-первых, обладающей ядерным оружием, и, во-вторых, имеющей чрезвычайно большой радикальный исламский потенциал.

Кризис, развернувшийся в Пакистане, несомненно, окажет влияние на будущее этой страны. Я бы сказал, проблема сводится главным образом к двум «переменным»: сохранится ли контроль центральной власти над армией, которая играет чрезвычайно важную внутриво-

литическую роль, и произойдет ли дальнейшее усиление радикальных исламских групп. Почему именно эти два показателя так важны? Обратимся к недалекому прошлому. Не секрет, что главным организатором движения «Талибан», захватившего власть в Афганистане, была пакистанская военная разведка. Военная разведка сыграла ведущую роль и в передаче Пакистаном ядерных технологий Северной Корее. Это произошло еще до президентства Мушаррафа. Увольнение им ряда руководящих деятелей разведки свидетельствовало о его стремлении установить жесткий контроль над ее деятельностью.

Методы военной диктатуры применялись в отношении исламистов. Кульминацией стал штурм Красной мечети в июле этого года. Справедливо возмущаться кровавой расправой над ее защитниками. Но после захвата мечети в ней был обнаружен настоящий арсенал, включая ракеты, противотанковые мины, современное стрелковое оружие. Лидер исламистов Рашид Гази, убитый при штурме, не скрывал в своих заявлениях, что целью исламской оппозиции является захват власти в Пакистане. Это не такой уж гипотетический вариант, тем более, если учесть, что в Пакистане тысячи религиозных школ-медресе, в которых изучают не только Коран, но и военное дело. Поэтому столь тревожно звучит вопрос: не попадут ли уже изготовленные в Пакистане ядерные заряды, а их около 90, в руки той же «Аль-Каиды» или других террористических групп, если после ослабления Мушаррафа к власти придут исламисты или резко ослабнет контроль над пакистанской армией? Да и вообще, можно ли будет надежно гарантировать сохранность ядерных зарядов в случае, если Пакистан окунется в хаос, подобный тому, что мы наблюдаем в Ираке. А ведь в Пакистане еще больше, чем в Ираке, и национальностей, и этнических групп, и религиозных конфессий. Это тоже, очевидно, нужно принимать во внимание тем, кто аплодирует возможному переходу Пакистана ко всеядной демократии.

Считается, что Вашингтон ратует за изменение характера режима в Пакистане за счет установления двоевластия: Мушарраф – лидер Пакистанской народной партии Бхутто. Этот вариант затруднен уже тем, что Бхутто потребовала отставки Мушаррафа. Другой вариант – чисто гражданское правление. Согласится ли на это армия? Любой режим может быть поддержан лишь в том случае, если не ослабнет контроль над армией и над ядерным оружием. Тем более что в преддверии такой перспективы уже усиливаются позиции отрядов религиозных радикалов, которые практически берут под свой контроль Северо-Западную пограничную провинцию.

Очень не хотел бы, чтобы меня зачислили в противники демократических ценностей, демократических форм правления. Однако не следует, как представляется, говорить об этих формах абстрактно, вне привязки к действительности. Особенно это относится к Пакистану – единственному ядерному государству, которое при определенных обстоятельствах не сможет помешать террористическим группам овладеть ядерным оружием.

Настоящей угрозой в современных условиях я считаю само существование и тенденцию к расширению группировки «Исламское государство» («ИГ») с первоначальным названием «Исламское государство Ирака и Леванта»⁴⁷. Это – сплав различных течений, каждое из которых до поры до времени не представляло собой масштабной опасности. Принято считать, что основой «ИГ» стали суннитские радикалы из иракского «треугольника». К ним присоединились офицеры-баасисты, создавшие после американской оккупации Ирака ряд подпольных организаций. Это усилило боеспособность «Исламского государства», хотя отношения с бывшими баасистами, мировоззрение которых не во всем совпадает с идеологией «ИГ», не определено на будущее.

Отряды «ИГ», состоящие из наиболее оголтелых террористов, окрасивших себя в религиозные цвета, ринулись в Сирию, заняв там лидирующее положение среди

оппозиции алавитскому правительству Башара Асада. В Сирии они завербовали себе новых сторонников. Нарастив мускулы, «ИГ» неожиданно для многих перешла в наступление в Ираке, где за считанные дни поставила под свой контроль треть страны.

Вся эта цепь расширений и победоносного шествия «ИГ» во многом стала результатом политики США, совершивших интервенцию в Ирак, да и итогом той политики, которую проводили американские оккупационные власти. Интервенция США окунула Ирак в хаос, полностью разбалансировала ситуацию в этой стране, где начались кровавые столкновения между представителями двух главных направлений в Исламе – шиитами и суннитами.

Борьба режима Саддама Хусейна, представлявшего главным образом суннитское меньшинство, с шиитами происходила и до американской оккупации Ирака. Но столкновения между ними, принимавшие подчас жесткие формы, не были основаны на религиозных противоречиях. Во всяком случае, не было практически еженедельных взрывов бомб в мечетях, как это происходит в настоящее время. Остроту нынешним кровавым суннитско-шиитским столкновениям в Ираке придала ярко выраженная ставка США на поддержку шиитов при вытеснении суннитов из властных структур. Именно при этом произошел перенос центра тяжести на религиозные противоречия – этот факт трудно опровергнуть апологетам политики США.

Невозможно оправдать и тот факт, что недалновидная, мягко говоря, политика Соединенных Штатов способствовала вооружению тех самых радикалов-террористов, которые затем развернули свое оружие и против США. Казалось бы, при беглом рассмотрении не было криминала в том, что американские оккупационные власти затратили немалые средства на вооружение суннитских племенных отрядов самообороны, стараясь с их

помощью вытеснить «Аль-Каиду» из суннитского треугольника. Однако их попросту обманули, пообещав членам этих племенных организаций целый ряд постов в иракской регулярной армии. США, не выходя из русла своей шиитской позиции в Ираке, согласились с бывшим премьер-министром Малики о нецелесообразности допуска суннитов в офицерский корпус иракской армии.

Еще более негативную роль сыграла всемерная поддержка Вашингтоном сил, ведущих вооруженную борьбу с целью свержения существующего в Сирии режима. Разговоры о том, что США и их союзники вооружали не «ИГ», а другую, более умеренную, группу – «Сирийскую свободную армию»⁴⁸, абсолютно беспочвенны. В условиях беспредельной поддержки оппозиционных сил в Сирии США не могли, да и не хотели создавать буфер между «ИГ» и остальными. Такова уж логика американской позиции: решать свои противоречащие другим странам задачи, не думая о завтрашнем дне. К чему привела такая логика, видно также на примере Афганистана, где США, как известно, поддерживали, помогали террористам из «Аль-Каиды», которые вели борьбу в этой стране против советской армии.

Еще одна немаловажная деталь: разбалансированию обстановки в Ираке, чем воспользовалась «ИГ», способствовала люстрация членов уже не существовавшей после свержения Саддама Хусейна партии «Баас». Вновь формируемые, начиная с нуля, иракская армия и спецслужбы оказались полностью недееспособными, что отчетливо проявилось в дни бегства иракской армии, сдавшей практически все позиции боевикам «ИГ». Кстати, боевики при этом приобрели брошенное армией вооружение – бронетранспортеры, танки, орудия и другие средства ведения войны, тоже в свое время предоставленные Соединенными Штатами и их союзниками.

В чем конкретно проявляется опасность движения «Исламское государство»?

Первое. Заявившее себя в качестве победоносной силы «ИГ» стало магнитом, притягивающим к себе целый ряд экстремистских исламских организаций. Эта группировка превращается в глобальный центр непримиримых исламских радикалов.

Второе. Численность боевиков быстро увеличивается, в том числе за счет присоединения к ним исламских «джихадистов» из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Европы, Америки и Австралии. К «ИГ» как к «команде победителей» примкнули многие боевики из «Сирийской свободной армии» и «Джабхат ан-Нусра»⁴⁹, связанной с «Аль-Каидой». Это создает опасную перестановку сил, ведущих вооруженные действия против правительства в Дамаске. По данным ЦРУ, за три месяца после того, как «ИГ» заявила о себе, захватив второй по величине в Ираке город Мосул и другие территории, число боевиков «Исламского государства» возросло в 3 раза, перевалив за 30 тысяч.

Третье. Группировка «ИГ», поставив под свой контроль нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий район Мосула, стала финансово самообеспечиваемой. Нефть продается турецким, иорданским, сирийским и другим теневым торговцам, которых не останавливают окрики из Вашингтона.

Четвертое. Идеологическая платформа «ИГ» – создание халифата на всех территориях с мусульманским населением – имеет немало сторонников. Однако ряд арабских стран примкнул к государствам, заявившим о готовности противодействовать группировке «ИГ». Так что не все однозначно в арабском мире.

США начали наносить авиационные удары по силам «ИГ» в Ираке. За этим последовали удары и по сирийской территории без участия правительства в Дамаске. Это не только противоречит нормам международного права, но и вызывает опасения, как бы «под шумок» в обход Совета Безопасности ООН не началось «выбомбление» дамасского режима.

В целом ситуация достаточно серьезная, и она, несомненно, требует сплочения государств, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН, в борьбе с группировкой «ИГ». Никакие разногласия, в том числе по «украинскому вопросу», не должны помешать борьбе с международным терроризмом.

XVI. Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра

Кризис на Украине, в который оказалось разнопланово вовлеченным мировое сообщество, стал, пожалуй, событием номер один по своему влиянию на развитие межгосударственных отношений в сегодняшнем мире.

Как это было?

Политический кризис в Киеве возник в ноябре 2013 года. Поводом для массового выступления стало объявление украинского правительства о переносе подписания документа, провозглашающего ассоциацию Украины с Европейским Союзом.

Забыв о первоначальной цели демонстраций и митингов, киевский майдан начал бороться за власть.

Положение на майдане оседлали молодчики профашистского, националистического и антироссийского толка. Начались кровавые столкновения.

На сотрудников милиции и отрядов «Беркут» обрушились «коктейли Молотова», камни, металлические трубы. Применялось и огнестрельное оружие. Силы правопорядка использовали слезоточивый газ, водометы. Были жертвы с обеих сторон.

На первых порах часть митингующих пыталась отмежеваться от действий экстремистов, даже называя активистов «Правого сектора»⁵⁰ провокаторами.

Действительно, помимо «оголтелых», в акциях протеста принимали участие многие из тех, кто выступал за демократию, против коррупционного режима. 21 февраля власти и лидеры оппозиции даже подписали соглашение, которое включило в себя возвращение к Конституции 2004 года, урезавшей права президента, формирование правительства национального единства, проведение президентских выборов. Власть и оппозиция обязались воздерживаться от применения силовых мер.

22 февраля, то есть на следующий день после подписания соглашения с оппозицией, произошел насильственный захват власти. Руководитель «Правого сектора» Ярош отверг соглашение, назвав его «очередным замыливанием глаз». В ночь на 22 февраля радикальными майдановцами были захвачены здания Верховной Рады, администрации президента, правительства, МВД. В 10 часов утра началось заседание Верховной Рады. На кадрах прямой трансляции было видно, что оно проходит под физическим давлением боевиков майдана и их сторонников. Были смещены со своих постов президент, руководство парламента, МВД.

Суть тех, кто захватил власть, стала очевидной по многочисленным выступлениям в защиту бандеровцев, других националистов, прислуживавших во время Отечественной войны фашистским оккупантам, и по антирусской риторике. О многом говорили и такие факты, как принятие Радой закона (его неподписание и. о. президента отнюдь не уменьшает значение того факта, что закон был принят украинским парламентом), направленного на изгнание русского языка из Украины.

Обратило на себя внимание и заявление вновь назначенного министром внутренних дел Авакова, что в руководство его ведомства теперь будут входить представители «Правого сектора» и самообороны майдана.

Не хочу преуменьшать вины за все случившееся и Януковича. Возглавляя страну, он пытался «доить двух маток» – и Россию, и Европейский союз, метался между ними. Не могла не воздействовать на украинское общество и широко распространенная при его режиме коррупция, с которой он практически не боролся. Характерно, что сразу после начала демонстраций на майдане мир не услышал голоса Востока и Юга Украины.

Янукович публично объяснил это тем, что в Донбассе и Днепропетровске работают в три смены, живут от зарплаты к зарплате и им, дескать, не до политики. Смехотворное объяснение.

Дело, очевидно, в том, что население этих регионов было настроено не только против разношерстных митингующих на майдане, но и против Януковича и его окружения. Когда начались кровавые столкновения и произошел государственный переворот, на Востоке и Юге Украины настроения изменились – от молчаливого наблюдения к активному неприятию происходящего в Киеве, к выработке мер для обеспечения собственной безопасности и собственного будущего.

Но такая перемена, судя по всему, не изменила отношения к Януковичу. Не это ли стало действительной причиной того, что в разгар событий он покинул Украину, а не остался среди защитников правопорядка, борцов против фашиствующих молодчиков?

В Донецке, Харькове, Луганске стали собираться на митинги сторонники федерализации Украины. В ответ власти Киева объявили спецоперацию против «сепаратистов». На юго-востоке Украины зрело, накапливалось не только недовольство тем, что происходило в Киеве, но и опасение за свою судьбу.

Чтобы понять причины глубины таких опасений, хотел бы процитировать оценки и прогнозы Александра Исаевича Солженицына, который с поразительной точностью представил то, с чем ныне пришлось столкнуться

на Украине. В 1990 году Солженицын писал: «Сам я – едва не наполовину украинец, и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провел большую часть своих фронтовых лет... К тем и другим я обращаюсь не извне, а как СВОЙ. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, “откуда русская земля стала есть”, по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство. Одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и все протяжение от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь, и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов».

Накануне распада СССР Солженицын утверждал: «Отделять Украину – значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько – смешанного происхождения; сколько смешанных браков – да их никто “смешанными” до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими». Вместе с тем Солженицын назвал «отяжелительной ошибкой», которая «непреренно и вредоносно скажется и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 % населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин». Солженицыну принадлежат и такие слова: «Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться, никто не посмеет удержать его силой. Но разнообразна эта обширность, и только местное население может решать судьбу своей местности, своей области, а каждое новообразуемое при том национальное меньшинство в этой местности должно встретить такое же ненасилие к себе».

Прогнозы Александра Исаевича во многом сбылись. На несогласие Восточной Украины с новыми киевскими властями, несомненно, влиял тот факт, что они взяли откровенный курс против федерализации страны. Это означало не что иное, как отказ признавать особое положение регионов Украины с преобладанием русскоязычного населения. Положение усугублялось, так как совершались попытки жесткой силой усмирить тех, кто шел против такого курса.

В таких условиях в апреле 2014 года были провозглашены Донецкая народная республика (ДНР) и Луганская народная республика (ЛНР). За их создание высказались участники референдумов, которые, нужно сказать, были проведены в части районов восточных областей. Но всеохватывающими были пророссийские настроения, что проявилось и в вывешивании буквально повсюду российских флагов, и в нескончаемых выступлениях в пользу сближения с Россией.

Однако в период, предшествовавший провозглашению ДНР и ЛНР и даже вслед за этим, на юго-востоке Украины преимущественно звучали требования федерализации страны. Образование независимых государств, что подразумевало выход из Украины, стало лозунгом после того, как киевские власти предприняли армейскую карательную операцию против Донецка и Луганска с применением тяжелой военной техники и авиации. В военных действиях активно участвовали отряды боевиков, проявивших свою радикально-националистическую и антирусскую суть уже на майдане.

Крым: последовательность событий

Не в отрыве от происходящего на юго-востоке Украины, но по собственному сценарию, события развивались в Крыму, который, как известно, стал частью Украины без волеизъявления населения.

Это не могло не сказаться на настроениях крымчан, давно тяготеющих к России. К тому же в Севастополе базировался российский Черноморский флот, что подкрепляло пророссийский менталитет жителей этого города и других районов Крыма.

Из общего потока выделялась крымско-татарская община, но и она не была абсолютно однородной, хотя властью в ней пользовался и достаточно широким авторитетом обладал местный парламент – Меджлис, а его лидер со своим близким окружением был тесно связан с украинскими политиками и до, и после киевского майдана.

1 декабря 2013 года высший орган на полуострове – хочу подчеркнуть, что он был тогда частью общеукраинской структуры власти – Верховный Совет Автономной Республики Крым заявил: «Оппозиционные выступления в Киеве ставят под угрозу политическую и экономическую стабильность в Украине». В декабре и январе 2014 года крымский парламент неоднократно обращался к властям с призывом «не допустить антиконституционного пути реванша обанкротившихся политических сил, исповедующих крайний национализм».

В Крыму и Севастополе началось формирование отрядов самообороны. 23 февраля, на следующий день после переворота в Киеве и в тот же день, когда Верховная Рада Украины приняла закон, лишивший русский язык даже половинчатого регионального статуса, в Севастополе состоялся 200-тысячный «митинг народной воли против фашизма». Последовательность следующих событий показательна.

В ночь на 23 февраля на фоне угроз расправиться с «сепаратистами» и открытия Службой безопасности Украины (СБУ) уголовного производства в связи с решениями и заявлениями парламента Крыма вновь назначенные глава СБУ Наливайченко и министр внутренних дел Аваков совершают блицпоездку в Крым. Сразу двое и сразу после переворота – в Крым.

26 февраля в Симферополе вышли на демонстрацию крымские татары – сторонники Меджлиса с целью блокировать заседание Верховного Совета Крыма, на котором ожидалось принятие решений в защиту русского языка и самостоятельности региона. Произошли столкновения между участниками этой демонстрации и другой, организованной выступавшими против политики киевских властей. 30 человек получили ранения, двое погибли. Заседание Верховного Совета было сорвано.

Днем 27 февраля Верховный Совет Крыма смог возобновить работу. Премьер-министром автономии был назначен лидер фракции «Русское единство» Сергей Аксенов. Парламент постановил провести 25 мая общекрымский референдум с вынесением вопроса в такой формулировке: «Автономная Республика Крым обладает государственной самостоятельностью и входит в состав Украины на основе договоров и соглашений (“за” или “против”)».

28 февраля без согласования с Верховным Советом Автономной Республики Крым Киевом был назначен новый начальник Главного управления МВД в Крыму. Назначенец тут же в ночь на 1 марта предпринял попытку отбить у сил самообороны здание МВД, но получил отпор. Утром 1 марта премьер-министр С.В. Аксенов переподчинил себе все силовые структуры автономии и обратился к президенту Российской Федерации В.В. Путину с просьбой об оказании содействия в обеспечении мира и спокойствия на территории Крыма. Такое обращение могло быть объяснимо не только событиями в самом Крыму, но и стремлением новых киевских властей силой подавить сопротивление на юго-востоке Украины. В этот же день президент Путин внес в Совет Федерации Федерального Собрания РФ обращение об использовании российских Вооруженных сил на территории Украины. Единогласное согласие депутатов Совета Федерации было получено.

6 марта Верховный Совет Крыма принял решение провести референдум на всей территории Крыма, вклю-

чая Севастополь, уже 16 марта. Была принята и новая формулировка вопроса на референдуме, предполагающая выбор одного из двух вариантов ответа: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?» В тот же день постановление о проведении референдума вынес городской совет Севастополя. Объясняя причину замены первоначально принятой формулировки референдума, заместитель председателя Верховного Совета Крыма сказал, что это было вызвано реакцией украинских властей на решение о проведении референдума, на который в тот момент не планировалось выносить вопрос о выходе автономии из состава Украины.

9 марта в Симферополе, Севастополе, Евпатории и Керчи прошли митинги в поддержку присоединения Автономной Республики Крым к России.

16 марта состоялся референдум, в котором приняли массовое участие избиратели Крыма и Севастополя. Абсолютное большинство проголосовало за воссоединение Крыма с Россией.

17 марта президент Путин подписал Указ о признании Республики Крым в качестве суверенного и независимого государства, в котором Севастополь имеет особый статус, и уже 18 марта в Георгиевском зале Кремля был подписан руководителями России, Крыма и Севастополя договор о вхождении Республики Крым в состав РФ.

США и Россия: противоположные позиции

С самого начала кризиса на Украине США в открытую поддерживали киевский майдан. Общеизвестны факты личных и телефонных контактов с украинскими оппози-

ционерными дипломатами из посольства США в Киеве и участвовавших в столице Украины американских политиков. Не только они, но и высшие должностные лица США выражали безоговорочную поддержку украинской оппозиции. Есть основания считать, что многие американские представители подталкивали украинский саботажников к наращиванию антиконституционных акций. Во всяком случае, zaangażированные в украинские события американцы руководствовались не примирительными мотивами.

Курс США сознательно набирал динамику против России, которая прилагала усилия для выхода из украинского кризиса на путях переговоров вовлеченных в него сторон. Кульминацией стало инициированное США введение антироссийских санкций. Вашингтон настойчиво привлекал к присоединению к таким санкциям европейские страны, Австралию, Японию, Канаду и, нужно сказать, добился успеха.

Осуществляя свой курс, Вашингтон, конечно, был осведомлен, что боевики, выступающие на майдане за насильственный захват власти, поднимали над своими головами знамена украинских националистических организаций, которые активно использовались гитлеровской Германией во Второй мировой войне. Их руками гитлеровцы, в частности, предали смерти тысячи евреев, населявших оккупированные территории, и украинских борцов против фашизма.

Каковы те скрытые пружины, которые подтолкнули Вашингтон именно на такую позицию в связи с кризисом на Украине?

К числу основных направлений в политике США с целью внедрения однополярного мироустройства, несомненно, можно отнести стремление вытеснить Россию из мировой политики и заглушить центробежные тенденции, отодвигавшие от США их европейских союзников после окончания холодной войны. Вместе с тем победа проамериканских сил в Киеве сулила установление во-

енного контроля США над Черным морем, что задевало жизненные интересы России. Это могло быть использовано также в расчете сделать Турцию более податливой в отношениях с Соединенными Штатами.

Судя по позиции Вашингтона, ставка делалась на втягивание российских вооруженных сил на юго-восток Украины. В таком случае Европа с учетом настроений ее общественности на долгие десятилетия оставалась бы в орбите политики США. Думаю, поэтому не было позитивной реакции Вашингтона на решение Путина отозвать после воссоединения Крыма с Россией полученное ранее согласие Совета Федерации на использование российских войск на Украине. Продолжающиеся обвинения России в военном вмешательстве на востоке Украины не могли перечеркнуть эффекта такого решения Путина.

Тем более что продуманное решение президента России было принято, можно считать, вопреки тону преобладающей части российских СМИ, который явно не соответствовал сдержанности, проявляемой В.В. Путиным. Конечно, тон (главным образом телевидения) был вызван действиями украинских силовиков – участников карательной операции на востоке Украины, обстреливавших не только позиции ополченцев. Дабы сломить их боевой дух, били артиллерией, системами залпового огня по жилым кварталам Славянска, Луганска, Донецка. Множилось число жертв среди мирного населения. Но уверен, что пропагандистская подготовка России к военному вмешательству на Украине не была в планах Кремля.

Между тем США упорно проводили линию на поддержку карательных акций киевских властей. Когда перемена в военных действиях в пользу украинских силовиков, многократно обещанная Киевом, не произошла, а внимание Запада к украинским событиям стали вытеснять война в Газе между Израилем и палестинским ХАМАСом⁵¹, а также победоносное наступление боевиков из «Исламского государства» в Ираке – это было отчетливо заметно по западным СМИ – был сбит пролета-

ший над Украиной малайзийский гражданский самолет с пассажирами на борту. Кто стрелял по нему, так и не было выяснено. Но право на существование, как представляется, имеет и такая версия, что он был сбит, чтобы вернуть события на Украине в центр внимания США и их европейских союзников. Кстати, такое могло произойти и без прямого указания высшего руководства в Киеве, где разворачивались многие группы, претендовавшие на власть.

Позиция Запада, диктуемая Соединенными Штатами, несомненно, воздействовала на Россию и ее решения. Но неправильно было бы считать такое влияние основным – Россия не рассматривала свой подход к кризису на Украине через призму глобального противостояния с кем бы то ни было. Если элементы такого противостояния появлялись, то инициировали это США и их партнеры.

Первое. Воссоединение Крыма с Россией произошло во время и в результате кризиса, возникшего на Украине, – на этот счет никаких предварительных российских «заготовок» не было. Никому, даже откровенным противникам, не пришло в голову обвинять Москву в возникновении украинского кризиса. Идея воссоединения была выражена практически единодушным голосованием крымчан, помимо всего прочего встревоженных тем, что антирусские действия киевских властей будут силой привнесены в Крым. Однако обвинения в адрес России сконцентрировались на ее военном присутствии во время голосования. Такое присутствие действительно имело место, но не в нарушение российско-украинских соглашений по Черноморскому флоту от 28 мая 1997 года. По этим документам Россия имела право размещать в Крыму до 25 тысяч своих военнослужащих. Российские военные действительно стояли за спиной крымских отрядов самообороны. Численность российских военнослужащих была даже меньше той, которая допускалась соглашениями с Украиной, не денонсированных после смены власти в Киеве. Цель российских военнослужащих за-

ключалась в том, чтобы не допустить силовых провокаций против голосующих на избирательных участках, сохранить мирную обстановку в Крыму. И самое главное – они не произвели ни одного выстрела.

Второе. Характерна позиция России в отношении крымских татар. В обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации 18 марта президент Путин заявил: «Крымские татары вернулись на свою землю. Считаю, что должны быть приняты все необходимые политические законодательные решения, которые завершат процесс реабилитации крымско-татарского народа, решения, которые восстановят их права, доброе имя в полном объеме». Известно, что такие решения, в том числе провозглашение государственным крымско-татарского языка наряду с русским и украинским, были приняты. Делалось все, чтобы вхождение Крыма в состав России создавало для крымских татар лучшие условия. Большую роль сыграли визиты в Крым руководителей Республики Татарстан.

Третье. Позиция Кремля по вопросу ориентации Украины на присоединение к Европейскому союзу была многократно озвучена: выбор внешнеэкономической ориентации принадлежит самой Украине; Россия будет предпринимать защитные экономические меры по тем проявлениям вхождения Украины в систему ЕС, которые нанесут ущерб нашей стране.

Четвертое. С самого начала возникновения нынешнего кризиса на Украине Москва выступала за переговоры, за мирное решение. Было поддержано соглашение 21 февраля конституционной власти с оппозицией, которое содержало согласие на целый ряд оппозиционных требований. Поддержан выдвинутый ОБСЕ вполне прагматичный план урегулирования. Сразу после избрания президентом Петра Порошенко было заявлено о готовности вести с ним переговоры. Во время встреч с ним В.В. Путин настойчиво проводил мысль о необходимости прекращения огня и переговоров киевских властей с

представителями юго-востока Украины. Кремль – это было позже – предложил ополченцам, окружившим подразделения украинских силовиков, открыть гуманитарные коридоры, чтобы выпустить из образовавшихся «котлов» тех, кто захочет этим воспользоваться. Ополченцы согласились на эту инициативу президента России и разрешили выйти по таким коридорам всем, кто сложит оружие. Разве это не следует расценивать как стремление России создать условия, благоприятствующие внутриукраинским переговорам.

Руководство США и ряда европейских стран, не отрицая необходимость политических методов, обуславливали внутриукраинский переговорный процесс односторонним отказом России от поддержки ополченцев. Было ясно, что на это Москва не пойдет и не пошла, оказывая максимально возможную в сложившихся условиях многостороннюю помощь тем, кто на востоке Украины борется за свои права. В этой борьбе приняли участие и добровольцы из России. Одновременно, действуя на политическом поле, Москва добилась прямых переговоров Киева с представителями Донбасса и Луганска. При любом исходе это – прорывной момент, который скажется рано или поздно на урегулировании кризиса на Украине.

Пятое. Добиваясь прекращения кровопролития на востоке Украины, Россия играла активную роль в постоянных контактах, в том числе конфиденциальных, президента России, а также министра иностранных дел с западными руководителями. Россия активно участвовала в организации многосторонних встреч представителей Украины, России, Евросоюза – в ряде таких встреч были представлены и Соединенные Штаты, выдвинула идею образования контактной группы для создания «дорожной карты» урегулирования украинского кризиса. Личные встречи и телефонные разговоры В.В. Путина и П.А. Порошенко имели особое значение для поиска выходов из сложной ситуации.

Шестое. Россия ни публично, ни «за кулисами» не поддерживала идею выхода юго-востока из состава Украины. Этот вывод подкрепляет факт обращения президента Путина с призывом отложить референдум, предусматривавший возможность создания на юго-востоке Украины самостоятельного государства. Это обращение прозвучало в тот момент, когда руководители Донецка и Луганска настаивали на незамедлительном проведении референдума. К сожалению, призыв Путина не был услышан. Президент подытожил позицию России: «пора начать предметные переговоры не по техническим вопросам, а по существу понять, какие права будут у народа Донбасса, Луганска, всего юго-востока Украины». Из этих слов, да и по другим признакам, очевидно, что Россия не диктовала, каким должен быть статус Украины в результате внутриукраинских переговоров.

Хотелось бы верить, что все эти старания России принесут удачу. Во всяком случае, сделан важный шаг – вступил в силу подписанный сторонами протокол о прекращении огня. Он учитывает взвешенные, компромиссные меры плана Путина. Последуют ли дальнейшие шаги, покажет будущее.

XVII. Политология – инструмент реализации национальных интересов страны*

Уважаемые коллеги!

Российское общество политологов имеет очень большое значение и призвано сыграть очень большую роль на со-

* Выступление на заседании Президиума Российского общества политологов 30 апреля 2014 г. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова).

временном этапе развития России. Его образование должно придать новый импульс в становлении современной политологии в нашей стране, сосредоточить наши усилия, прежде всего, на исследованиях роли и места России в пробивающем себе дорогу многополярном мире, трудностей и противоречий, которые приходится преодолевать на этом пути. Безусловно, важны и необходимы актуальные работы, где рассматривались бы вопросы внутренней политики нашего государства, проблемы реализации национальных интересов, обеспечения национальной безопасности. Мне кажется, что Российское общество политологов могло бы освоить и серьезно разработать эти темы, которые до сих пор недостаточно изучены, особенно с позиций анализа вызовов и альтернатив, выработки рекомендаций для принятия решений.

Программные цели Общества направлены на укрепление связей между политологическим образованием, политологией как наукой и реальной политикой. В наше время, когда сложился устойчивый спрос на профессиональную аналитику, это особенно необходимо. Необходимо с первых шагов в организации Общества взять цель на системную работу, которая привела бы к созданию профессиональных аналитических корпораций, способных предлагать научно обоснованные сценарии и прогнозы развития страны и мира.

Очень важно Российскому обществу политологов поставить перед собой задачу поддержки научных школ, ориентированных на национальные интересы страны с собственным видением путей развития России и мира. Эти школы развиваются как в центре, так и в регионах, и было бы необходимо дать возможность им рассказать о результатах своих научных исследований на площадках Общества, помочь им заявить свои позиции и у нас, и за рубежом.

Политология – это наука о развитии, это анализ развития общества, государства и власти. Она междисциплинарна, поскольку развивается на стыке целого ряда

дисциплин, прежде всего философии, экономики, социологии. Это наука, которая состоит из многих частей. И вот соединение их в политологии и представление сейчас всего этого в Российском обществе политологов имеет, как мне представляется, очень большое значение именно для того, чтобы создать надежную экспертизу принимаемых решений в сегодняшней России. Это имеет очень большое значение для ее будущего.

Мы сейчас переживаем достаточно серьезный момент, что, в том числе, выражается в попытках лишить нас возможности защищать наши национальные интересы. А они должны быть защищены. И в этих условиях создание и развитие Российского общества политологов, как мне представляется, приобретает особое значение в сегодняшней России. Я бы хотел пожелать больших успехов Российскому обществу политологов.

И еще раз подчеркну, что для меня огромная честь, что вы избрали меня почетным президентом. Спасибо большое.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания

¹ Массачусетский технологический институт в пригороде Бостона (штат Массачусетс) – одно из самых престижных технических учебных заведений мира. МТИ занимает лидирующие позиции в сфере информационных технологий, образовательных инженерных программах, в менеджменте, экономике, физике, химии, математике, политических науках. Гарвард – старейший университет в США, основанный в 1636 г.

² Договор о нераспространении ядерного оружия, разработанный Комитетом по разоружению ООН, был открыт для подписания 1 июля 1968 г. в Москве, Вашингтоне и Лондоне и вступил в силу 5 марта 1970 г. 11 мая 1995 г. свыше 170 стран-участниц договора пришли к соглашению о его продлении на неопределенный срок.

³ Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) между СССР и США был подписан 30–31 июля 1991 г. Согласно договору, оба государства обязывались в течение семи лет значительно сократить свои ядерные арсеналы. Срок действия договора истек 5 декабря 2009 г.

⁴ Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) между СССР и США был подписан 26 мая 1972 г. на неограниченный срок. Согласно условиям договора, он мог быть в любой момент расторгнут каждой из сторон.

⁵ Организация Договора о коллективной безопасности, именуемая также «Ташкентским пактом», была создана 15 мая 1992 г. в соответствии с Договором о коллективной безопасности в Ташкенте, подписанном главами Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекиста-

на. Целью деятельности организации провозглашалось «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности».

⁶ Шанхайская организация сотрудничества была основана в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Ее главными задачами провозглашалось укрепление стабильности и безопасности на пространстве, объединяющем государства-участники, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

⁷ Под термином «доктрина унилатерализма» Е.М. Примаков подразумевает притязания США на признание международным сообществом однополярности мира.

⁸ Торгово-промышленная палата России – правопреемник Торгово-промышленной палаты СССР. Она была создана решением Учредительного съезда Торгово-промышленной палаты РСФСР 19 октября 1991 г. ТПП – добровольное негосударственное объединение предпринимателей, включающее несколько сотен территориальных торгово-промышленных палат и прочих объединений и ассоциаций российских предпринимателей. Е.М. Примаков был председателем ТПП в 2001–2011 гг. С 2011 г. Торгово-промышленной палатой руководит С.Н. Катырин.

⁹ Под «Сочи-2014» имеется в виду масштабная программа мер, реализованная российским правительством по созданию в Сочи курорта мирового уровня и подготовки города к проведению зимних Олимпийских игр 2014 г.

¹⁰ По всей видимости, Е.М. Примаков имеет в виду целевую федеральную программу «Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР», реализованную в рамках подготовки к саммиту АТЭС («Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество») в 2012 г., который должен был пройти на острове Русский Приморского края Дальневосточного федерального округа.

¹¹Кронштадтский мятеж или Кронштадтское восстание – вооруженное выступление гарнизона города Кронштадта и боевого состава кораблей балтийского флота против большевиков в марте 1921 г.

¹² На XX съезде КПСС, состоявшемся в Москве 14–25 февраля 1956 г., Н.С. Хрущев выступил с докладом, в котором подверг критике культ личности И.В. Сталина и объявил о пересмотре идеологического наследия «вождя народов».

¹³ Валдайский форум – Международный дискуссионный клуб «Валдай» созданный в 2004 г. в Великом Новгороде в качестве экспертно-аналитического центра и дискуссионной площадки для политологов, историков, экономистов, философов и политиков. Своим названием обязан месту проведения первой конференции, состоявшейся вблизи озера Валдай.

¹⁴ Е.М. Примаков упоминает строящийся в Москве научно-технологический инновационный комплекс «Сколково» по разработке и внедрению новых технологий, созданный указом Президента РФ в 2010 г.

¹⁵ Гайдаровский форум – крупнейший в России ежегодный научный коллоквиум международного уровня в сфере экономики. Он проводится с 2010 г. в память об ученом-экономисте, идеологе российских реформ начала 1990-х годов Егоре Гайдаре.

¹⁶ Силиконовая долина (Кремниевая долина) – общепринятое обозначение территории в северной Калифорнии (США), где сосредоточено около половины всего научно-технического потенциала страны в области электроники и вычислительной техники. Там базируется большинство высокотехнологических компаний, связанных с разработкой и производством микропроцессоров и программного обеспечения для компьютеров.

¹⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC) – первый международно-правовой документ против коррупции, принятый на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г. и вступивший в силу 14 декабря 2005 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 8 марта 2006 г.

В Федеральный закон о ратификации не вошли несколько статей, в частности, ст. 20: «Незаконное обогащение».

¹⁸ «Арабская весна» – собирательное название событий, происходивших в 2010–2011 гг. в ряде стран арабского Востока – Тунисе, Египте, Ливии, Бахрейне, Сирии, Йемене, Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане, а также в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре (массовые волнения, демонстрации, путчи, гражданские войны и революции).

¹⁹ «Аль-Азхар» – один из старейших в мире университетов, основанный в Каире в 988 г. династией Фатимидов. Считается наиболее престижным центром мусульманского духовного образования.

²⁰ «Аль-Каида» – одна из крупнейших ультрарадикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама, созданная в 1988 г. Основана на идеологии исламского фундаментализма и панисламизма. Центральным органом организации является совет – шура. Целью организации провозглашалось свержение светских режимов в мусульманских странах и создание «Великого исламского халифата». Лидером «Аль-Каиды» считался Усама Бен Ладен (убит американским спецназом 2 мая 2011 г.).

²¹ Е.М. Примаков имеет в виду Беловежские соглашения – документ, подписанный главами Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины 8 декабря 1991 г. на территории заповедника «Беловежская пуща». «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ)» означало прекращение существования Союза Советских Социалистических Республик как «субъекта международного права и геополитической реальности».

²² Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции. Учрежден после подписания Договора о Евразийском экономическом союзе. Государствами-членами являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития государств-участников.

²³ Соглашение об упрощении паспортно-визового контроля на границах государств Европейского Союза было подписано 14 июля 1985 г. в Шенгене и вступило в силу 26 марта 1995 г. 1 мая 1999 г. его заменило Шенгенское законодательство ЕС.

²⁴ Российская Федерация вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО) 22 августа 2012 г., по завершении многоэтапного переговорного цикла, длившегося с 1993 г. по 2011 г.

²⁵ Международный Договор о нераспространении ядерного оружия был открыт для подписания в 1968 году и вступил в силу 5 марта 1970 года.

²⁶ Трагедия над шотландским городком Локерби случилась 21 декабря 1988 г. Авиалайнер Boeing 747–121 авиакомпании Pan American, совершавший рейс из Лондона в Нью-Йорк, был взорван с помощью пластичной взрывчатки семтекс. В катастрофе погибло 270 человек (259 на борту самолета (из них 243 пассажира и 16 членов экипажа) и 11 на земле). Результаты расследования, ставшие известными 13 ноября 1991 г., показали причастность к трагедии ливийской разведки. Совет Безопасности ООН ввел санкции против Ливии.

²⁷ Дейтонское соглашение о прекращении огня, разделении враждующих сторон и обособлении территорий, положившее конец гражданской войне в Республике Босния и Герцеговина в 1992–1995 гг. Подписано 14 декабря 1995 г. в Париже лидером боснийцев Алией Изетбеговичем, президентом Сербии Слободаном Милошевичем и президентом Хорватии Франьо Туджманом.

²⁸ Антанта – военно-политический блок России, Англии и Франции, созданный в качестве противовеса «Тройственному союзу» (Германия, Австро-Венгрия и Италия). Сложился в 1904–1907 гг. Завершил размежевание великих держав накануне Первой мировой войны.

²⁹ Форин Офис (Foreign and Commonwealth Office) – неофициальное название Министерства иностранных дел и по делам Содружества – внешнеполитического ведомства Великобритании, одного из департаментов британского правительства.

³⁰ Июльская революция, или Революция 14 июля – вооруженный переворот, произошедший в Ираке 14 июля 1958 года и закончившийся расстрелом королевской семьи и установлением республики.

³¹ Багдадский пакт был заключен в Багдаде 24 февраля 1955 г. между Ираком и Турцией, к которому затем присоединились Англия, Иран и Пакистан. Договор положил начало созданию военной группировки СЕНТО (Организации центрального договора), военно-политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке, существовавшей в 1955–1979 гг.

³² Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку, сопредседателями которой стали СССР и США, состоялась в декабре 1973 г. Ее участниками были министры иностранных дел Израиля, Египта и Иордании. После того как Израиль и США воспрепятствовали присутствию на конференции членов Организации освобождения Палестины, представители Сирии в знак протеста также отказались от участия в переговорах.

³³ Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан 14 мая 1955 г. Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией на Варшавском совещании европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. Документ оформил создание военного союза европейских социалистических государств при ведущей роли Советского Союза. 1 июля 1991 г. государства-участники подписали в Праге Протокол о полном прекращении действия Договора.

³⁴ Шестидневная война – военный конфликт между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией с другой, продолжавшийся с 5 по 10 июня 1967 года.

³⁵ Государство Объединенная Арабская Республика создано 1 февраля 1958 года. После выхода Сирии из состава

ОАР 28 сентября 1961 года Египет продолжал называться Объединенной Арабской Республикой до 1971 года.

³⁶ Лига арабских государств (ЛАГ) – международная организация, созданная 22 марта 1945 г. на основании Александрийского протокола. Объединяет арабские государства, а также ряд дружественных неарабских государств, в которых арабский язык является одним из официальных. Высший орган организации – Совет Лиги, в котором каждое из государств-членов имеет один голос. В Лигу входят 22 государства.

³⁷ «Братья-мусульмане» – международная исламистская ассоциация, основанная в 1928 г. В 1954 г. после неудачного покушения членов организации на президента Насера ее деятельность в Египте была запрещена.

³⁸ «Ан-Нур» (Аль-Нур) – одна из крупнейших политических партий Египта радикального исламистского направления. Возникла в 2011 г. как политическое крыло салафитских группировок. Выступает с программой радикальной перестройки светского государства и внедрения принципов шариата в управление, экономику и судопроизводство.

³⁹ «Хизболлах» («Хизбалла», «Хезболла») – «партия Аллаха» – создана в 1982 г. как филиал иранской организации с таким же названием, политическая партия и военизированная шиитская ливанская организация, ставящая целью создание в Ливане исламского государства по иранскому образцу для борьбы с израильским военным присутствием в Южном Ливане. Формальная структура основана на принципах главенства исламских лидеров. В 1992 г. «Хизболлах» впервые приняла участие в парламентских выборах, получив 12 из 128 мест в парламенте. С 2011 г. принимает участие в боевых действиях гражданской войны в Сирии на стороне правительства Башара Асада. Считается террористической организацией в США, Великобритании, Нидерландах, Канаде, Израиле, Австралии и Египте. В России не считается террористической организацией. Организует программы социального развития и содействия, содержит госпитали, службы новостей и образовательные центры.

⁴⁰ «Баас» или Партия арабского социалистического возрождения – политическая партия, основанная в Сирии Мишелем Афляком в 1947 г. Помимо Ливана, имеет отделения в Сирии, Ираке, Алжире, Бахрейне, Египте, Иордании, Кувейте, Ливии, Мавритании, Палестине, Судане, Тунисе и Йемене.

⁴¹ В сентябре 1978 года, на саммите в Кэмп-Дэвиде, Менахем Бегин и Анвар Садат заключили предварительное соглашение, а 26 марта 1979 года, в Вашингтоне – подписали Египетско-израильский мирный договор, положивший конец войне между двумя государствами и установивший между ними дипломатические и экономические отношения. О Кэмп-Дэвидских соглашениях Е.М. Примаков подробно пишет в книге «История одного сговора», включенной во второй том Собрания сочинений.

⁴² Ливийский король Идрис I, правивший Объединенным королевством с 1951 г., был свергнут 1 сентября 1969 г. в результате заговора организованного группой военных насеристского толка «Свободные офицеры» во главе с Мухаммаром Каддафи.

⁴³ Речь идет о серии политических мероприятий, получивших название «Международная конференция группы “Друзья Сирии”», в которых принимают участие представители нескольких десятков стран и организаций (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Саудовская Аравия, Катар, Турция и др.). «Друзья Сирии» декларируют идею поддержки территориальной целостности страны и выступают за решение кризиса в стране исключительно силами самих сирийцев. Они признают Национальный Совет Сирии легитимным представителем всего сирийского народа.

⁴⁴ «Западная Курна-2» – международный проект компании ЛУКОЙЛ по разработке крупнейшего нефтяного месторождения в Ираке. Первый контракт на разработку «Западной Курны-2» ЛУКОЙЛ заключил в 1997 г., однако международные санкции помешали его разработке.

⁴⁵ Пешмерга или пешмарга (в переводе с курдского, «стоящие перед лицом смерти») – так именуется курдские

вооруженные формирования в Иракском Курдистане. Они впервые возникли в 1890-х гг. и особенно окрепли после развала Османской империи в 1920-х гг.

⁴⁶ «Талибан» – исламистское движение, возникшее в 1994 г. среди пуштунов Афганистана. Находилось у власти в стране в 1996–2001 гг. Было признано лишь Объединенными Арабскими Эмиратами, Пакистаном и Саудовской Аравией. Совет Безопасности ООН признал «Талибан» террористической организацией в 2003 г.

⁴⁷ «Исламское государство» («ИГ», «Исламское государство Ирака и Леванта» – международная исламистская суннитская террористическая организация, действующая с 2013 г. преимущественно на территории Сирии и частично контролирующая ее северо-восточные территории, а также в Ираке, где частично контролирует территорию «суннитского треугольника»). Провозгласила себя всемирным халифатом 29 июня 2014 г. с шариатской формой правления. ИГ или подконтрольные ему группировки участвуют в боевых действиях в Ливане, Афганистане, Алжире, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, ведут террористическую деятельность в некоторых других странах. ИГ запрещена в РФ и признана большинством стран и международных организаций террористической организацией.

⁴⁸ «Сирийская свободная армия» (Свободная армия Сирии) – одна из крупнейших повстанческих вооруженных группировок в Сирии, ведущая вооруженную борьбу против режима Асада. Создана 29 июля 2011 г. группой офицеров во главе с полковником Риядом аль-Асаадом. Должность главы Высшего военного совета ССА занимает бывший бригадный генерал сирийских вооруженных сил С. Идрис. ССА состоит из ряда локальных организаций. Общая численность ССА – от 30 до 50 тыс. человек.

⁴⁹ «Джабхат ан-Нусра» («Фронт помощи народу аш-Шама») – исламистская террористическая организация, созданная 23 января 2012 г. во время гражданской войны в Сирии. Действует на территории Сирии. Считается отделением «Аль-Каиды» в Сирии и Ливане. Признана террори-

стической организацией Советом безопасности ООН, Австралией, Великобританией, Канадой, Новой Зеландией, ОАЭ, Россией, Саудовской Аравией, США, Турцией и Францией.

⁵⁰ «Правый сектор» – объединение активистов украинских националистических, праворадикальных организаций, возникшее на неформальной основе и оформившееся в ходе протестных акций в Киеве (декабрь 2013 – февраль 2014 гг.). Получило известность благодаря участию в столкновениях с внутренними войсками и спецподразделениями МВД Украины 1 декабря 2013 г.

⁵¹ ХАМАС («Исламское движение сопротивления») – палестинское исламистское движение и политическая партия, правящая в секторе Газа с июля 2007 г. Признан террористической организацией Израилем, Египтом, Канадой, США и Японией, запрещен в Иордании и Египте. Европейский союз продлил 27 марта 2015 г. признание ХАМАС террористической организацией.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абашидзе, Зураб Ираклиевич (р. 1951) – грузинский дипломат. В 1993–2000 гг. – посол Грузии в странах Бенилюкса и при Евросоюзе, руководитель миссии при НАТО. Занимал пост заместителя главы МИДа. Чрезвычайный и Полномочный Посол Грузии в РФ.

Абд аль-Ваххаб (Абд аль-Ваххаб ибн Сулейман ибн Али ибн Мухаммад ибн Ахмад ибн Рашид аль-Мушаррафи ат-Тамими) (1703–1792) – арабский теолог и основатель ваххабитского движения.

Абрамович, Роман Аркадьевич (р. 1966) – российский бизнесмен и политик, губернатор Чукотского автономного округа в 2001–2008 гг., председатель Думы Чукотского автономного округа в 2008–2013 гг.

Аваков, Арсен Борисович (р. 1964) – украинский бизнесмен и политик. Занимал посты в Совете национальной безопасности и обороны Украины (2007–2008). С февраля 2014 г. – министр внутренних дел Украины.

Аксенов, Сергей Валерьевич (р. 1972) – российский политик. Депутат Верховного Совета автономной республики Крым (2010–2014), лидер партии «Русское Единство» (2008–2014). С октября 2014 г. – глава Республики Крым.

Аль-Барадеи, Мохаммед (эль-Барадеи Мохаммед) (р. 1942) – египетский дипломат и общественный деятель. Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в 1997–2009 гг. Вице-президент Египта в июле-августе 2013 г. Лауреат Нобелевской премии мира (2005).

Аннан, Кофи (р. 1938) – генеральный секретарь Организации объединенных наций в 1997–2006 гг.

Асад, Башар (р. 1965) – сын Хафеза Асада, президент Сирии с 2000 г.

Барзани, Масуд (р. 1966) – иракский курдский политический деятель, президент Иракского Курдистана и лидер Демократической партии Курдистана (ДПК).

Барзани, Мулла Мустафа (1903–1979) – курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане. Председатель Курдской демократической партии в 1946–1979 гг.

Барзани, Нечирван (р. 1966) – иракский курдский политический деятель, внук курдского национального героя Мустафы Барзани. Премьер-министр Регионального Правительства Иракского Курдистана.

Белоусов Андрей Рэмович (р. 1959) – российский ученый, доктор экономических наук. В 2006–2008 гг. – заместитель министра экономического развития России. С 2013 г. – помощник президента России по экономическим вопросам.

Бен Али (Зин эль-Абидин Бен Али) (р. 1936) – тунисский государственный и военный деятель. Президент Туниса в 1987–2011 гг. 13 июня 2012 г. заочно приговорен Военным трибуналом Туниса к пожизненному тюремному заключению.

Бен Ладен, Усама (1957–2011) – глава террористической организации «Аль-Каида» в 1988–2011 гг. Убит американским спецназом.

Бердяев, Николай Александрович (1874–1948) – русский религиозный и политический философ, участник сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины», представитель экзистенциализма.

Березовский, Борис Абрамович (1946–2013) – российский предприниматель и политик. Исполнительный секретарь СНГ в 1998–1999 гг. В 2000 году эмигрировал из России в Великобританию.

Бернштейн, Эдуард (1850–1932) – немецкий публицист и политический деятель социал-демократического толка, один из идеологов ревизионизма.

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 годах.

Бисмарк, Отто фон (1815–1898) – немецкий государственный деятель, осуществивший объединение Германии. Создатель Второго рейха, первый канцлер Германской империи в 1871–1890 гг.

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 годах, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 годах.

Бурденко, Николай Николаевич (1876–1946) – российский и советский врач, деятель медицины. Главный хирург Красной Армии в 1937–1946 гг. Организатор системы здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии, академик АН СССР (1939).

Бухарин, Николай Иванович (1888–1938) – советский политический, государственный и партийный деятель. Член ЦК РКП(б) (1917–1934), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929), академик АН СССР (1929). Стал жертвой сталинских репрессий.

Буш-младший, Джордж Уокер (р. 1946) – губернатор штата Техас в 1995–2000 гг., президент США в 2001–2009 гг.

Бхутто, Беназир (1953–2007) – премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 гг. Стала жертвой покушения.

Ванга (Вангелия Пандева Гуштерова) – (1911–1996) – болгарская народная целительница, получившая известность благодаря приписываемому ей дару предвидения.

Волошин, Александр Стальевич (р. 1956) – российский политический и государственный деятель, руководитель администрации президента РФ в 1999–2003 гг.

Гагарин, Юрий Алексеевич (1934–1968) – советский летчик-космонавт. Первый человек, совершивший полет в космическое пространство.

Гази Абдул Рашид (1964–2007) – пакистанский исламистский деятель фундаменталистского толка из клана Ма-

зари в провинции Пенджаб. Убит в ходе спецоперации пакистанской армии.

Галлман, Уильям (Waldemar J. Gallman) (1899–1980) – американский дипломат, посол США в Ираке в 1954–1958 гг.

Галушка, Александр Сергеевич (р. 1975) – российский политический деятель, сопредседатель объединения предпринимателей «Деловой России». С 2013 г. – министр Российской Федерации по делам Дальнего Востока.

Гейтс, Роберт (р. 1943) – директор Центральной разведки в 1991–1993 гг., министр обороны США в 2006–2011 гг.

Гитлер, Адольф (1889–1945) – председатель НСДАП в 1921–1945 гг., рейхсканцлер Германии в 1933–1945 гг. Основатель диктатуры Третьего рейха.

Голикова, Татьяна Алексеевна (р. 1966) – российский государственный деятель, экономист. Первый заместитель министра финансов РФ в 2002–2004 гг. Председатель Счетной палаты Российской Федерации с 2013 г.

Гор, Альберт (р. 1948) – вице-президент США в 1993–2001 гг.

Горбачев, Михаил Сергеевич (р. 1931) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 годах, президент СССР в 1990–1991 годах.

Грэхем (Грэм, Линдси) – американский политик – республиканец. Старший сенатор от штата Южная Каролина с 2003 г.

Гэлбрейт, Джон Кеннет (1908–2006) – американский ученый, один из крупнейших экономистов-теоретиков XX в. Иностраный член АН СССР (1988).

Демпси, Мартин (р. 1952) – генерал армии США, председатель Объединенного комитета начальников штабов США в 2011–2015 гг.

Дмитриева, Оксана Генриховна (р. 1958) – российский политик, экономист. Заместитель руководителя фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе России в 2011–2015 гг. Председатель Совета регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Санкт-Петербурге.

Дудаев, Джохар Мусаевич (1944–1996) – президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996).

Ельцин, Борис Николаевич (1931–2007) – президент Российской Федерации в 1991–1999 годах.

Есенин, Сергей Александрович (1895–1925) – русский поэт.

Зотов, Александр Иванович (р. 1941) – посол СССР / РФ в Сирии в 1988–1994 гг.

Зубков, Виктор Алексеевич (р. 1941) – российский государственный деятель, экономист. Председатель Правительства российской Федерации в 2007–2008 гг., первый заместитель председателя правительства в 2008–2012 гг.

Идрис (Мухаммад Идрис ибн-Мухаммад аль-Махди ас-Сануси) (1890–1983) – шейх тариката Санусия в 1918–1969 гг. Король Ливии в 1951–1969 гг.

Илларионов, Андрей Николаевич (р. 1961) – российский экономист, руководитель группы анализа и планирования при Председателе Правительства России в 1993–1994 гг., советник Президента РФ в 2000–2005 гг.

Иноземцев, Владислав Леонидович (р. 1968) – российский экономист, социолог и политический деятель. Член Российского совета по международным делам с 2011 г. Председатель Высшего совета партии «Гражданская сила» в 2012–2014 гг.

Иноземцев, Николай Николаевич (1921–1982) – советский экономист, историк, специалист по мировой экономике и международным отношениям. Академик АН СССР.

Каддафи, Муаммар (1940–2011) – лидер Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в 1969–2011 гг.

Кейнс, Джон Мейнард (1883–1946) – британский экономист, создатель научной отрасли микроэкономики, основоположник экономической теории, известной как кейнсианство.

Кемаль, Мустафа (Ататюрк) (1881–1938) – турецкий политик, государственный деятель и военачальник; основа-

тель Народно-республиканской партии Турции, создатель и реформатор современного турецкого государства. Первый президент Турецкой Республики в 1923–1938 гг.

Керри, Джон (р. 1943) – американский политик-демократ. Бывший сенатор от штата Массачусетс. Государственный секретарь США с 2013 г.

Киссинджер, Генри (р. 1923) – государственный секретарь США в 1973–1977 гг.

Клепач, Андрей Николаевич (р. 1959) – российский экономист. Исполнительный директор Фонда экономических исследований «Центр развития» в 1999–2004 гг. Заместитель министра экономического развития и торговли РФ в 2008–2014 гг.

Клинтон, Билл (р. 1946) – президент США в 1993–2001 гг.

Клинтон, Хилари (Хилари Дайан Родэм Клинтон) (р. 1947) – американский политический и государственный деятель, демократ. Первая леди в 1993–2001 гг. Государственный секретарь США в 2009–2013 гг.

Коль, Гельмут (р. 1930) – федеральный канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.

Кондратьев, Николай Дмитриевич (1892–1938) – советский экономист. Основоположник теории экономических циклов, известных как «Циклы Кондратьева». Теоретик «новой экономической политики» в СССР. Репрессирован в 1930 г.

Коновалов, Александр Николаевич (р. 1933) – советский, российский врач-нейрохирург, педагог. Директор Научно-исследовательского института нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко в 1974–2014 гг.

Кудрин, Алексей Леонидович (р. 1960) – российский государственный деятель, министр финансов РФ в 2000–2011 гг. Председатель «Комитета гражданских инициатив».

Лавров, Сергей Викторович (р. 1950) – советский и российский государственный деятель, дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации. Министр иностранных дел РФ с 2004 г.

Ленин Владимир Ильич (Ульянов) (1870–1924) – один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР в 1917–1924 гг. Основатель СССР.

Маккейн, Джон Сидней (р. 1936) – американский политик-республиканец, сенатор США от штата Аризона с 1987 г. Кандидат от республиканской партии на выборах Президента США в 2008 г.

Малики, Нури (Нури Камель Мохаммед Хасан аль-Малики (р. 1950) – иракский политический и государственный деятель. Генеральный секретарь партии «Дава». В 2006–2014 гг. – премьер-министр Ирака.

Малькевич, Владислав Леонидович (р. 1936) – российский общественный деятель, инженер-радиотехник. Президент ТПП СССР в 1988–1992 гг. Руководитель Федеральной службы по валютному и экспортному контролю 1998–2000 гг. Доктор экономических наук. Советник Президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации с апреля 2012 г. Член Международной академии бизнеса (2001).

Маркарян, Роберт Варганович (р. 1949) – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в 1980–1985 гг., научный сотрудник ИМЭМО в 1985–1989 гг., помощник Е.М. Примакова (в Президентском совете СССР, в СВР России) в 1990–1996 гг. Посол России в Сирии в 1999–2006 гг., посол России в Хорватии в 2009–2015 гг.

Матвиенко, Валентина Ивановна (р. 1949) – советский и российский политик, дипломат. Председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства в 1989–1991 гг., посол СССР / РФ в Республике Мальта в 1991–1994 гг., посол России в Греции в 1997–1998 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–2003 гг., губернатор Санкт-Петербурга в 2003–2011 гг., председатель Совета Федерации с 2011 года.

Милошевич, Слободан (1941–2006) – президент Сербии в 1989–1997 годах, президент Союзной республики Югославия в 1997–2000 гг.

Мономах, Владимир (1053–1125) – древнерусский государственный деятель, военачальник. Сын князя Всеволода Ярославича. Великий князь киевский в 1113–1125 гг.

Мубарак, Хосни (р. 1928) – египетский военный и политический деятель. Вице-президент Египта в 1975–1981 годах, президент Египта в 1981–2011 гг.

Мудрый, Ярослав (ок. 978–1054) – древнерусский государственный деятель, великий князь киевский в 1016–1018 гг. и в 1019–1054 гг. Сын крестителя Руси князя Владимира Святославича. При нем был составлен первый известный свод законов русского права, вошедший в историю как «Русская правда».

Мильнер, Бенцион Захарович (1929–2013) – советский и российский экономист, доктор экономических наук. Заместитель директора Института экономики АН СССР в 1987–2000 г. Специалист в области теории организации и управления.

Мурси, Мухаммед (р. 1951) – египетский государственный и политический деятель. Председатель Партии свободы и справедливости, созданной международной панисламистской организацией «Братья-мусульмане». Президент Египта в 2013 г.

Мушарраф, Первез (р. 1943) – военный, политический и государственный деятель Пакистана, пришел к власти в результате военного переворота 1999 г. Начальник штаба сухопутных войск Пакистана в 1998–1999 гг., Премьер-министр Пакистана в 1999–2002 гг., президент Пакистана в 2001–2008 гг. После ухода от власти эмигрировал. В 2013 г. вернулся в Пакистан, обвинен в государственной измене и арестован.

Нагиб, Мохаммед (1901–1984) – египетский военный и государственный деятель, премьер-министр Египта в 1952–1954 гг., президент Египта в 1953–1954 гг.

Наливайченко, Валентин Александрович (р. 1966) – украинский политический и государственный деятель. Глава политсовета партии «Наша Украина» в 2010–2012 гг. Председатель Службы безопасности Украины в 2006–2010, 2014–2015 гг.

Наджибулла, Мохаммад (1947–1996) – афганский государственный деятель. Начальник службы государственной безопасности в 1980–1985 гг., президент Афганистана в 1987–1992 гг. Казнен талибами.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1954–1970 гг. генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 гг.

Нестор, (Нестор Летописец) (ок. 1056 – 1114) – киевский летописец, агиограф, монах Киево-Печерского монастыря. Считается одним из авторов «Повести временных лет». Канонизирован Русской православной церковью.

Нетаньяху, Биньямин (р. 1949) – израильский политический и государственный деятель. Лидер партии «Ликуд» в 1993–1999 и с 2005 г. Премьер-министр Израиля в 1996–1999 гг. и с 2009 г. по настоящее время.

Никсон, Ричард (1913–1994) – сенатор от штата Калифорния в 1950–1953 годах, вице-президент США в 1953–1961 гг. президент США в 1969–1974 гг.

Норт, Дуглас (Дуглас Сесил Норт) (1920–2015) – американский экономист. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. за исследования в области экономической истории с привлечением количественных методов.

Нури, Саид (1888–1958) – иракский политический деятель. С 1930 по 1958 гг. восемь раз занимал должность премьер-министра Ирака. Убит в ходе революции 14 июля 1958 г.

Обама, Барак (Барак Хусейн Обама) (р. 1961) – американский политический и государственный деятель, демократ, бывший сенатор от штата Иллинойс. Лауреат Нобелевской премии мира (2009). Президент США с 2009 г.

Олбрайт, Мадлен (р. 1937) – постоянный представитель США при ООН в 1993–1997 гг., государственный секретарь США в 1997–2001 гг.

Пауэлл, Колин (р. 1937) – американский военный и государственный деятель. Советник по национальной безопасности в 1987–1989 гг., председатель объединенного комитета начальников штабов в 1989–1993 гг., государственный секретарь США в 2001–2005 гг.

Плеханов, Георгий Валентинович (1856–1918) – российский философ, деятель социалистического движения. Один из основателей РСДРП. Теоретик и пропагандист марксизма.

Подгорный, Николай Викторович (1903–1983) – советский политический и государственный деятель. Член Президиума и Политбюро ЦК КПСС в 1960–1977 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1965–1977 гг.

Поповкин, Владимир Александрович (1957–2014) – российский военный и государственный деятель, генерал армии. Первый заместитель министра обороны в 2010–2011 гг. Руководитель Федерального космического агентства (Роскосмос) в 2011–2013 гг.

Порошенко, Петр Алексеевич (р. 1965) – украинский политический и государственный деятель, предприниматель. Президент Украины с 2014 г.

Путин, Владимир Владимирович (р. 1952) – директор ФСБ в 1998–1999 гг., секретарь Совета Безопасности РФ в 1999 г., премьер-министр РФ в 1999–2000 и 2008–2012 гг., президент России в 2000–2008 и с 2012 г.

Райс, Кондолиза (р. 1954) – советник президента по национальной безопасности в 2001–2005 гг., государственный секретарь США в 2005–2009 гг.

Райт Майкл (?) – британский дипломат, посол Великобритании в Ираке в 1954–1958 гг.

Расмуссен, Андерс Фог (р. 1953) – датский политический и государственный деятель. Премьер-министр Дании в 2001–2009 гг. Генеральный секретарь НАТО в 2009–2014 гг.

Распутин, Григорий Ефимович (1869–1916) – крестьянин села Покровское Тобольской губернии, ставший широко известным благодаря близости к семейству российского императора Николая II. Имел репутацию целителя, провидца.

Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945) – президент США в 1933–1945 гг.

Румянцев, Алексей Матвеевич (1905–1993) – советский ученый-экономист, академик АН СССР (1966). В 1967–1971 гг. – вице-президент АН СССР.

Саакашвили, Михаил Николозович (р. 1967) – грузинский и украинский политический и государственный деятель. Президент Грузии в 2004–2007 гг. и в 2008–2013 гг. Председатель Одесской областной государственной администрации с 2015 г.

Саркози, Николя (р. 1955) – французский политический и государственный деятель. Президент Французской Республики в 2007–2012 гг. Лидер оппозиционной партии Франции «Республиканцы».

Силуанов, Антон Германович (р. 1963) – российский политический деятель, экономист. Министр финансов РФ с 2011 г. Член Совета Безопасности Российской Федерации.

Солженицын, Александр Исаевич (1918–2008) – российский писатель, публицист, общественный деятель. Участник диссидентского движения в СССР, провел много лет в эмиграции. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970).

Сталин, Иосиф Виссарионович (Джугашвили) (1878–1953) – генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в 1922–1953 гг., председатель Совета народных комиссаров СССР в 1941–1946 гг., председатель Совета министров СССР в 1946–1953 гг.

Сулейман, Омар (1936–2012) – египетский политический и военный деятель, генерал-лейтенант. Руководитель Службы общей разведки с 1993 г. Вице-президент Египта в 2011 г.

Талабани, Джаляль (Джаляль Хусаматдин Талабани) (р. 1933) – курдский и иракский политический деятель. Президент Ирака в 2005–2014 гг.

Фейсал (Фейсал II бен Гази) (1935–1958) – последний король Ирака из династии Хашимитов. Фельдмаршал иракской армии, адмирал флота и маршал ВВС. Убит в ходе революции 1958 г.

Хайек, Фридрих (Фридрих Август фон Хайек) (1899–1992) – австрийский экономист и философ, представитель

новой австрийской школы, сторонник либеральной экономики и свободного рынка. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1974).

Халилзад, Залмай (р. 1951) – американский дипломат пуштунского происхождения. Старший политический аналитик «РЭНД корпорейшн» в 1989–1991 гг., помощник заместителя министра обороны по политическому планированию в 1991–1992 гг., директор программы «Стратегия, доктрина и войсковая структура» проекта ВВС в «РЭНД корпорейшн», главный советник афганских проектов американской нефтяной компании «Юнокал» в 1993–1999 гг. Специальный помощник президента США и старший директор по Юго-Западной Азии, Ближнему Востоку и Северной Африке Совета национальной безопасности и специальный представитель президента США по Афганистану в 2001–2003 гг. Посол США в Афганистане в 2003–2005 гг., посол США в Ираке в 2005–2007 гг. Постоянный представитель США в ООН в 2007–2009 гг.

Хантингтон, Сэмюэл Филлипс (1927–2008) – американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной им в статье «Столкновение цивилизаций?» (The Clash of Civilizations?), опубликованной в 1993 году в журнале «Foreign Affairs», а в 1996 г. в одноименной книге. Координатор отдела планирования в Совете национальной безопасности США в 1977–1978 гг. Директор Центра международных отношений в 1978–1989 гг. Один из основателей в 1970 г. журнала «Foreign Policy».

Хасан II (1929–1999) – король Марокко в 1961–1999 гг.

Ходорковский, Михаил Борисович (р. 1963) – российский бизнесмен, совладелец и глава нефтяной компании «ЮКОС» в 1997–2004 гг. В заключении в 2003–2013 гг. по обвинению в мошенничестве, хищениях и неуплате налогов.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 гг., заместитель председателя Совета революционного командования Ирака в 1968–1979 гг. и его председатель в

1979–2003 гг. Казнен 30 декабря 2006 года по приговору Верховного суда Ирака.

Чубайс, Анатолий Борисович (р. 1955) – советский и российский политический и хозяйственный деятель, Председатель Государственного Комитета РФ по управлению государственным имуществом в 1991–1994 гг., зам. Председателя Правительства РФ в 1992–1994 гг., министр финансов РФ в 1997 г., первый зам. Председателя Правительства РФ в 1994–1996, 1997–1998 гг., глава Администрации Президента РФ в 1996–1997 гг., председатель правления РАО «ЕЭС России» в 1998–2008 гг., председатель правления ОАО «Роснано» с 2011 г.

Шамун, Камилль Нимр (1900–1987) – президент Ливана в 1952–1958 гг., один из главных христианских лидеров во время гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг.

Шмидт, Гельмут (1918–2015) – федеральный канцлер ФРГ в 1974–1982 гг.

Шредер, Герхард (р. 1944) – германский политик, федеральный канцлер Германии в 1998–2005 гг. Председатель комитета акционеров Nord Stream AG с 2006 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абашидзе З.И. – 61, 293
Абд аль-Ваххаб – 227, 293
Абрамович Р.А. – 143, 144, 293
Аваков А.Б. – 266, 270, 293
Аксенов С.В. – 271, 293
Аль-Барадеи М. – 251, 293
Аннан К. – 27, 176, 293
Асад Б. – 57, 58, 174, 216, 218,
224, 226, 240, 250, 253, 254,
262, 289, 291, 294

Б

- Барзани М. – 230, 256, 257, 294
Барзани М.М. – 229, 230, 256,
294
Барзани Н. – 256, 294
Белоусов А.Р. – 111, 117, 294
Бен Али – 218, 226, 234, 294
Бен Ладен У. – 214, 286, 294
Бердяев Н.А. – 51, 294
Березовский Б.А. – 143, 144, 294
Бернштейн Э. – 39, 40, 294
Бжезинский З. – 31, 295
Бисмарк О. фон – 101, 295
Брежнев Л.И. – 214, 295
Бурденко Н.Н. – 71, 72, 295, 298
Бухарин Н.И. – 38, 39, 295
Буш-младший Д.У. – 30, 31, 95,
172, 244, 245, 248, 250, 258,
295
Бхутто Б. – 261, 295

В

- Ванга – 241, 295
Волошин А.С. – 143, 295
Всеволод Ярославич – 300

Г

- Гагарин Ю.А. – 67, 295
Гази А.Р. – 260, 295
Галлман У. – 208, 296
Галушка А.С. – 138, 296
Гейтс Р. – 248, 296
Гитлер А. – 25, 296
Голикова Т.А. – 137, 296
Гор А. – 166, 172, 200, 296
Горбачев М.С. – 78, 296
Грэхем – 251, 296
Гэлбрейт Д.К. – 50, 296

Д

- Демпси М. – 250, 254, 296
Дмитриева О.Г. – 81, 296
Дудаев Д.М. – 84, 297

Е

- Ельцин Б.Н. – 96, 143, 162, 297
Есенин С.А. – 252, 297

З

- Зайцев В.А. – 231
Зотов А.И. – 230, 297
Зубков В.А. – 17, 297

И

- Идрис – 290, 291, 297
Илларионов А.Н. – 48, 297
Иноземцев В.Л. – 142, 297
Иноземцев Н.Н. – 96, 297

К

- Кадафи М. – 57, 157, 167, 174, 202, 218–220, 226, 233, 234, 236, 237, 239–241, 290, 297
Кейнс Д.М. – 51, 52, 297
Кемаль М. (Ататюрк) – 207, 297
Керри Д. – 75, 298
Киссинджер Г. – 188, 213, 298
Клепач А.Н. – 108, 298
Клинтон Б. – 201, 298
Клинтон Х. – 163, 167, 173, 201, 228, 253, 298
Коль Г. – 166, 200, 298
Кондратьев Н.Д. – 22, 91, 298
Коновалов А.Н. – 71, 298
Кудрин А.Л. – 17, 21, 130, 298
Кузнецов И.И. – 11

Л

- Лавров С.В. – 203, 298
Ленин В.И. (Ульянов) – 36–43, 78, 182, 299

М

- Маккейн Д.С. – 238, 251, 299
Малики Н. – 256, 263, 299
Малькевич В.Л. – 88, 299
Маркарян Р.В. – 299
Мартиросян Р.В. – 231
Матвиенко В.И. – 85, 116, 299
Медведев Д.А. – 50, 98, 140, 150, 159
Милошевич С. – 201, 287, 299
Мильнер Б.З. – 47, 300
Мономах Владимир – 268, 300
Мубарак Х. – 218, 220, 221, 226, 228, 234, 300

- Мудрый Ярослав – 268, 300
Мурси М. – 220, 221, 300
Мушарраф П. – 258–261, 300

Н

- Нагиб М. – 300
Наджибулла М. – 231, 301
Наливайченко В.А. – 270, 300
Насер Г.А. – 209, 212–214, 225, 289, 301
Нестор (Нестор Летописец) – 268, 301
Нетаньяху Б. – 250, 301
Никсон Р. – 214, 215, 301
Норт Д. – 47, 301
Нури С. – 209, 256, 301

О

- Обама Б. – 31, 52, 77, 92, 95, 118, 158, 173, 223, 232, 235, 244, 245, 301
Олбрайт М. – 30, 165, 172, 301

П

- Пауэлл К. – 259, 301
Плеханов Г.В. – 39, 302
Подгорный Н.В. – 302
Поповкин В.А. – 142, 302
Порошенко П.А. – 276, 277, 302
Путин В.В. – 20, 32, 33, 50, 53, 54, 57, 66–68, 73, 74, 76, 82, 83, 85, 93, 104, 105, 112, 113, 117, 118, 121, 123, 138, 140, 141, 145, 146, 150–153, 159, 162, 163, 166, 169, 200, 252, 271, 272, 274, 276–278, 302

Р

- Райс К. – 232, 248, 302
Райт М. – 209, 302
Расмуссен А.Ф. – 203, 302
Распутин Г.Е. – 198, 302
Рузвельт Ф.Д. – 52, 302
Румянцев А.М. – 45, 46, 303

С

- Саакашвили М.Н. – 61, 232, 303
Садовничий В.А. – 11
Саркози Н. – 219, 236, 303
Силуанов А.Г. – 117, 303
Солженицын А.И. – 267, 268,
303
Сталин И.В. (Джугашвили) –
36–39, 41, 46, 151, 285, 303
Сулейман О. – 228, 303

Т

- Талабани Д. – 257, 303

Ф

- Фейсал (Фейсал II бен Гази) –
209, 303

Х

- Хайек Ф. – 53, 106, 303
Халилзад З. – 304

Хантингтон С.Ф. – 242, 304

Хасан II – 304

Ходорковский М.Б. – 32, 33,
304

Хусейн С. – 58, 217, 256, 262,
263, 304

Ц

Цыганков П.А. – 11

Ч

Чубайс А.Б. – 17, 305

Ш

Шамун К.Н. – 231, 305

Шмидт Г. – 63, 179, 305

Шредер Г. – 201, 305

Шутов А.Ю. – 12

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абхазия – 61
- Австро-Венгрия – 207, 287
- Азиатско-Тихоокеанский регион – 74, 133, 258, 284
- Азия – 34, 124, 141, 161, 206, 216, 251, 304
- Алжир – 210, 238, 243, 286, 290, 291
- Америка – 31, 102, 141, 163, 191, 206, 264
- Анкара – 247, 249
- Арктика – 192, 194
- Атлантика – 75
- Афганистан – 78, 95, 158, 164, 191, 214, 227, 231, 250, 254, 259, 260, 263, 291, 301, 304

Б

- Багдад – 208, 229, 256, 257, 288
- Байкальский регион – 134
- Балканы – 198, 199, 203–206
- Басра, провинция – 256
- Бахрейн – 58, 217, 219, 226, 242, 243, 286, 290
- Бейрут – 231
- Белград – 165, 166, 200, 201, 204
- Беловежская пуца – 177, 286
- Белоруссия – 26, 155, 163, 170, 171, 178, 180, 268, 286

- Бельгия – 44, 92
- Бенгази – 57, 167, 174, 202, 233, 234, 239
- Ближний Восток – 11, 13, 35, 156, 173, 174, 189, 191, 206–210, 212–216, 222, 227–229, 241, 244, 251, 254, 264, 288, 304
- Бостон – 24, 283
- Бразилия – 128, 155
- Брчко, округ – 204
- Брюссель – 155

В

- Великобритания, Англия – 175, 179, 189, 209, 234, 251, 287–290, 292, 294, 302
- Вена – 206
- Восток Украины – 267
- Восточная Сибирь – 74, 102, 112, 123, 133–135, 138, 139, 164
- Восточная Украина – 79, 269
- Вьетнам – 28

Г

- Газа, сектор Газа – 221, 274, 292
- Гамбург – 63
- Германия – 17, 21, 23, 25, 27, 44, 67, 71, 92, 166, 179, 200, 207, 209, 252, 273, 287, 290, 295, 296, 305
- Греция – 63, 299
- Грузия – 28, 61, 232, 293, 303

Д

- Дальний Восток – 74, 102, 112, 123, 133–135, 138, 139, 164, 296
Дамаск – 223, 224, 264
Днепропетровск – 267
Донбасс – 267, 277, 278
Донецк – 267, 269, 274, 278
Донецкая народная республика (ДНР) – 269

Е

- Евпатория – 272
Евразия – 31
Европа – 25, 34, 39, 63, 64, 69, 75, 155, 161, 163, 170, 179, 205, 251, 264, 274, 288
Египет – 156, 209, 210, 213, 215, 218, 220, 221, 225–228, 234, 235, 238, 240, 242, 243, 286, 288–293, 299–301, 303

Ж

- Женева – 214

З

- Забайкалье – 138, 164
Закавказье – 215
Западная Европа – 39, 179
Западная Сибирь – 133, 134
Западная Сахара – 286
Зеленоград – 87

И

- Израиль – 29, 175, 189, 191, 209, 210, 212, 214–216, 227, 232, 245, 249, 250, 274, 288, 289, 292, 301
Индия – 25, 29, 30, 35, 58, 59, 64, 95, 128, 155, 175, 251, 258
Иордания (в 1921–1946 гг. – Трансиордания) – 164, 209, 286, 288, 290, 292

- Ирак – 13, 28, 57, 58, 95, 158, 165–167, 171, 199, 200, 208–212, 216, 217, 220, 224, 229–231, 237, 243–250, 254–257, 260–264, 274, 286, 288, 290, 291, 296, 299, 301–304
Иракский Курдистан – 229, 246, 247, 256, 257, 291, 294
Иран – 28–30, 58, 119, 175, 189, 191, 212, 213, 216, 217, 224, 230, 232, 236, 248–252, 254, 257, 288
Италия – 209, 287, 290

Й

- Йемен – 156, 210, 217, 226, 242, 286, 290, 291

К

- Казахстан – 26, 155, 163, 171, 178, 180, 283, 284, 286
Камбоджа (в 1975–1989 гг. – Кампучия) – 28
Канада – 39, 44, 128, 273, 289, 292
Карское море – 193
Катар – 58, 216, 223, 290
Керчь – 272
Киев – 66, 265, 267, 268, 270, 273, 275, 277, 292
Киргизия – 180, 283, 284
Киркук – 229, 230, 257
Китай, КНР – 15, 25, 35, 57–60, 77, 88, 89, 91, 94–96, 100, 119, 128, 157, 167, 174, 186, 191, 202, 220, 239, 246, 251, 253
КНДР (Северная Корея) – 175, 189
Корейский полуостров – 189
Косово – 165, 166, 172, 199–201, 203–205
Крым – 66, 75, 120, 139, 206, 207, 269–272, 274–276, 293

Крымское ханство – 206

Куба – 215

Л

Латинская Америка – 141, 191, 206

Ливан – 58, 209, 217, 224, 230, 286, 289–291, 305

Ливия – 57, 58, 157, 167, 168, 174, 202, 203, 210, 218–220, 226, 233–241, 243, 245, 246, 253, 254, 286, 287, 290, 291, 297

Локерби – 287

Луганск – 267, 269, 274, 277, 278

Луганская народная республика (ЛНР) – 269

М

Малайзия – 77

Марокко – 206, 209, 238, 286, 304

Метохия – 166, 200, 203, 204

Москва – 61, 62, 73, 80, 85–87, 111, 112, 137, 153, 154, 173, 177, 183, 184, 192, 195, 205, 207–209, 211–213, 217, 239, 240, 275–278, 283, 285

Московская область – 85, 112, 137

Мосул – 264

Муром – 268

Мюнхен – 72

Н

Ненецкий автономный округ – 137

Новгород – 268, 285

Новосибирские острова – 194

Норвегия – 128–130, 179

Нью-Йорк – 163, 253, 259, 287

О

Османская империя – 206, 207, 248, 291

Охотское море – 192

П

Пакистан – 29, 164, 175, 212, 250, 258–261, 288, 291, 295, 300

Парчин – 251

Пекин – 88

Передняя Азия – 206

Персидский залив – 206, 209, 217, 251

Приштина – 201, 203

Р

Россия, Российская Федерация – 11–17, 19, 23, 26, 27, 29, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 44, 46–51, 53–60, 62–74, 76–85, 87–90, 92, 95, 97, 98, 100, 102–111, 113, 115, 116, 118–125, 127–134, 136, 139–143, 146–152, 154, 155, 157–165, 167–176, 178, 180–187, 189–208, 207, 208, 214–216, 218–220, 222, 223, 234, 237–241, 245, 246, 252, 252, 258, 267, 269–280, 283–287, 289, 292, 294, 296–300, 302, 303, 305

Русский остров – 284

Рязань – 268

С

Санкт-Петербург – 137, 188, 198, 296, 299

Саудовская Аравия – 58, 76, 164, 214, 216, 219, 223, 227, 236, 238, 286, 290–292

Севастополь – 66, 139, 270, 272

Северное Причерноморье – 207

Северный Кавказ – 29, 84, 139,
164, 207, 227, 237

Северный Ледовитый океан –
192, 228, 229

Сербия – 165, 172, 200, 203, 204,
287, 299

Симферополь – 271, 272

Сирия – 13, 57, 58, 76, 119, 157,
174, 210, 213, 214, 217, 218,
220, 222–226, 230, 240, 242,
243, 248, 250, 252–254, 257,
261–263, 286, 288–291, 294,
297, 299

Славянск – 274

Сочи – 34, 284

Средний Восток – 227

СССР, Советский Союз – 16, 25,
28, 35, 36, 38, 39, 41, 46–48,
78, 95, 102, 120, 124, 141, 161,
163, 170, 171, 177–179, 190, 191,
201, 203, 205, 208–215, 238,
265, 268, 283, 284, 286–288,
292, 295–300, 302, 303

Судан – 210, 211, 242, 286,
290

США, Соединенные Штаты –
16, 18, 21–26, 29–31, 35, 39, 44,
52, 53, 66, 71, 75–77, 82, 92, 95,
106, 116, 119, 120, 122, 128, 131,
142, 154, 157, 158, 161, 163–167,
171–173, 175, 176, 189–191,
199–202, 206, 209, 210, 212–
218, 223, 227, 228, 231, 232,
234, 235, 237, 238, 240, 244,
245, 248–254, 258, 259, 262–
264, 272–275, 277, 283–285,
288–290, 292, 295, 296, 298,
299, 301, 302, 304

Т

Таджикистан – 180, 232, 283,
284

Татарстан – 276

Тегеран – 251

Тель-Авив – 251

Триполи – 219, 234, 236, 246

Тунис – 156, 210, 218, 225, 234,
235, 238, 240, 242, 243, 253,
286, 290, 294

Турция – 58, 206–208, 212, 223,
230, 246–249, 257, 274, 288,
290, 292, 298

У

Узбекистан – 232, 284

Украина – 28, 66, 67, 76, 77, 79,
120, 136, 163, 170, 265–278,
286, 292, 293, 300, 302

Урал – 133

Ф

Филиппины – 77

Франция – 21, 27, 62, 175, 179,
189, 201, 209, 234, 235, 251,
252, 287, 290, 292, 303

Х

Харьков – 46, 267

Хельсинки – 30

Ц

Центральная Азия – 112, 124,
216, 296

Центрально-Азиатский регион –
215

Ч

Чернигов – 268

Черногория – 198, 200, 203

Черное море – 206, 274

Чехия – 23, 44

Ш

Шанхай – 88

Швейцария – 40

Швеция – 179

Э

Эрбиль – 257

Эстония – 44, 92

Ю

ЮАР – 128, 129

Югославия – 75, 165–167, 171,
172, 198–201, 203, 204, 299

Южная Каролина – 296

Южная Корея – 23, 44, 189

Южная Осетия – 61, 232

Южный Йемен – 210, 217

Южный Ливан – 289

Я

Япония – 17, 21, 23, 25, 44, 71,
74, 77, 123, 189, 209, 273, 292

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
(англ. Association of South-East Asian Nations, ASEAN)

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

БАМ – Байкало-Амурская магистраль

БиГ – Босния и Герцеговина

БРИК (BRIC) – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (сокращение от Brasil, Russia, India, China, South Africa)

ВВП – валовой внутренний продукт

ВТБ – Внешторгбанк (Банк внешней торговли)

ВТО – Всемирная торговая организация

ВЭБ – Внешэкономбанк (Банк внешнеэкономической деятельности)

ГКНТ – Государственный комитет по науке и технике РФ

ГЛОНАСС-М – Глобальная навигационная спутниковая система (Серия космических аппаратов российской глобальной навигационной системы)

Госдума – Государственная Дума РФ

Госзаказ – государственный заказ

Госзакупки – государственные закупки

Госкомстат – Государственный комитет по статистике

ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия

ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество

ЕС – Европейский союз

ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство

«Зарубежнефть» – Открытое акционерное общество «Зарубежнефть», российская государственная нефтяная компания, занимающаяся строительством объектов нефтяной промышленности за рубежом.

ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений

«ИНТЕР РАО ЕЭС» – Публичное акционерное общество «Интер РАО ЕЭС», российская энергетическая компания.

КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика

КНР – Китайская Народная Республика

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

ЛАГ – Лига арабских государств

«Ленэнерго» – российская электросетевая компания, снабжающая электроэнергией регион Санкт-Петербурга и Ленинградскую область. Создана в 1886 г. («Общество электрического освещения»).

ЛУКОЙЛ – ПАО «Нефтяная компания “ЛУКОЙЛ” – российская нефтяная компания. Наименование происходит от первых букв названий городов нефтяников (Лангепас, Урай, Когалым) и «ойл» (нефть).

МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии

МВФ – Международный валютный фонд

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений

«Металлоинвест» – ОАО «Холдинговая компания “Металлоинвест”», крупнейший горно-металлургический холдинг в России.

МИД – Министерство иностранных дел

Минвостокразвития – Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока

Минфин – Министерство финансов

Минэкономики – Министерство экономики

млн – миллион

млрд – миллиард

НАТО (NATO) – Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НДС – налог на добавленную стоимость

НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР; англ. Research and Development, R&D)

- «Норильский никель» – российская горно-металлургическая компания, созданная на базе Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина (НГМК).
- «Ноябрьскнефтегаз» – («Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз») – дочерняя компания Газпромнефти, нефтедобывающая компания с головным офисом в Ноябрьске.
- НЭП – Новая экономическая политика
- ОАР – Объединенная Арабская Республика
- ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
- ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- «Объединенная зерновая компания» – ОАО «Объединенная зерновая компания» (ОЗК), государственный агент при проведении закупочных и товарных интервенций на рынке зерна.
- ОДКБ – Организация договора о коллективной безопасности
- ОМП – оружие массового поражения
- ООН – Организация Объединенных Наций
- ОПГ – организованная преступная группировка
- ОПК – оборонно-промышленный комплекс
- «Полюсзолото» («Полюс Золото») – Открытое акционерное общество «Полюс Золото», российская золотодобывающая компания.
- ПРО – противоракетная оборона
- РАМН – Российская академия медицинских наук
- РАН – Российская академия наук
- РАО «ЕЭС» – Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации «Единая Энергетическая Система России», российская энергетическая компания.
- РЖД – ОАО «Российские железные дороги», российская государственная компания
- «Росагролизинг» – АО «Росагролизинг» – российская агропромышленная лизинговая компания в форме открытого акционерного общества с государственным уставным капиталом.

- «Роснефтегаз» – Открытое акционерное общество «Роснефтегаз», российская компания, управляющая государственными активами в области нефтяной и газовой промышленности.
- «Роснефть» – Открытое акционерное общество «Нефтяная компания “Роснефть”», российская государственная нефтегазовая компания.
- «Россельхозбанк» – Акционерное общество «Российский Сельскохозяйственный банк», обсуживающий товаропроизводителей в сфере агропромышленного производства.
- Роскосмос – Российское Федеральное космическое агентство
- Росстат – Федеральная служба государственной статистики РФ
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- «Русгидро» – Публичное акционерное общество «Федеральная гидрогенерирующая компания – РусГидро», российская энергетическая компания
- РФ – Российская Федерация
- СБ – Совет безопасности
- СБУ – Совет Безопасности Украины
- «Связьинвест» – Открытое акционерное общество «Инвестиционная компания связи», российская государственная телекоммуникационная компания (1995–2010).
- «Сибнефть» – «Сибирская нефтяная компания», крупнейшее российское нефтедобывающее и нефтеперерабатывающее предприятие.
- СМИ – средства массовой информации
- СНВ-1 – Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (подписан 30–31 июля 1991 г. в Москве)
- СНГ – Содружество Независимых Государств
- «Совкомфлот» – Публичное акционерное общество «Современный коммерческий флот», российская судоходная компания.
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединенные Штаты Америки

ТПП – Торгово-промышленная палата РФ

«Транснефть» – Открытое акционерное общество «Акционерная компания по транспорту нефти “Транснефть”, российская транспортная монополия.

Транссиб – Транссибирская железнодорожная магистраль
трлн – триллион

ТЭК – Топливо-энергетический комплекс

«ФинЭкспертиза» – аудиторско-консалтинговая группа, включающая в свой состав одноименную международную сеть, с головным офисом в России.

ФМС – Федеральная миграционная служба

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЦК – центральный комитет

ЦРУ – Центральное разведывательное управление США

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ИКЕА («Ingvar Kamprad Elmtaryd Agunnaryd») – нидерландская производственно-торговая компания по продаже мебели и товаров для дома, основанная в 1943 г.

KFOR – Kosovo Force («Силы для Косова»)

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Биобиблиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

В 10-ти томах.

Том 8:

**Вызовы и альтернативы многополярного
мира: роль России**

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022326-7

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 20.0
Тираж 1000 экз. Зак.